

ОТБЛЕСКИ
ЭТЕРНЫ

ВЕРА КАМША

ОТ ВОЙНЫ
ДО ВОЙНЫ

II

Отблески Этерны (Сериал Этерна)

Вера Камша

От войны до войны

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Камша В. В.

От войны до войны / В. В. Камша — «Эксмо»,
2022 — (Отблески Этерны (Сериял Этерна))

ISBN 978-5-04-163929-7

Эта история началась тысячелетия назад, когда владыка великой анаксии осудил на смерть брата-насильника и был им проклят. Эта история началась века назад, когда измена возвела на трон одряхлевшего королевства безродного выскочку, а верный погибшему сюзерену рыцарь убил предателя. Эта история началась совсем недавно, когда потомки проигравших восстали против потомков победителей. И вновь проиграли. Эта история началась, когда сын погибшего мятежника присягнул на верность убийце своего отца. И когда была выиграна война, победить в которой почиталось невыносимым. Празднества и погромы, богословские диспуты и смертельно опасные ритуалы, любовные свидания и допросы с пристрастием фальшивые письма, фальшивые гонцы, фальшивые покушения, фальшивые чувства... Пляшут в своих петлях висельники, голосят над обезумевшей столицей колокола, сходит со старых стен нечисть, рыдает над мертвым конем не знавшая радости девушка, тают в вине крупинки яда. Бред и явь, любовь и ненависть, поединки и попойки, «слезы» и «кровь». Это называется миром. «На войне как-то уютнее», но до войны еще нужно дожить.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-163929-7

© Камша В. В., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пламя Этерны	7
Часть первая	7
1	8
2	9
3	12
4	13
5	15
6	16
7	20
8	22
9	25
10	27
11	30
12	32
13	34
14	36
15	38
Часть вторая	41
1	41
2	43
3	45
4	47
5	50
6	52
7	57
8	59
9	64
10	66
Эпилог	69
От войны до войны	76
Часть I	76
Глава 1	76
Глава 2	84
Глава 3	90
Глава 4	96
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Вера Камша

От войны до войны

Во время войн спартанцы носят одежды красного цвета... Если кто из спартанцев бывает ранен, врагам этого незаметно, так как сходство цветов позволяет скрыть кровь.

Плутарх

Автор благодарит за оказанную помощь

Александра Бурдакова, Егора Виноградова, Анну Герасимову, Александра Гинзбурга, Ирину Гейнц, Александра Домогарова, Марину Ивановскую, Дмитрия Касперовича, Дмитрия Кравченко, Александра Куцаева, Даниила Мелинца, Кирилла Назаренко, Юрия Нерсеова, Эвелину Сигалевич, Михаила Слюзберга, Артема Хачатурянца, Елену Цыганову, Игоря Шауба, Алину Шестыреву, а также Донну Анну (Lliothar) и Yaneck del Moscu.

© Камша В.В., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пламя Этерны

Роману Папсуеву

Часть первая Капкан Судьбы

*И зыбью рук отсеченных,
Венков и спутанных прядей
Бог знает где отозвалось
Глухое море проклятий.
И в двери ворвалось небо
Лесным рокотаньем дали.
А в ночь с галерей высоких
Четыре луча зывали.*

Федерико Гарсиа Лорка

1

Мастер

– Мой э́пиарх¹, вытяни руку с кистью и заметь, как соотносятся части лица друг с другом, а потом отметь такое же соотношение на рисунке, – Диамни Кóро, крепко сбитый молодой человек, ободряюще улыбнулся худенькому сероглазому юноше, почти подростку, – это совсем несложно.

– Несложно, но у меня никогда не получится, – юноша аккуратно отложил кисть, – у меня вообще ничего не получается. Ни в чем и ни с кем. Я даже не могу тебя заставить называть меня по имени.

– Прости, Эрнани, – художник покаянно вздохнул и вдруг засмеялся, отчего его на первый взгляд заурядное лицо стало необычайно привлекательным, – только я – простолюдин, а ты – э́пиарх. Через такое, знаешь ли, переступить трудно.

– Я понимаю, – быстро заверил Эрнани и, чуть поколебавшись, добавил: – Мне следовало родиться в другой семье, там моя беспомощность не так бы бросалась в глаза. Хорошо, что я младший, мне можно остаться никем.

Диамни предпочел промолчать. Конечно, Эрнани Ракану никогда не стать воином; с его болезнью это просто невозможно, но хороший правитель отнюдь не обязан махать мечом лично. При хорошем правителе не бывает ни войн, ни восстаний и в цене не оружие, а статуи и картины.

Покойный а́накс приказал обучать младшего брата живописи потому, что великий Лэ́н-ти́ро Солье́га с детства страдал той же болезнью ног, что и э́пиарх. Сольега победил свою беду, но чтобы стать великим мастером, быть калекой мало – нужно, чтобы весь свет сошелся на кончике твоей кисти, а мысли Эрнани далеки от гипсовых голов и глиняных ваз. Беднягу тянет в большой мир, который от него отворачивается. Э́пиарх мечтает о воинских подвигах, неизведанных краях, любви... Конечно, юноше не грозит одиночество, но он достаточно умен, чтобы понять: в нем ценят брата анаксов, а не его самого.

– Мой э́пиарх... Эрнани, вернись с облаков на землю! Скоро стемнеет, а при светильниках тени ложатся совсем иначе.

– Да как бы они ни ложились, толку-то!..

В обычно спокойных серых глазах мелькнула бешеная искра, отчего юноша стал похож на своего брата Ринальди, не к ночи будь помянут. Не то чтоб Диамни не любил нынешнего наследника трона, но в присутствии Ринальди ощущал себя вбежавшим в логово леопарда кроликом. Увы, Эрнани на э́пиарха-наследника разве что не молился, именно таким – бесшабашным, отчаянным, острым на язык, по его мнению, и должен был быть настоящий мужчина.

К несчастью, Ринальди был хорошим братом; хорошим в том смысле, что, маясь в столице от безделья, навещал калеку чаще занятого государственными делами Э́ридани. Другое дело, что после болтовни о войнах, охотах и любовных победах юноша становился еще несчастней. Диамни несколько раз порывался поговорить с Ринальди начистоту, но не решался. Средний из братьев Раканов был не из тех, кто станет слушать безродного мазилу, а нарываться на грубость художнику не хотелось.

– Эрнани, если ты хочешь научиться рисовать...

– А я не хочу! – с неожиданной яростью перебил ученик. – Мне велел А́нэсти, но у меня ничего не выходит. И не выйдет, потому что я не хочу.

– Скажи об этом братьям.

¹ Титул брата или совершеннолетнего сына правящего монарха – **анакса**.

– Зачем? – Ученик упрямо сжал губы. – Тогда мне пришлют жреца-утешителя², или теще, или геометра. Или еще кого-нибудь, чтобы меня занять, и будет только хуже. С тобой я хотя бы могу не врать. Давай лучше рисовать будешь ты, а я просто смотреть.

– Эрнани, мне платят не за то, чтобы я рисовал.

– Тебе платят за то, чтобы я не лез на стену, – Эрнани откинул со лба светло-каштановую прядь, – и у тебя это получается. С тобой мне легче, чем без тебя, и у меня есть глаза. Ты рожден художником, только тебе не нравится дворец.

– Ты так думаешь?

– Да, иначе на твоих рисунках люди были бы лучше, а так... Когда я на них смотрю, то начинаю бояться Эридани. А Беатриса – она же мухи не обидит... Почему ты из нее сделал какую-то гиену, а из Ринальди леопарда?

– Твой брат в самом деле похож на леопарда, – улыбнулся художник.

– Похож, – согласился эпиарх. – С Рино ты прав и со старым Борраской, пожалуй, тоже, но остальные...

– Остальных исправлю. Сам не знаю, почему у меня так получается. Наверное, мне и впрямь тяжело среди знати.

– Просто ты очень гордый, – подсказал Эрнани, – вот тебе и кажется, что на тебя косо смотрят. А Ринальди все равно, кто чей родич, он или любит, или нет.

– Меня он не любит.

– А ты его еще больше не любишь. И зря.

Диамни пожал плечами. Он и впрямь опасался Ринальди с его красотой, наглостью и пренебрежением ко всему, что его сей момент не занимало. Художник про себя попросил Абвениев, чтобы Эридани наконец женился и обзавелся потомством. Оставляя анаксию на Ринальди опасно, а судьба старшего из братьев Раканов доказывает, что рок караулит государей точно так же, как и простых смертных. Если, конечно, это был рок.

– Когда государь наконец женится?

– В следующем году, – пообещал эпиарх, – осенью. Раканы всегда женятся осенью, но кто она, пока неизвестно.

Следующей осенью... Значит, наследник появится в лучшем случае еще через год! Если б Диамни Коро спросили, он посоветовал бы анаксу на это время отправить красавца Ринальди на столь любезную его сердцу войну. А если это невозможно, запереть в какой-нибудь отдаленной крепости и приставить к нему сотню храмовых стражников. Но Эридани Ракан не имел обыкновения советоваться с художниками.

2

Эпиарх

Диамни собрал свои кисти и ушел. Он был трижды счастлив, этот художник, – потому что родился здоровым, потому что до безумия любил свое дело и потому что не принадлежал к семье анаксов. Эрнани вздохнул и постарался сосредоточиться на гипсовом слепке. Совершенное в своей правильности лицо с пустыми белыми глазами вызывало тревожное чувство. Для Диамни Астрап был всего лишь копией знаменитой скульптуры, для Эрнани Ракана – напоминанием о том древнем и чудовищном, что спало в его крови.

Эпиарх призвал на помощь всю свою волю и принялся за рисунок. На чистом листе начала проступать безглазая голова, окруженная похожими на змей локонами, и тут юноша заметил ошибку. Диамни тысячу раз объяснял, как должен располагаться рисунок, но у Эрнани

² Служитель культа **Абвениев**, четырех богов – создателей Кэртианы – **Лита, Анэма, Унда и Астрапа**. Подробнее см. Приложения.

изображение отчего-то вечно сдвигалось в верхний левый угол. Эпиарх задумался, что делать дальше – попытаться исправить, оставить как есть или начать сначала, и решил довести до ума то, что вышло. Слепые глаза Владыки Заката раздражали, и Эрнани неожиданно для себя самого пририсовал сначала зрачки, а потом и ресницы. Лицо на рисунке стало не таким отталкивающим, и ученик мастера Диамни, закусив губу, принялся переделывать бога в человека.

– И с какой это радости ты взялся за мою особу?

От неожиданности Эрнани вздрогнул, выронив грифель. За его плечом стоял Ринальди.

– Я не заметил, как ты вошел.

– Еще бы, ты так увлечен искусством. Вот уж не думал, что это заразно. Ты не казался человеком, готовым отдать душу за удачную картинку.

– Это Астрап. – Странно, на рисунке и впрямь Рино. Наверное, скульптор взял за образец если не кого-то из Раканов, то Марикьяре – кому, как не Повелителям Молний, походить на своего бессмертного прародителя?

– Ну, задумался? – средний брат дернул младшего за ухо. – Скажи хоть, о чем.

– Об Ушедших, – не стал темнить юноша. – Понимаешь, мы рисовали гипсовую голову, потом я зачем-то переделал ее в живую, и получился ты.

– Ты хочешь сказать, что я похож на это чудовище? – Ринальди кивком указал на скульптуру. – Будь это так, со мной ни одна женщина не то чтоб спать, разговаривать бы не стала. И вообще, не верится мне что-то в наше божественное происхождение.

– Почему?

– Да потому, что тогда бы наши предки обходились без армий. Не спорю, Раканы были великими владыками, но людьми, а остальное – сказки, хоть и полезные.

– Кольца Гальтар, Цитадель, Лабиринт – не сказки!

– Тот, кто все это возвел, и впрямь управлял силами, которые нам и не снились. – Ринальди был непривычно серьезен. – Только мир куда больше Гальтар при всей их... величественности. Анаксы зря пыжятся и корчат из себя преемников Ушедших. Пока анаксия в силе, это нетрудно, да и самолюбию льстит, но стоит хотя бы раз по-крупному проиграть, и все полетит к демонам. Если простонародье поймет, что им тысячелетиями повелевали лжецы, которые могут сжечь город, но не горы, нас сметут, как крошки со стола. И правильно сделают. Ты не покидаешь Цитадель, а мне здесь скучновато. – Брат залихватски подмигнул, и Эрнани почувствовал, что краснеет. Ринальди менял женщин, как рубашки, и не брезговал выходить на поиски приключений в одежде простолюдина.

Эридани пробовал унять эпиарха-наследника, но тот лишь смеялся и махал рукой. В конце концов анакс удовлетворился клятвенным обещанием Ринальди не повторять выходки своего побратима Чезаре, по весне сбежавшего с невесткой Повелителя Скал, и по возможности не трогать жен и дочерей эориев³. Впрочем, Эридани отнюдь не был уверен, что брат держит даже это слово.

– Эрно, – Ринальди снова смеялся, – прекрати думать о женщинах, они по большей части того не стоят! Так вот, я, как ты знаешь, частенько таскаюсь по тавернам и площадям. В последнее время Гальтары заполонили эсператистские проповедники.

– Эсператистские? – юноша непонимающе уставился на брата. – Я слышал это слово, но и только.

– Спроси при случае своего мастера. Он, надо полагать, в состоянии тебя просветить.

– Рино, ну сколько можно дразниться. Раз уж начал, договаривай, кто они и чего хотят?

³ Наиболее адекватное значение – «существующие здесь и сейчас», «бытийствующие» – прямые потомки **Абвениев**. Эориев различают по принадлежности к одному из четырех Великих Домов – **Скал** (потомки Лита), **Ветров** (потомки Анэма), **Волн** (потомки Унда), **Молний** (потомки Астрапа). Подробнее см. Приложения.

– Эсператисты – это... – эпиарх-наследник на мгновение задумался, – такие люди. Они считают, что наш мир и еще кучу таких же слепил некто, кого они называют Создателем, уж не представляю, зачем это ему потребовалось. Создал и ушел куда-то, но вернется. Когда-нибудь. Может – завтра, а может, через тысячу лет. Хороших наградит, плохих накажет. Хорошие – это, разумеется, те, кто слушает проповедников.

– А как же Ушедшие?

– Они теперь не боги, а демоны, которые захватили власть, когда Создатель отвернулся, а потом прослышали, что хозяин возвращается, и удрали.

– Бред какой-то...

– Бред, – согласился Ринальди, – но кому-то нравится. Если Эридани не покажет, кто в доме хозяин, лет через десять эсператисты попробуют нашу божественность на зуб.

– Пусть пробуют. Они узнают, что такое Сила Раканов.

– Ты и впрямь так думаешь? Тогда ответь, зачем потребовалось стаскивать старика Борраску с молодой жены и посылать в Гайифу давить очередной мятеж, не проще ли показать смутьянам Зверя? Зачем кормить солдат, прознатчиков и стражников, если достаточно глянуть в зеркало или сжечь на подносе пучок травы?

– Раканы вправе использовать Силу, только если речь идет о жизни и смерти анаксии.

– Разрубленный Змей! – Ринальди ловко подхватил брата на руки, перенес через комнату и усадил на широкий подоконник, а сам пристроился рядом. – Да будь у анаксов пресловутая Сила, они бы пускали ее в ход где надо и где не надо, а жрецы с менторами объясняли, что без этого Кэртиана погибнет, вымрет, рассыплется в прах и сгорит лиловым пламенем!

– Рино, – младший брат смотрел на среднего сразу с ужасом и восторгом, – ты же не станешь отрицать существование Капканов Судьбы и анаксианских регалий?

– Нет, конечно, но если у тебя есть кот, не выдавай его за льва. Что-то магия, безусловно, может, а мы и впрямь способны к ней больше других эориев, не говоря уж о простонародье, только войны, братец, выигрываются мечом, а мир – золотом. Не надо считать себя сильней, чем ты есть.

– Ты это Эридани скажи, – засмеялся Эрнани.

– Бесполезно. Наш анакс слишком серьезно относится к доставшимся ему от Анэсти игрушкам. Он скормит нас обоим Изначальным Тварям, или кто там на самом деле сидит в катакомбах, но не признает, что его распрекрасные реликвии всего лишь вещи, пусть и магические, и никакой божественности ему не дают.

– Ты все еще злишься?

– Злюсь, – кивнул Ринальди. – Противно болтаться в Гальтарах, когда на севере вариты, на востоке – саймуры, а на юге – мятежники. Борраске не разорваться, а Эридани втемяшилось в голову, что наследника надо держать в сундуке. Можно подумать, я – последний в роду, а Эридани – евнух.

– Ну, пока он не женится, тебе лучше не рисковать.

– Спасибо, брат. Ты – настоящий Ракан. Когда появятся наследнички, я, стало быть, могу позволить варварам себя убить, но не раньше. А если мне на голову черепаха свалится или меня чей-нибудь муж отравит, тогда что?

– Ты же не веришь в судьбу.

– Не верю, но анакс из меня получится отвратный. Мне от того, с чем носится наш ценосный братец, скулы сводит... И вообще, что за подлая привычка всех загодя хоронить?

3

Мастер

Когда Диамни Коро переступил порог мозаичного домика, Лэнтиро Сольега задумчиво рассматривал эскиз, изображавший четверых величественных мужей в сияющих доспехах.

– Что думаешь? – мастер протянул ученику набросок.

– Добротная работа.

– Именно что добротная – из Вагáники выйдет хороший ремесленник, но мастером ему не стать. Тебя что-то беспокоит?

– Да, мастер. Я – дурной учитель. Мне хочется рисовать, а не сидеть в Цитадели с эписархом, которому нет дела до живописи. Ты во мне ошибся...

– Вряд ли. Мальчику не хочется учиться, но кто сказал, что я послал тебя учить живописи Эрнани Ракана? Я послал тебя учиться жизни, Диамни. Вот его, – знаменитый художник помахал перед носом ученика злополучным эскизом, – я пошлю только на рынок за лепешками.

– Что-то с печью? – в голосе Диамни послышалось беспокойство. – Я сейчас...

– Успокойся, – Лэнтиро укоризненно покачал головой, – ты не насадка, а с печью все в порядке.

– Зачем же тогда идти за лепешками?

– Незачем, – великий Сольега плутовато улыбнулся. – Ты так и не научился понимать шутки. Нельзя быть слишком серьезным, если ты, разумеется, не анакс и не жрец-утешитель. Итак, ты хочешь отказаться от уроков?

– Да, но Эрнани... Он просит, чтобы я остался, но не хочет рисовать.

– Тогда останься и рисуй сам. Тебе нравятся Раканы?

– Трудно сказать... Эридани я видел близко всего несколько раз. Он выглядит властным, сильным и очень усталым. Мне кажется, анакс – справедливый человек, очень серьезно относящийся к своим обязанностям. Ринальди резок, сластолюбив, легкомыслен и жесток. Эрнани – очень милый юноша, к сожалению, влюбленный в своего беспутного брата.

– И эти люди оказались щитом Кэртианы на переломе эпох, – Сольега задумчиво потер переносицу, – законник, сорвиголова и калека. Это может быть как очень хорошо, так и очень плохо. Ты должен рисовать их, рисовать до одури. Натурщики глупы и нарочиты, а тебе посчастливилось оказаться в центре истинных страстей. В Цитадели должно смешаться все – предательство, верность, похоть, целомудрие, добро, зло, красота, уродство... Да, Диамни, тебе повезло! Хотел бы я вживую понаблюдать за анаксом, его братьями, высшими эориями, стражами, слугами, жрецами... Если роспись нового храма доверят мне, понадобятся все твои эскизы. Даже те, которые ты сам считаешь неудачными.

– Мастер... Откуда ты знаешь, что мне не нравится? Правду говорят: Лэнтиро Сольега – ясновидящий!

– Нет, всего лишь сидящий взаперти. Задерни занавеси и открой холст. Я хочу знать твое мнение.

– Это... это оно?!

– Возможно. Я еще ни в чем не уверен. Ты первый, кто увидит.

Он первый! Первый! Диамни с бьющимся сердцем раздвинул серые холщовые занавеси. Эту картину мастер начал полтора года назад, и она стала его жизнью. О чем бы и с кем бы ни говорил Лэнтиро, что бы ни делал, он думал о своем детище и вот сегодня решил показать его ученику.

Молодой художник мысленно сосчитал до сорока, поднял глаза и столкнулся со взглядами Ушедших Богов, вернее, уходящих. И как же они отличались от тысячекратно повторенных групп, украшавших храмы и богатые дома, какой нелепой выглядела попытка Ваганики

передать величие и силу через напыщенность поз и бьющее в глаза сияние! Лэнтиро решил задачу по-своему, как, впрочем, и всегда!

Четверо еще не старых мужчин стояли на вершине горы, глядя вниз. Они прощались, уходили навсегда, оставляя то, что им дорого. Так нужно, таков их долг и их судьба, но как же мучительно рвать с тем, что составляет сам смысл существования!

Сольега не погрешил против канона, наделив Абвениев внешностью эориев из соответствующих домов и всеми традиционными атрибутами. Астрада был высок, строен, золотоволос и черноглаз, у его ног лежал леопард, а за спиной струился алый плащ с золотыми молниями. На плече Анэма сидела ласточка, белизна птичьих перьев казалась особенно ослепительной на фоне растрепанной смоляной гривы Владыки Ветров. Рядом застыл Хозяин Скал Лит. В серых глазах Уходящего были мука и обреченность, сильная рука бездумно сжимала ошейник огромного пса. Последний из Абвениев, Владыка Волн Унд, словно бы оторвался от остальных, подойдя к самому краю обрыва. Бледное узкое лицо, обрамленное каштановыми прядями, огромные зеленые глаза, загадочные и глубокие, как само море. Унд казался совершенно спокойным и даже улыбался, но мастеру Лэнтиро удалось передать нестерпимую боль, рвущую сердце бога. Нестерпимую даже в сравнении с тем, что испытывали его братья.

– Он все же оставил ее, – тихо произнес Диамни, – оставил, хоть и любил всей душой. Абвениаты не простят тебе этой картины, мастер.

– Пусть их, – махнул рукой Сольега, – но с чего это ты записал меня в еретики? Я все изобразил как должно.

– Мастер лукавит, – к Коро вернулась способность улыбаться, – он прекрасно знает, что делает. Трое прощаются с Кэртианой, четвертый со своей любовью, которую уносит с собой в вечность. Трое надеются вернуться, четвертый знает, что, если уйдет, возвращаться будет некуда. Трое исполняют свой долг, четвертый предает. Он предает, уходя, и предаст, оставаясь. И он все-таки уходит...

– Да, – кивнул Сольега, – ты понял правильно. Он ушел, она осталась, и никто не знает, смогла ли Оставленная умереть или любовь бога подарила ей вечную боль. Ее следы затерялись, а слезы высохли. Известно, что она не могла родить Унду сына, и ему пришлось взять другую женщину, от которой и пошел Дом Волн. Я нарисовал Уходящих, и если смогу нарисовать Оставленную, мой долг в этом мире будет исполнен.

– Не говори так!

– Отчего же? Каждый из нас приходит на землю во имя чего-то, просто многие об этом не задумываются. – Глаза Сольеги стали хитрыми. – Значит, тебе понравилось?

– Мастер! Ты еще спрашиваешь?

– Разумеется, спрашиваю. Я тщеславен, как все художники, просто некоторые считают нужным это скрывать. Мне думается, мы заслужили по кувшину хорошего вина, но вся беда в том, что по милости этого гнусного лекаря я не держу его в доме. Бегу от искушений, знаешь ли, но сегодня можно все. Да какое там можно, нужно! Ученик, ты пойдешь в лучшую таверну и раздобудешь нам лучшего вина, мы зажжем свечи и устроим себе праздник.

Диамни расплылся в невольной улыбке – радость учителя всегда его захватывала. Но какая картина! Ушедшие боги, какая картина!

4

Мастер

Лучшие вина в Гальтарах подавали в «Белой ласточке». Это было довольно далеко, но харчевня не закрывалась до глубокой ночи, а хозяин, как и все жители Гальтар, обожал мастера Лэнтиро. Диамни едва не рассказал явно продешевившему добряку о новой картине, но сдержался. Во-первых, «Уходящие» еще не завершены – небо не прорисовано и в нем не парит

серая чайка Унда, а во-вторых, молодой художник отнюдь не был уверен, что жрецы с восторгом примут таких Абвениев. Лучше всего, если первыми зрителями станут братья Раканы; то, что понравится анаксу, понравится и Абвениарху.

От мыслей о Лэнтиро и его творении художника отвлек звук свирелей и барабанный бой. Диамни и не заметил, как добрался до нового храма Ветров, где пришлось задержаться, пропуская молящихся. От Эрнани художник знал, что Беатриса Борраска, супруга стратега Лорио, каждый вечер молит Ушедших сберечь полководца и даровать победу его мечу. Последнее время Беатриса отчего-то предпочитала говорить с небесами в городе Ветров, хотя храмов в Цитадели хватало; говоря по совести, их могло бы быть и поменьше. Художник поудобнее перехватил оплетенный веревками бочонок и от нечего делать принялся рассматривать процессию, которой предстояло четырежды обогнуть помпезное здание.

Первыми шли Беатриса и сопровождавший ее Ринальди Ракан. Личико эории светилось восторгом и надеждой, приотставший на пару шагов эпиарх-наследник откровенно скучал. Диамни слышал, что отозванный венценосным братом из армии Ринальди рвется назад, на север, и в придачу терпеть не может жрецов, но Эридани был неумолим.

Художник отступил в тень – попадаться на глаза эпиарху, когда тот злился, было небезопасно: и без того вспыльчивый Ринальди в такие моменты превращался в сущего демона. Знал ли об этом выскочивший перед самым носом Беатрисы эсператистский проповедник, осталось тайной.

Юная женщина отшатнулась и замерла, испуганно распахнув огромные глаза, а эсператист вытянул худую, покрытую язвами руку, целясь куда-то между эпиархом и эорией, и возопил:

– Я вижу тебя насквозь, отродье беды! Ты носишь в себе Зло. Покайся! Создатель ведает все про всех, от Него ничего не скроется! Что б ни свершил и ни замыслил смертный, если он не открыт Создателю и слугам Его, не ждать ему милости за гробом. Все зло на свете от лжи пред лицом Его!..

Иступленные вопли завораживали. Смысла в выкрикиваемых оскорблениях и угрозах не было ни малейшего, однако люди медленно пятились от беснующегося проповедника и словно бы сжавшейся в комок женщины. Жрецы и храмовые служители откровенно трусили, а Беатриса ходила без охраны и свиты, словно и не была женой главы Великого Дома и лучшего полководца Золотой Анаксии, да и что могла сделать охрана? В таких случаях кто-то должен отдать приказ или подать пример.

– Для Него твоя ложь – шелуха! – надрывался проповедник, упорно тыча пальцем куда-то вперед. – Твое сердце черней зимней ночи. Ты – зло и вместилище Зла! Ты – проклятье Кэргианы, ты...

Ринальди прыгнул вперед, подхватил тщедушное дрыгающееся тельце, поднял над головой и с силой отшвырнул. Отчаянно вопя, кликуша пролетел над перевернутой тележкой, врезался в угол дома и замолк. Его череп был разбит страшным ударом; со своего места Диамни отчетливо видел отвратительные маслянистые брызги и темную кровь. Какой же мощью нужно обладать, чтобы сотворить такое! Или дело не только в силе рук? Художник торопливо перевел взгляд на эпиарха. Ринальди стоял совершенно неподвижно, слегка выставив вперед левую ногу и скрестив руки на груди. Поднявшийся ветер трепал светлые волосы наследника престола, напоминая о том, что это человек из плоти и крови, а не статуя и не картина. Сколько это продолжалось, художник не понял, затем откуда-то вылез откормленный кот с синим храмовым ошейником и, подергивая хвостом и принохиваясь, двинулся к трупу.

Ринальди усмехнулся, очень медленно обвел глазами замерших гальтарцев и повернулся к дрожащей Беатрисе. Диамни не мог слышать, что они говорят друг другу, да художник этого и не хотел. Убитый был омерзительен, убийца – страшен. Безумный эсператист угадал: эпиарх

– это зло. Страшно даже подумать, что станет с анаксией, со всей Кэртианой, если Эридани умрет бездетным, а венец и вместе с ним Сила достанутся Ринальди.

5

Эпиарх

Об исчезновении Беатрисы Борраска Эрнани узнал от брата. Эридани, похожий в своем четырехцветном плаще на огромный боевой корабль, вошел в комнату, когда они с Ринальди смеялись над поэмой Номирита́на Энарского, расписавшего войну котов и собак так, словно это были люди.

Хмуро поздоровавшись, анакс прикрыл за собой дверь и обернулся к Ринальди:

– Мне сказали, ты тут.

– И в порядке исключения не соврала. Ты только послушай: *«Я презираю хвостами крутящее племя, псы рождены пресмыкаться, и в этом их глупое счастье»*, – это кот говорит. А собака ему отвечает: *«Твари негодные, вы для себя лишь живете, вам никогда не понять, что такое служенье и верность»*.

– Прекрати! – Густые брови Эридани сошлись к переносице. – О Номиритане потом, хотя не думаю, что ты оказываешь Эрно услугу, снабжая его подобными виршами.

– Ну что ты, – Эрнани виновато улыбнулся, – это так занятно...

– Сказал же, о котках и писаках потом. Ринальди, где Беатриса?

– Борраска? – удивленно переспросил Рино. – Откуда мне знать? Видимо, на своей вилле.

– Ее там нет, уехала с двумя служанками прошлым утром. Сестра Лорио полагает, что в храм. К вечеру зорья не вернулась, на вилле решили, что она осталась в Цитадели или в городском доме, только Беатриса не появлялась ни там, ни там.

– Значит, старик рогат, – покачал головой Ринальди. – Что ж, этого следовало ожидать. Не скажу, что я в восторге, но жениться в пятьдесят с лишним на семнадцатилетней и пропадать на войне – недальновидно.

– Рино, – Эридани сдерживался из последних сил, – если ты знаешь хоть что-то, скажи. Лорио оставил жену на меня, что я ему скажу? Беатриса не из тех, кто сбегает с любовниками, кому это знать, как не тебе!

– Да, я не в ее вкусе, – зевнул Ринальди, – и это, к счастью, взаимно.

– Прекрати валять дурака! – на скулах анакса заходили желваки. – Я знаю, что ты в маске забрался к Беатрисе в спальню и она тебя выставила. За какими кошками тебя туда понесло?! Что ты там делал?

– Ничего, – пожал плечами эпиарх. – Вежливость требует добавить «к сожалению», но Беатриса в ночной рубашке еще хуже, чем в платье. Созерцать ее обнаженной меня, скажем так, не тянуло, это тебе нравится спать на терках.

– Ринальди!

– Ты спросил, я ответил.

– Я не просил тебя обсуждать внешность зории Борраска. Что ты делал в ее спальне?

– Собирался ее спасать. Мне передали письмо от ее имени и с ее печатью. Дескать, за ней охотятся эсператисты, она не знает, что делать, подозревает кого-то из родичей Лорио, но не может доверить бумаге всего, что знает, и просит меня после полуночи пробраться к ней в спальню. Окно обещала оставить открытым. Так, кстати, и было.

– Письмо сохранилось?

– Нет, я его порвал.

– Ты всегда так делаешь?

– Почти.

Это было правдой. Ринальди не хранил писем, возможно, потому, что слишком часто менял любовниц. Не врал он, и когда говорил о своих пристрастиях. Брат предпочитал чернокудых смешливых красоток, полногрудых и широкобедрых. Хрупкая болезненная Беатриса с ее льняными волосами и лучистыми голубыми глазами была ему без надобности. Видимо, Эридани подумал о том же, потому что лицо его прояснилось.

– Какое счастье, что Лорио не женился на короле, иначе тебе бы никто не поверил. – Улыбка анакса погасла так же быстро, как и появилась. – Что ж, придется перерыть все эсператистские притоны и допросить слуг. Если письмо писала не Беатриса, то кто-то из ее окружения.

– Пускай заодно поищут и Гиндо, бездельник опять удрал. Наверняка увязался за какой-нибудь сукой.

– Твой пес старается не отстать от хозяина, только и всего.

– Верно. – Наследник прищурил глаза. – Эсператисты эсператистами, но Лорио второй раз не женится. Нельзя забывать возможных наследников, Дом Ветров – штука вкусная.

– Ринальди, раз уж ты заговорил о женах... Тебе придется жениться одновременно со мной.

– Как скажешь, но, – эпиарх предупреждающе поднял палец, – во-первых, избавь меня от скелетов, какими бы знатными они ни были, а во-вторых, моя будущая благоверная должна понимать, что, кроме супружеского долга, ей особо рассчитывать не на что.

– Кот гулящий, – анакс беззлобно стукнул брата по плечу, – и когда ты только уймешься?

– Коты не унимаются никогда, – с гордостью сообщил Ринальди, листая творение Номиритана. Вот: *«Те, кто считает, что любимся мы лишь весной, мало что знают о племени нашем великом. Осенью, летом, зимой, всегда мы к посеву готовы...»* М-м-м, то, что идет дальше, и впрямь при анаксах и добродетельных юношах вслух лучше не произносить.

6

Мастер

Первым порывом мастера Коро было увести Эрнани с Анэмовой площади, где они зарисовывали старые кипарисы. Вернее, Диамни рисовал, а Эрнани просто сидел рядом, и все же непонятное напряжение первым почувствовал не он, а увлеченный работой художник. Именно в этот миг следовало встать и убраться, но мастер промедлил, а потом стало поздно – из-за Рассветной башни почти выбежала обнаженная женщина, явно беременная, за которой следовали несколько десятков человек. От неожиданности Диамни вскочил, уронив дощечку для растирания красок, а женщина до странности легким и стремительным в ее положении шагом проскочила невольных зрителей и, словно натолкнувшись на невидимую преграду, остановилась у серебристо-серой плиты, на которой был выбит знак Ветров. И тут художник ее узнал. Пропавшая в начале прошлой осени Беатриса Борраска... Но, дети Заката, что же с нею случилось!

Эория была бледна и худа, словно после длительной болезни. И без того маленькое личико стало совсем крохотным, и в нем не было ни кровинки, а обведенные черными кругами глаза горели каким-то исступленным огнем.

Диамни никогда не имел дела с беременными, но даже ему было ясно, что Беатрисе скоро рожать. Затем художник сообразил, что ребенок эории не может быть от усмирявшего гайифских мятежников мужа. Мастер Коро ошалело разглядывал замершую на сером камне фигурку с огромным животом, ничего не понимая и опасаясь худшего. Несмотря на охватившее его предчувствие беды, Диамни оставался художником – он бы и рад был ничего не видеть, но глаз произвольно отмечал синяки на щеке, руках и бедрах, какие-то отметины, похожие на плохо зажившие укусы, следы от веревок на руках и шее. Льняные волосы эории Борраска, прежде

составлявшие предмет зависти множества красавиц, были растрепаны и спутаны, набухшие соски казались кровавыми ранами.

Анэмова площадь стремительно заполнялась дворцовыми слугами, свободными от стражи воинами, оказавшимися поблизости эориями и жрецами. Если Беатриса в таком виде шла через нижний город, то за ней валила целая толпа, хорошо, что в Цитадель вправе входить лишь эории и те, кто служит им и анаксу. И все равно народу собралось слишком много. Диамни с наслаждением разогнал бы любопытных бичом для скота, но он был всего лишь безродным художником, приставленным развлекать калеку-эпиарха, и мог лишь дивиться человеческой черствости. А вот Беатрису чужие взгляды, похоже, не задевали. Глядя на топтавшуюся по вихрю Анэма женщину, Диамни все больше убеждался, что она повредила рассудком. Несчастную нужно увести. Кто бы ни был отцом ее ребенка, сейчас это неважно. Кажется, он сказал это вслух, потому что Эрнани сжал руку художника и прошептал:

– Она здесь по Праву Ветров.

– По праву? – Диамни совершенно не к месту подумал, что юноша, вероятно, впервые видит обнаженную женщину во плоти.

– Принадлежащий к великому дому ступает на его знак, когда требует защиты Абвениарха и суда анакса.

Конечно! В Цитадели четыре башни и четыре площади, посредине каждой – плита с символом. Почему он никогда не задумывался, зачем все это? Древние ничего не делали просто так, но что случилось с Беатрисой? Она беременна, и явно не от мужа. Борраска с, как выразился мастер Лэнтиро, полупобедой возвращается из Паоники лишь через несколько дней. Хорошая же новость его ждет!

Рваные звуки свирелей возвестили о появлении Абвениарха, чья резиденция находилась по другую сторону Рассветной башни. Богопомнящий медленно, с достоинством, пересек площадь и остановился перед замершей женщиной, опираясь на серебристый Весенний посох.

– Именем Ушедших, дочь Анэма! Ты просишь милосердия или справедливости?

– Справедливости! – выкрикнула Беатриса. – И вместе со мной ее ждут все жители Гальтар! Богопомнящий, я не думала, что под небесами может существовать подобное зло, но оно существует... Оно ходит, смеется, топчет самое святое, что есть в наших душах...

– Успокойся, дочь Анэма. – Абвениарх говорил очень медленно и очень ласково. Он был умным и опытным человеком, а Беатриса – отнюдь не первой безумицей, которую ему приходилось успокаивать.

– Нет и не будет мне покоя, пока этот человек... Нет, Богопомнящий, это не человек! Люди и даже звери не могут быть такими! Его должны покарать... – Голос женщины задрожал. – Во имя Оставленной и всех слез ее, он не должен уйти!

– Анакс справедлив, – мягко произнес Богопомнящий, – а слуги Ушедших милосердны. Кто твой обидчик и что он сотворил?

– Мой обидчик? – Огромные глаза стали еще больше, казалось, женщину безмерно поразило это слово. – Мой обидчик?.. Прошлой осенью я отправилась в храм Анэма... Я каждый день молила Ушедших о милости к моему супругу, но я... В тот день я не добралась ни до храма, ни до города. Меня похитил Ринальди Ракан! Моих спутников, кроме возницы, оказавшегося сообщником эпиарха, убили, а эпиарх... Я умоляла его отпустить меня, говорила о чести эориев, о воинской славе, о том, как его любит мой супруг, но Ринальди думал лишь о мести. Нам обоим! Лорио отослал его из армии, а я... я отказала ему в любви. Тогда эпиарх решил взять меня силой. И взял... Он приходил каждый день, пока не убедился, что я понесла. Тогда он отдал меня своим слугам и своей собаке, а сам смотрел... Вместе со своей новой женщиной. Смотрел и смеялся. Потом ему наскучило и это, он приказал меня убить, но двое из слуг и... и Василика... Они оказались добрыми людьми. Они боялись Ринальди, но не смогли

смириться с убийством... Они отравили пса и помогли мне бежать. Они готовы подтвердить, что я не лгу, если их защитят от... от...

– Я слышал твои обвинения, дочь Анэма. – Голос Богопомнящего был по-прежнему мягок, голос, не глаза. Еще бы! Жена главы одного из Великих Домов и лучшего полководца анаксии обвиняет брата и наследника анакса.

– Я тоже слышал. – Диамни не понял, откуда вышел Эридани. Загорелое лицо анакса казалось маской. Он сбросил плащ и передал одному из воинов. – Я стану говорить с тобой, эория Борраска, но лишь когда ты прикроешься.

Беатриса вздрогнула, когда на ее плечи лег четырехцветный плащ. Эридани был высок даже для мужчины из рода Раканов, эория Борраска не достала бы ему и до плеча. Плащ не только закутал женщину с головы до ног, но и церемониальными складками лег на камни двора. Прикрыв наготу, Беатриса разом утратила всю свою решительность и ярость. Испятнанные многочисленными синяками руки вцепились в толстую материю, неправдоподобно огромные глаза моляще и потерянно глядели на Эридани.

– Итак, – раздельно произнес тот, – ты обвиняешь моего брата Ринальди в похищении и насилии?

Беатриса опустила голову, спутанные льняные пряди почти полностью скрыли ее лицо.

– Да или нет? – голос был бесстрастен, но Диамни почти не сомневался: будь на то воля анакса, женщина до Цитадели не добралась бы.

– Да, – пролепетала она, – это правда...

– Приведите эпиарха-наследника, – распорядился Эридани и замолк. Молчали все – слуги, стражники, эории. Диамни навсегда запомнил эту сцену – серебристая Рассветная башня, часть блестящей на солнце стены, вековые кипарисы, загадочные и настороженные, словно закатные кошки, и маленькая растрепанная женщина в очень длинном плаще. Художник видел, что Беатриса держится из последних сил, худенькое личико казалось алебастровым, губы посинели, а багровые пятна на бескровной щеке выглядели нелепо, словно пятна краски.

Ожидание было недолгим – эпиарх был из тех, кого трудно найти в постели ночью и проще простого поздним утром.

Видимо, воин, ходивший за Ринальди, рассказал ему, зачем его призывает анакс, потому что красивое лицо эпиарха не выражало ни удивления, ни сострадания, ни страха. Только безгливость.

– Мой анакс хотел меня видеть.

– Да. Эория Борраска обвиняет Ринальди Ракана в насилии. Что ответит обвиненный?

– Ложь, – эпиарх усмехнулся, и это показалось Диамни чудовищным. – Эория провела зиму с пользой и удовольствием, но потом вспомнила, что у нее есть супруг, и испугалась.

– Ринальди! – Отчаянный крик Беатрисы заставил художника вздрогнуть. – В тебе осталось хоть что-то человеческое?!

– Кто знает, но моя суть, эория, не имеет никакого отношения к твоему животу. – Наследник повернулся к Эридани: – Я клянусь, что она или безумна, или замечает следы, а ее так называемые свидетели подкуплены или запуганы.

– В том числе и некая Василика?

– Василика? – Ринальди приподнял бровь. – Ах да, Василика... Родимое пятно в виде полумесяца под левой грудью и черные волосы до колен. Тогда это не страх, а золото. Если моя любовница меня продала, то взяла она дорогого.

– Эория утверждает, что Ринальди Ракан отдал ее сначала своим слугам, затем своему псу.

Анакс говорил о брате так, словно его здесь нет. Видимо, это что-то означало, но Диамни не знал, что именно.

– А что говорит пес?

Воистину у этого человека нет ни души, ни сердца!

– Пес убит. Чтобы эория могла бежать, один из сочувствовавших пленнице слуг подсыпал собаке яд.

– Значит, Гиндо сначала украли, а потом отравили для пущей достоверности. Бедняга...

Если это, разумеется, был Гиндо.

– Ринальди Ракан отрицает свою вину?

– Да.

– Беатриса Борраска настаивает на своем обвинении?

– Мой анакс! Это сделал он... он...

– Прошу назвать имя.

– Ринальди Ракан, брат и наследник моего анакса!

– Что скажет Абвениарх?

Богопомнящий говорить не спешил, с многозначительным видом глядя в небо. Его не торопили – как же, непредвзятый и милосердный судья!

Жрецов Диамни Коро недолюбливал. Главным образом потому, что вездесущие зануды требовали расписывать храмы по раз и навсегда заведенным правилам. Мало того что им требовались грозные, окруженные сиянием болваны, их предписывалось изображать в одних и тех же дурацких и напыщенных позах. Этого ученик великого Лэнтиро простить не мог. Что до самой сути абвениатства, то до нее художнику дела не было. Боги ушли, обещали вернуться, но не вернулись. Кто-то их ждет, а кто-то, как сам Диамни и его учитель, прекрасно обходится и без них, занимаясь тем, что любит. Правда, заставь кто-нибудь мастера Коро выбирать между абвениатами и эсператистами, он бы не колебался. Грязные оборванные кликуши, требующие прилюдного покаяния и ползанья на брюхе перед кем-то незримым, были художнику отвратительны. Уж лучше старые и привычные боги, тем более они ушли.

Абвениарх наконец что-то надумал, и Диамни показалось, что он очень доволен собой. Холеная рука поднялась в ритуальном жесте.

– Пусть Беатриса Борраска поднимется на холм Абвениев. Если ее ребенок от семени Раканов, Ушедшие его признают. Если нет, не о чем и говорить.

Ай да Богопомнящий! Ай да умница! Все правильно! Жены эориев, ожидая ребенка, проходят испытание, ведь силу можно завещать лишь мужчине своей крови. Если Ринальди невиновен, боги оттолкнут Беатрису и ее дитя.

– Эория готова подняться на холм Абвениев? – голубые глаза Эридани не сулили ничего хорошего.

– Да!

– Что ж, – Эридани холодно взглянул на закутанную в четырехцветный плащ женщину и еще холоднее на брата, – быть по сему. Завтра утром эория Беатриса поднимется на холм Абвениев и докажет свою правоту. Если обвинение подтвердится, эпиарх-наследник предстанет перед судом высших эориев. Если нет и если после этого обвинительница не докажет, что оклеветать брата анакса ее вынудили, судить будут клеветницу. До того, как я данной мне властью разбужу силы Ушедших, обвинительница может отказаться от своего слова, а обвиненный признать свою вину, обретя право самому оборвать свою жизнь. И да вразумят Абвении того, кто лжет.

Ринальди пожал плечами и легкой, раскованной походкой направился в сторону дворца. Перед ним расступались, как перед прокаженным, но эпиарх, кажется, этого не замечал. Четверо воинов, повинувшись взгляду анакса, подошли к Беатрисе. Оказавшись среди высоких плечистых мужчин, она казалась совсем крохотной. Неистовый, словно бы сжигавший женщину изнутри огонь погас, остались ужас и безнадежность. Бедная девочка, что же ей довелось вынести, если она решилась открыть свой позор и потребовать суда!

– Воины, – голос анакса оставался все тем же бесстрастным и холодным, – вы отвечаете за безопасность обвинительницы головой. Завтра она в сопровождении зориев Дома Ветров должна явиться к холму Абвениев, чтобы подтвердить или же опровергнуть сказанное.

Это тоже обычай, или Эридани опасается за жизнь Беатрисы? Мастер Коро был в Цитадели чужаком и не знал многого, очевидного зориям, слугам и воинам. Обычно Диамни спрашивал своего ученика, и тот с радостью объяснял, но сейчас на юношу было страшно смотреть.

Мастер Коро никогда не любил эпиарха-наследника и не верил ему, а после случая у храма Анэма стал бояться. Теперь его правоту подтвердила сама жизнь, но художник дорого бы дал за то, чтобы ошибиться.

– Диамни, – Эрнани попытался улыбнуться, – завтра все прояснится, вот увидишь.

– Безусловно, Эрнани.

Прояснится уже этой ночью. Анакс – хороший брат, и он все понял сразу, потому и отложил испытание. Ночью Ринальди исчезнет из Гальтар, как исчез его дружок Чезаре, и останется лишь молить Абвениев, чтобы негодяй где-нибудь сломал себе шею. Лишить эпиарха наследства может лишь анакс по приговору высших зориев, причем вынесенному в присутствии обвиняемого. Сбежав, Ринальди останется преемником брата до своей смерти или рождения племянника. Если Эридани умрет, не оставив потомства, власть по закону перейдет к насильнику и лжецу, где бы того ни носило.

По-человечески поступок анакса понятен, но его долг покарать преступника именно потому, что тот имеет права на трон. Будь Ринальди честным человеком, он бы воспользовался отпущенным ему временем, чтобы покончить с собой. Какая чушь! Будь он честным человеком, он не стал бы мучить отвергшую его женщину.

– Диамни, я... – шепот Эрнани был каким-то горячечным, – я должен поговорить с Рино! Если он не придет ко мне вечером, я сам схожу к нему, когда все уснут.

– Разумеется, Эрнани. Твое сердце делает тебе честь.

Ты придешь к запертой двери, мальчик, и там наконец поймешь, кого обожал столько лет.

7

Эпиарх

В комнатах Ринальди было темно, тихо и пусто, и Эрнани подумалось, что если брат виновен, его уже нет ни в Цитадели, ни в Гальтарах. Юноша все же прошелся молчаливой анфиладой. Брат с детства любил зеркала, это и впрямь было красиво, но сейчас глядящие друг на друга глубокие стекла производили жуткое впечатление. Эпиарху казалось, что он стоит на перекрестье ведущих в бесконечность коридоров, по которым в никуда бредут темные фигуры со свечками. Это было страшно, юноша чувствовал на себе чьи-то взгляды, за его плечом стоял некто молчаливый и недобрый. Убеждать себя, что все дело в обычном страхе человека перед ночью и неизбежностью, становилось все труднее, слишком сильным было ощущение чужого присутствия в молчаливых, словно бы вымерших комнатах. Рино бежал, осталась пустота и что-то, чему нет названия.

Юноша как мог быстро поковылял назад, туда, где был свет и живые люди, а не полные призраков зеркала. В своих комнатах ему стало стыдно – мало того что он уродился калекой, он еще и трус! Испугаться тишины и повешенных друг против друга освинцованных стекол, мимо которых проходил десятки раз. В безлюдности покоев эпиарха не было ничего загадочного, просто Эридани снял стражу, давая брату шанс на спасение. Золотые Земли велики, но за проливом лежат Багряные; там иные законы и иная жизнь. Черноглазые белобрысые мориски ценят в других не честь, а дерзость, силу и смелость, Рино с ними поладит, возможно, даже отыщет своего побратима. Теперь беглецами стали оба...

Когда совет эориев, поддержав требование Дома Скал, повелел убрать с Горусской арки имя Чезаре Марикьяре, Ринальди впал в неистовство. Эридани как-то унял эпиарха-наследника, но каменотесам пришлось сбивать с красного мрамора еще и имя Ринальди Ракана. Как же анакс с наследником тогда орали друг на друга. Рино кричал, что уже сделанное принадлежит тем, кто делал, Эридани не желал марать победы подлостями хоть бы и победителей. Борраска согласился с анаксом, и на арке осталось одно имя из трех, имя стратега Лорио. Не из той ли размолвки вырос нынешний кошмар? Эрнани всем сердцем желал, чтобы брат оправдался, но на это почти не надеялся. Как и Эридани, иначе б анакс не отложил испытание до утра. За ночь можно уехать далеко, а незаметно выбираться из Цитадели Рино умел.

Эпиарх подошел к заваленному свитками и рисунками столу и столкнулся со взглядом Владыки Молний, Осени и Заката – взглядом Ринальди. Брат не считал нужным и возможным зайти попрощаться, видимо, не желал неизбежных разговоров о Беатрисе. Но как он мог так поступить с женщиной? С супругой человека, на мече которого держится анаксия? Без Лорио Золотая Анаксия уже бы раскололась, или Эридани пришлось бы призвать Зверя. Если только это в его власти... Слова Ринальди о силе Раканов слишком походили на правду. Эрнани взял набросок и поднес к глазам – неужели они больше никогда не увидятся? Вечная разлука с живым страшнее прощания с мертвым. Юноша находил поступок брата гнусным, но был слишком к нему привязан, чтобы желать торжества справедливости. Окажись на месте Рино любой другой эорий, Эрнани без колебаний требовал бы для него самой страшной кары, но Ринальди! Младший из братьев Раканов так и просидел до утра, то вновь и вновь вглядываясь в дерзкое смеющееся лицо, то пытаясь читать о войне собак и кошек, но книга жгла руки и больше не смешила.

Неужели брату так нравится поэма Номиритана потому, что кошачий повелитель Леофор Змеехвостый говорит то, что Рино думает? Кот издевался над собачьей верностью и честью, думал лишь о кошках и войнах, устраивал подлые каверзы всем, кто его чем-то задевал. Леофор заманил в охотничий капкан отказавшую ему в любви лисицу, овладел ею, а на ее лиса навел охотников. Эрнани стало стыдно, когда он вспомнил, как они с Ринальди смеялись над этой сценой, но разве брат поступил с Беатрисой иначе?

Юноша оттолкнул вдруг ставшую отвратительной поэму. Эридани прав, ее нужно запретить. И все-таки хорошо, что Ринальди спасся! Может быть, в дальних краях он изменится к лучшему... Эпиарх взглянул в окно, потом на песочные часы. Пора собираться! Главное, не подать виду, что он знает об исчезновении брата. Ринальди вечно опаздывает на церемонии, нужно тянуть, уговаривать подождать. Чем позже будет послана погоня, тем больше шансов у беглеца уйти. Эрнани, как мог, быстро переоделся – он терпеть не мог подпускать к себе слуг – и послал за мастером Коро, чья помощь не унижала. Художник появился очень быстро, наверное, тоже не спал. Диамни казался смущенным, и эпиарх понимал почему – учитель не любил Ринальди и не скрывал этого, но, когда его опасения подтвердились столь чудовищным образом, почувствовал себя предвестником несчастья.

– Только не говори, что тебе очень жаль, – Эрнани постарался улыбнуться, – просто помоги добраться до места.

– Охотно, мой эпи... – художник прервал себя на полуслове, – разумеется, Эрнани, я помогу. Мне давно хотелось рассмотреть обелиски вблизи, а потом зарисовать. Это очень древнее место.

– Да, считается, что сперва появились они, потом – Цитадель и Кольца, и уже последними Великие башни...

Они шли и разговаривали о древних Гальтарах и их неприступных стенах-кольцах, не сложенных из камней, а словно бы выросших из земли. Эрнани рассказывал о Цитадели, в которой живут эории, и о подземных лабиринтах. Диамни пытался понять, для чего нижний город разделен на четыре части стенами не менее толстыми и высокими чем внешнее Кольцо,

так что попасть из города Ветров в город Молний можно лишь пройдя по внешнему или внутреннему Кольцу, и то не напрямую. Мастер и эпиарх гадали, кому могли понадобиться башни без входа и выхода и что означают символы, выбитые на оседлавших вершину холма обелисках. Они говорили обо всем, но не о том, что неотвратимо приближалось. Ринальди исчез, и его позор ляжет на плечи Эридани, Дом Ветров не простит анаксу бегства насильника.

8

Эпиарх

На четырех пологих лестницах, ведущих на вершину холма, стояли стражи в анаксианских цветах, а ближе к вершине на круговой террасе ждали главы Домов Молний и Скал. Энио Марикьяре в алом, расшитым золотыми зигзагами плаще казался недоумевающим и расстроенным, пожилой Повелитель Скал угрюмо смотрел в землю.

– Странное дело, – Диамни, как мог, пытался отвлечь своего ученика от дурных мыслей, и Эрнани был ему за это благодарен, – как все смешалось! Некогда детей Астрапа узнавали по черным глазам при очень светлых волосах, а у Повелителей Скал были серые глаза и темные волосы, а что теперь? Марикьяре темноглаз и темноволос, старик Надорэа рус, а ты похож на потомка Унда куда больше нынешнего главы Дома Волн.

О Повелителях Ветров не было сказано ни слова. Диамни не сомневался в вине Ринальди и не желал бередить рану, но Эрнани Ракан должен драться до конца. Он станет говорить и о Доме Ветров, и о брате, который, как всегда, проспал, но вот-вот примчится.

– Ну ты же знаешь, – главное, не молчать, не молчать и не коситься в сторону обелиска Анэма, откуда должна появиться Беатриса. – Раканы пошли во всех Ушедших вместе и ни в кого в отдельности. И друг на друга мы тоже не походим. Ринальди достались лицо Астрапа и глаза Унда, Анэсти лицом удался в Унда, а статью – в Лита и при этом был голубоглаз. Эридани – вылитый Анэм, как его рисуют, зато про Лорио даже не скажешь, что он эорий, хотя его мать приходилась сестрой нашему деду. Впрочем, откуда нам знать, какими были Абвении на самом деле? Ринальди говорил...

– Я много чего говорил. – Ринальди Ракан в придворной одежде стоял за спиной Эрнани и улыбался, светлые волосы наследника украшала церемониальная диадема, но в руках эпиарх держал ветку сирени.

– Рино! – Эрнани не находил слов. – Ты... ты тут?!

– А где ж мне еще быть? – удивился братец, помахивая своей веткой. – Здравствуй, мастер. Ты собрался все это... изобразить?

– Я...

– Я заходил к тебе ночью... – не выдержал Эрнани. – Тебя не было. Никого не было.

– Я выходил в город, захотелось развеяться после вчерашнего. А ты, никак, вообразил, что я удрал?

– Что ты... Я...

– Так ты или я? – Ринальди отбросил цветок. – Ты уж сделай милость, определись.

– Да, – еле слышно произнес Эрнани, – я так подумал. Эридани убрал стражников, перенес испытание на утро... и потом эти свидетели... и собака.

– Сколько раз можно говорить, что это не Гиндо! А хоть бы и он. Бедняга пропал полгода назад, мало ли в чьих руках он мог оказаться... Как бы то ни было, мне жаль Лорио, хорошенький подарочек его ожидает!

«Хорошенький подарочек...» Борраска не переживет измены жены. Неужели Рино не виновен? Похоже на то, виновные так себя не ведут.

– Извини, я думал...

– Это признак благородного происхождения, братец, – пожал плечами Ринальди. – Мы, эории, склонны верить любой гадости, сказанной о другом, но ужасно обижаемся, когда в гадостях обвиняют нас. О, а вот и обвинительница! Сегодня она выглядит получше. Все-таки некоторым женщинам лучше не раздеваться.

Беатриса Борраска в сопровождении родичей Лорио поднялась на террасу, не приняв ничьей помощи. Широкое, без пояса, закрытое платье цветов Дома Ветра – синего с белым – усугубляло и без того запредельную бледность женщины. Льянные волосы Беатрисы были убраны в серебристую сетку, это было единственным украшением, которое она себе позволила. Обведенные темными кругами глаза эории смотрели куда-то вверх – то ли на обелиск Анэма, то ли в небо. Не верилось, что эта измученная девочка могла обнаженной, с растрепанными волосами пройти через весь город и потребовать суда над насильником. И еще меньше верилось, что она способна солгать. Неужели и впрямь эсператисты? Решили отомстить за своего проповедника или опозорить полководца, разбившего принявшего новую веру самозванца? Но теперь Беатрисе ничего не грозит, почему бы ей не сказать правду?

Магии анакса хватит на то, чтоб защитить одну-единственную эорию, а Лорио предпочел бы, чтоб его жену обесчестили враги, а не эпиарх, которого он учил владеть мечом. Если, конечно, здесь можно говорить о предпочтении...

Звуки флейты и барабана возвестили о появлении анакса и Абвениарха, за которым шли три беременные женщины – одна эория и две простолюдинки. На поясе Эридани сверкал камнями церемониальный меч Раканов. Обычно брат носил при себе другое оружие, выкованное лучшими оружейниками Гальтар, а этот, широкий и короткий, висел в тронном зале. Там же хранились венец и увенчанный мерцающим лиловым камнем жезл, который анакс сжимал в руке. Реликвии повелителей Золотых Земель мирно спали веками, тая в себе древние силы, но сегодня они увидели солнечный свет.

Эридани хмуро оглядел глав Великих домов, обвинительницу и братьев. При виде Ринальди тяжелые веки чуть заметно дрогнули – анакс был поражен, но он всегда умел скрывать свои чувства. Под внимательным, взыскующим взглядом брата Эрнани стало страшно. Юноша вновь почувствовал себя стоящим на перепутье с догорающей свечой; в четыре стороны от него тянулись бесконечные проходы, и лишь один вел к свету.

– Эория Беатриса, – младший эпиарх ждал этих слов и все равно вздрогнул, – подтверждаешь ли ты свое обвинение? Если тебя силой или обманом вынудили взойти на чужое ложе и обвинить невинного, мы прощаем твой грех вольный и невольный в обмен на имена истинных виновников.

– Мой анакс, – Беатриса начала едва слышно, но затем возвысила голос, – я подтверждаю обвинение. Я подтверждаю, что эпиарх Ринальди из рода Раканов похитил меня и полгода продержал в своем убежище. Я подтверждаю, что он силой овладел мною и брал меня еще и еще, пока не убедился, что я забеременела. Я подтверждаю, что отец ребенка, которого я ношу, – эпиарх Ринальди... Я... я понимаю, какую боль это принесет моему супругу и моему анаксу. Я бы отреклась от своих слов, если б Ринальди Ракан не был наследником, но... Но человек, поступивший... сделавший это со мной, способен на все. Он не должен оставаться на свободе, он не должен носить титул эпиарха-наследника... И поэтому я обвиняю его! Я готова пройти испытание, и я говорю правду, клянусь Ундом и Анэмом!

– Брат наш Ринальди, – Эридани говорил чуть медленнее, чем обычно, Эрнани понял, что каждое слово дается брату с трудом, – продолжаешь ли ты настаивать на испытании или признаешь обвинение?

– Мне жаль Лорио Борраску, – в голосе Ринальди не было обычной насмешки, – но я не желаю приносить свою честь в жертву его покою. Я не трогал эту женщину ни по ее доброму согласию, ни против ее воли.

– Ты сказал, я услышал. Что ж, боги ушли, но их сила и их кровь с нами и в нас. Они дадут ответ, истинный и единственный. Братья мои, идите за мной.

Анакс начал медленно подниматься по пологой лестнице, Ринальди крепко подхватил Эрнани за локоть и двинулся следом. Юноша ковылял, опираясь на сильную руку брата, и рядом с ними шел тот самый невидимка, что бродил ночью по покоям наследника. Эрнани чувствовал его присутствие, но не решался прервать начавшийся ритуал, да и разум настаивал на том, что чужак не более чем порождение воспаленного воображения. Будь иначе, братья бы тоже что-то почувствовали, особенно Ринальди.

Лестница кончилась, наследники Ушедших вступили на вершину холма Абвениев. Плоская, словно срезанная ножом, она была замощена четырехугольными каменными плитами, менявшими цвет в зависимости от освещения. По краям, обозначая стороны света, возвышались каменные стелы, похожие на воткнутые острием вверх мечи, на лезвиях которых проступали странные знаки. Ученые мужи так и не смогли решить, являются ли загадочные символы начертанными на незнакомом языке именами Ушедших или же знаками избранных теми стихий.

Считалось, что именно с этой вершины Абвении в последний раз смотрели на оставляемые ими Гальтары, а внизу, у подножья холма, лежала пресловутая «Дорога в один конец» – вход в бесконечные подземные лабиринты. Лишь с дозволения анакса и в его присутствии эории могли взойти на Террасу Мечей, и лишь анакс мог отворить запирающую подземелье решетку.

Эридани, жестом указав братьям место позади себя, размеренным шагом двинулся от обелиска к обелиску. Это было неписанным законом – когда глава дома Раканов призывает Силу, мужчины его крови находятся рядом, и лишь анакс знает, для чего. Совершив полный круг, владыка возвел глаза к небу и словно бы окаменел. Он не делал ничего, что обычно вытворяют, изображая волшбу, актеры и фокусники – не чертил сложных фигур, не размахивал посохом, не выкрикивал непонятных слов, не разбрызгивал эликсиры, а просто стоял и ждал ответа. И ответ пришел. Знаки на лезвиях мечей начали светиться, сначала слабо, потом все сильнее. Казалось, они отделились от камня, превратившись в сотканые из лучей узоры.

Изменились и сами мечи, теперь они казались отлитыми из золота, и лишь на остриях клинков к золотому свечению примешивалось багровое, вызывая в памяти то ли кровь, то ли отблески немеркнувшего Заката, в который ушли создатели Кэртианы. Эридани поднял жезл и с силой вогнал в плиту у своих ног. Металлический стержень вошел в камень, словно в масло, полыхнул вделанный в рукоять лиловый камень, и к нему устремились сорвавшиеся с клинков багровые лучи. Эрнани сморгнул и не заметил, как из них возникла кровавая дорожка, протянувшаяся от ног анакса к лестнице.

– Женщины, – Эрнани видел лишь спину брата, а голос его был бесстрастен, – поднимитесь и пройдите Дорогой Заката.

Первой на тропу шагнула рыжеволосая красавица, Эрнани ее знал – жена одного из васалов Молний. Луч, стекший с клинка Астрапа, и зеленое сиянье Унда окутали будущую мать нежным ореолом. Эория, несмотря на беременность, двигалась грациозно и мягко, словно закатная кошка, она вышла из Дома Волн и, хоть и славилась веселым нравом, была верна своему супругу. Вторая и третья женщины не смогли преодолеть незримый барьер – простые служанки, они ожидали детей от таких же простолюдинов, и вход на холм Абвениев был им заказан. Беатриса поднималась последней, трое ее предшественниц доказали, что Ушедшие ответили на призыв анакса, но настоящее испытание начиналось лишь теперь.

Эрнани с колотящимся сердцем следил за синей фигуркой, которой огромный живот придавал странную нелепую трогательность. Эория Борраска ступила на дрожащую пламенную дорожку, и поначалу ничего не произошло. Этого и следовало ожидать: Повелитель Вет-

ров взял в жены деву, в которой не было крови Абвениев, однако забеременела она от эория, потому и смогла взойти на Террасу Мечей. От эория, но от кого?!

Женщина сделала шаг, второй, третий. Кто же отец? Кто?!

Четыре световых лезвия рванулись навстречу друг другу и столкнулись над головой обвинительницы, сплетаясь в некое подобие венца. Багрец Лита сменила синева Анэма, а тревожная зелень Унда перетекла в осеннее Астрапово золото. Беатриса Борраска носила под сердцем дитя Ракана.

Эридани стремительным жестом вырвал жезл из камня, и все погасло. Женщина доказала свою правоту и свою невиновность. Анакс, не говоря ни слова, подхватил Эрнани под руку и повел с собой, даже не глядя на Ринальди. Младший эпиарх был ему за это благодарен, опираться на руку насильника и клятвопреступника он бы не смог.

Эридани заговорил, лишь достигнув нижней террасы.

– Ринальди, – никогда еще старший брат не казался таким вымотанным, – у тебя была целая ночь, почему же ты не...

Анакс вздохнул и, все еще не выпуская плеча Эрнани, совсем другим голосом, уверенным и властным, произнес:

– Стража, взять эпиарха-наследника. В цепи!

9

Мастер

Ринальди, как никогда прежде, походил на леопарда, обложенного охотниками, – смертельно опасный и невероятно красивый. Диамни понимал, что обуявшие его вдохновение и восторг по меньшей мере неуместны, но ничего не мог с собой поделать. Завтра ему будет жаль Эрнани, Беатрису, ее седого мужа, завтра он припомнит подробности услышанного и содрогнется от низости и злобы, до которых может опуститься человеческое существо, но это потом, а сейчас он будет рисовать, рисовать и рисовать.

Художник не отрывал взгляда от подсудимого, схватывая каждый жест, каждое выражение, каждый поворот головы. Для нового храма Лэнтиро понадобится вождь солнечных демонов, и лучшей модели не найти. Более того, в глубине души Диамни уже решился на собственную картину.

На ней будет пленный демон, стоящий перед Абвениями. Мастер Коро, как истый ученик великого Солъеги, отойдет от привычной абвениатской композиции и не станет рисовать победителей – их присутствие должно ощущаться, не более того. Единственной фигурой, выписанной в мельчайших подробностях, вплоть до выпавшей ресницы на щеке, станет Враг. Он будет злым, гордым, упрямым, ненавидящим и побежденным. Именно побежденным! Те, кто увидит картину, должны понять: с подобным, оскорбившим собственное совершенство существом все кончено раз и навсегда. Возгордившийся заслуживает своей участи, несмотря на красоту и силу. О нем можно сожалеть, но им нельзя восхищаться.

Художник рисовал, а суд шел своим чередом. Анакс устало расспрашивал хрупкую женщину в синем, что-то говорили какие-то люди, вероятно, свидетели, очень долго вещал величественный седой жрец. Ему Диамни был искренне благодарен, поскольку многословные увещевания вызвали у Ринальди смех. Как он смеялся! Художник жалел лишь о том, что не в его власти останавливать мгновение – смеющийся Враг стал бы истинным шедевром! А может, написать несколько картин, повествующих о суде Абвениев над гордыней, жестокостью, подлостью и завистью, показав, что есть вещи, которые нельзя ни прощать, ни забывать? Демон может возродиться в каждом из нас, и чтобы этого не случилось, нужно понять самые основы Зла. Жаль, равных Ринальди натурщиков не найти... Значит, нужно спешить.

Четыре дня пролетели незаметно, Диамни почти не спал, ел только то, что ему подсовывали под нос, но был преисполнен сил. Выйдя из Палаты Справедливости, художник мчался к себе, благословляя судьбу, что ему дозволено жить в Цитадели и можно не тратить время на дорогу в город Ветров. Наскоро переодевшись, Диамни бросался к своим эскизам, восполняя по памяти то, что не успел зарисовать сразу. Кипа рисунков росла, но художнику было мало. Его расспрашивали о том, что происходит за массивными, украшенными знаками четырех стихий дверями, он односложно отвечал, что улики неопровержимы, но Ринальди Ракан отрицает свою вину. Подробностей мастер Коро не помнил, то есть не помнил, кто и что говорил, зато мог дать полный отчет о каждом жесте или взгляде обвиняемого. Конечно, следовало бы зарисовать и анакса, и Беатрису с ее мужем... Диамни даже пробовал это делать, но Ринальди ухмылялся или откидывал голову назад, и художник забывал и об обесчещенной женщине, и о словно бы угасавшем на глазах полководце.

Очнулся мастер лишь к вечеру последнего дня, когда все было кончено. Суд эориев признал Ринальди Ракана виновным в похищении супруги главы Дома Ветров, насилии над ней и лжи перед лицом Великих Домов, анакса и Ушедших. Именем Ветров, Волн, Скал и Молний так и не признавший свою вину эпиарх-насильник был приговорен к смерти. Это означало бой осужденного с обвинителем, судьями и их преемниками, пока кто-либо из потомков Ушедших не положит конец земной жизни преступника. Право начать смертельный поединок принадлежало Лорио Борраске.

– Старику конец, – прошипел сидевший рядом с Диамни толстяк в полуночном жреческом плаще, – годы не те, да и противник хуже не придумаешь.

Богопомнящий был прав. Достаточно было взглянуть на Ринальди, чтобы понять – оскорбленный умрет раньше оскорбителя. Художник поежился, вспомнив, как эпиарх прикончил эсператистского проповедника, а уж на мечях равного Ринальди после бегства Чезаре Марикьяре в Гальтарах просто нет. Обуянный гордыней осужденный уложит пару десятков ни в чем не повинных людей, прежде чем устанет и совершит ошибку. Дурацкий закон, он обрекает на смерть не только виновного, но и невинных. Можно подумать, Беатрисе и так мало горя!

Палату Справедливости затопила тишина. Мастер Коро на всю жизнь запомнил бьющие в стекла витражей солнечные лучи, поддерживаемый стройными колоннами четырех цветов неправдоподобно высокий потолок и ощущение неотвратимости беды. Беатриса казалась бледным полуночным призраком, вызванным безжалостным заклинателем среди бела дня, Борраска выглядел немногим лучше, хотя лицо его и было исполнено решимости. Его будущий убийца был спокоен, только бешено горели изумрудные глаза, и Диамни невольно вспомнил «Уходящих» мастера Сольеги. На картине у Владыки Волн глаза были такие же, как у Ринальди Ракана, – огромные, широко расставленные, цветом напоминающие лучшие северные изумруды. Но разве исполненный любви и горечи взгляд бога можно было назвать взглядом загнанного леопарда?! Нет! Наши тела, совершенные или уродливые, всего лишь сосуды для наших душ.

Гулко прозвенел гонг, и снова все стихло. Поднялся анакс. По закону, оглашая смертный приговор, повелитель Ракан должен снять венец, но Эридани этого не сделал.

– Эории, – сильный и ровный голос анакса, отражаясь от высоких сводов, и впрямь казался голосом высшей воли, – ваше решение справедливо. Приведенные доказательства неоспоримы. Ринальди из дома Раканов заслуживает страшной кары, но он не просто эорий. Он – наследник трона, прямой потомок всех Ушедших. Отказываясь признать свою вину перед лицом смертных судей, он отдает себя высшему суду. И да решат его судьбу Ветра и Волны, Молнии и Скалы. Завтра Ринальди Ракан, скованный и обнаженный, спустится в Лабиринт. Я, владыка Золотой Анаксии, Эридани из рода Раканов, замкну Капкан Судьбы, и да свершится воля Ушедших. Я сказал, вы услышали.

Беатриса Борраска вскрикнула и обхватила шею своего мужа, в первый раз за эти страшные дни дав волю чувствам. Эрнани попытался подняться, но сразу же упал на место, словно его толкнули, Энио Марикьяре опустил голову, Флáвий Пенья сотворил знак, отвращающий зло, кто-то позади Диамни истерически захохотал.

– Да будет так, – произнес Абвениарх, возводя глаза к беломраморным сводам. – Да будет Ринальди ввергнут в Лабиринт, и да решится судьба его там, а мы умываем руки и молим Ушедших о возвращении и милости.

– Но не вымолите ее!

Художник обернулся и увидел вскочившего Ринальди. Ледяное изваяние исчезло, теперь осужденный напоминал ожившую молнию. Обычно ненависть уродует, но эпиарх-наследник в ненависти стал еще прекрасней.

– Ты! – в Палате Справедливости было не меньше двух сотен человек, но эпиарх видел лишь анакса. – Ты мой брат по крови, так будь же ты проклят этой самой кровью и моей невиновностью до последнего своего потомка! Пусть твое последнее отродье четырежды пройдет всё, что по твоей милости прохожу я! Ему будет хуже, чем мне, ведь на нем повиснут беды и подлости всех его предков, начиная с тебя. Он ответит за всех, слышишь, ты, пращур проклятых?! Невиновные будут платить за виновных и не расплатятся. А я вернусь и увижу, как они проклинаят тех, кому обязаны своей участью. Да падут эти проклятья на твою душу, Эридани Ракан, где б она ни была, на твою душу и души всех твоих сообщников!

Лицо анакса дрогнуло, но ответить брату он не успел. Порыв ветра с шумом распахнул одно из забранных цветными витражами окон, обнажив кусок черно-синего предгрозового неба. Несмотря на тяжелые низкие облака, Цитадель заливал нестерпимо яркий свет. Видневшиеся в оконном проеме стены и часть Малого храма казались ослепительно-белыми.

За первым порывом ветра второго не последовало, напротив, на Цитадель спустилась давящая, чудовищная тишь, а затем в Палату Справедливости медленно и величественно всплыл багровый огненный шар размером с кошку. Немного задержавшись над судейским столом, он уверенно двинулся к Ринальди, постепенно меняя цвет с закатно-алого на оранжевый, желтый и, наконец, зеленый.

Когда небесный гость поравнялся с лицом эпиарха, он светился той же таинственной глубокой зеленью, что и взгляд осужденного. Сгусток изумрудного огня какое-то время провисел на расстоянии двух ладоней от лица эпиарха, словно вглядываясь в его душу, затем замерцал, распался на тысячи искр и исчез. Ринальди расхохотался, и тут же снаружи раздался оглушительный удар грома и хлынул ливень.

Это было совпадением! Служители плохо закрыли окно, а порыв ветра... Порыв ветра? Не тот ли это ветер, что помог Ринальди отшвырнуть эсператистского кликушу на невозможное для человека расстояние и трепал волосы эпиарха, когда даже легкие девичьи ленты на ограде храма – и те безжизненно повисли? Диамни словно наяву увидел запавшую в память картину – замершая площадь, неподвижная вечерняя жара и развевающаяся золотистая грива. Раканы от рождения наделены исходящей от самих Абвениев силой. Говорят, она подвластна лишь анаксу, но так ли это?

Осужденного увели. Он шел спокойно и устало, как воин, сделавший свое дело, он и был воином. Прежде, чем стал насильником и подлецом.

10 Мастер

Скованные ужасом люди зашевелились, лишь когда Ринальди и его стражи исчезли за тяжелой, окованной бронзой дверью. Палата Справедливости стремительно пустела. Судьи, свидетели, зрители разбежались, стараясь не глядеть друг на друга и не замечая хлещущего как

из ведра ливня. Диамни был ничем не лучше остальных. Ему следовало отыскать Эрнани, но художник опрометью бросился прочь. Он понимал, что поступает трусливо и бесчестно, но был слишком подавлен и напуган, чтобы стать для кого-то поддержкой.

Лабиринты! Бесконечные подземелья, начинающиеся под городом и уводящие в глубь земли. Там, в бесчисленных переходах и галереях, все еще длится эпоха Абвениев. Говорят, подземелья связаны с четырьмя одинокими башнями, в которые входа с земли нет. Говорят, глубоко внизу, в окруженных негасимым холодным пламенем пещерах спят неотличимым от смерти сном изначальные твари и, охраняя их покой, бродит по бесконечным переходам сестра смерти. Говорят, в самом сердце Лабиринта расположен храм Абвениев, откуда можно к ним воззвать даже теперь. Говорят, уходя, боги остановили время в лежащих под Гальтарами катакомбах, и спустившийся туда станет бессмертным, но никогда не доберется до выхода. Говорят, там до сих пор плачет смертная возлюбленная Унда, и встреча с ней означает безумие. Люди многое говорят, сходясь в одном: внизу, под городом, творятся странные и страшные дела.

Очень долго входы в подземелья стояли открытыми, и неудивительно: люди в здравом уме туда не совались, однако, чем дальше уходили времена богов, тем смелей и нахальнее становились смертные. Искатели сокровищ, преступники, несчастные влюбленные стали спускаться в пещеры, и больше их никто не видел. Потом кто-то заметил, что всякий раз, когда в Лабиринте исчезал человек, где-то объявлялось чудовище. То ли подземелья, забирая одних, отдавали верхнему миру других, то ли оказавшиеся внизу безумцы меняли свое естество, становясь подобием изначальных тварей.

Шестьсот лет назад Тайрэни Ракан с огромным трудом выследил и уничтожил вырвавшегося из подземелий полужмея-убийцу. Победив ненасытную тварь, Тайрэни создал Капканы Судьбы – магические замки, подвластные только тому, кто их запер, и превращавшие в живую статую любого, коснувшегося запертых дверей хоть бы и через полу плаща.

Анакс собственноручно закрыл все входы и выходы в Лабиринт. С тех пор в подземелья по доброй воле не входил никто, но дважды «Дорогой в один конец» уходили эпископы, обвиненные в государственной измене и не признавшие своей вины. Теперь настал черед Ринальди. Страшная судьба, но негодяй ее заслужил. Погибнет только преступник, а старик Борраска и принявшие его сторону судьи уцелеют. Решая судьбу брата-насильника, Эридани поступил справедливо и мудро, но как же ему сейчас тяжело. Конечно, сознание собственной правоты и чистой совести поддерживает, и все равно Диамни ни за что на свете не хотел бы оказаться на месте анакса.

Как всегда, когда на душе у молодого художника было особенно скверно, он решил навестить Лэнтиро. Нужно показать мастеру наброски, посоветоваться о картине, посмотреть, как продвинулись вперед «Уходящие», и, в конце концов, он сегодня не в состоянии сидеть в своих комнатах! И тем паче не в состоянии видеть Эрнани. Да, это трусость, но художник не воин и не жрец-утешитель, он не обязан быть смелым и милосердным. Диамни торопливо собрал скопившиеся за последние дни рисунки, накинул плащ и покинул Цитадель.

Гальтарцы уже знали и о приговоре, и о проклятии. Город казался настороженным, как одичавшая кошка, немногочисленные прохожие торопились по своим делам, стараясь держаться поближе к стенам домов. Люди были напуганы, и неудивительно – Лабиринт таил в себе угрозу, и тревожить его было небезопасно. Пусть дважды обошлось, но раз на раз не приходится.

Мастер тоже все знал, постаралась домоправительница, которая выбалтывала новости чуть ли не до того, как они случались.

– Ты мне не нравишься, – великий художник внимательно посмотрел на своего лучшего ученика, – хотя сегодня мне не нравится никто, и меньше всего я сам. Боюсь, нам опять придется пить. На сей раз для храбрости.

– Я готов, – через силу улыбнулся Диамни и торопливо добавил: – Я принес наброски... Их много, я не успел отобрать.

– Хотелось побыстрее удрать из Цитадели? – Сольега, как всегда, попал в точку и, опять-таки как всегда, этого не заметил. – Давай! Чем больше рисунков, тем больше толка. Ты рисуешь лучше, чем выбираешь.

Диамни молча протянул наброски учителю и тихонько сел рядом. Сердце художника отчаянно колотилось. Так было всегда, когда Лэнтиро смотрел его работы. Каков будет приговор? Коро надеялся на лучшее и отчаянно боялся худшего.

Если Лэнтиро скажет «нет», картины не будет, хотя бы все остальные художники этого мира сказали «да».

Молодой человек с волнением наблюдал за лицом мастера, а тот внимательно и неторопливо изучал набросок за наброском. Смотрел, возвращался назад, снова смотрел, принимался выискивать в общей пачке какой-то из эскизов. У Диамни отлегло от сердца: если Сольега что-то отвергал, он делал это сразу, и он никогда еще не рассматривал работы своего ученика так долго. Значит, «Демон» будет!

Наконец Лэнтиро отложил наброски.

– Достоин. – Какое странное у него лицо! – Весьма достоин.

– Благодарю, мастер.

– Это я должен тебя благодарить. Ты не просто смотрел, ты чувствовал сердцем. Так Ринальди Ракана осудили?

– Да.

– Диамни, – что-то в голосе учителя заставило ученика напрячься, – ты ручаешься за точность изображенного? Ты провел эти дни в суде, а не в кабаке? Ты рисовал то, что видели твои глаза, или то, что слышали твои уши?

– Клянусь Вечностью, – Диамни уже ничего не понимал, – я сидел очень близко, свет падал на обвиняемого. У него замечательное лицо! Именно таким должен быть Враг – прекрасным и вместе с тем страшным, лживым и жестоким. Я спешил, чтобы успеть... Счастье, что Ринальди сохранял одно и то же положение – у меня никогда не было такого натурщика!

– Мой мальчик, – старый художник накрыл руку Диамни своей, – я не сомневаюсь ни в твоей честности, ни в твоём мастерстве, но прежде, чем сказать тебе то, что я скажу, мне надо убедиться, что на тебя никто не влиял. Я имею в виду никто из тех, кто был на стороне Ринальди.

– Но на его стороне никого не было и не могло быть.

– Ты ошибаешься, мальчик. На его стороне был ты.

Мастер не может ошибаться, но... Ушедшие в Закат, что же такое сказал Лэнтиро? Как он, Диамни Коро, может быть на стороне насильника?! Или учитель считает, что изображенное лицо слишком совершенно? Но Ринальди и впрямь нечеловечески красив.

– Мастер, я... я все передал точно, у Ринальди на самом деле абсолютно правильные черты, я ему не льстил...

– Верю, но я говорю не о внешней красоте, хотя этот человек и наделен ею в полной мере. Он невиновен, Диамни. Для меня это столь же очевидно, как и то, что он красив. Твой разум был в плену, но твои глаза и твоя рука тебя не подвели. Вглядись еще раз в лицо, которое ты изобразил. Внимательно взгляди! Выброси из головы все, кроме того, что видишь. Я даю тебе пять минут, – мастер перевернул песочные часы, – а потом мы поговорим.

Диамни кивнул. Он знал, что от него требовалось. Сольега давно научил его смотреть, отринув лишние мысли, и молодой человек впился взглядом в разбросанные на столе рисунки. Совершенное лицо, обрамленное светлыми, чуть волнистыми волосами... Анфас, профиль, пол-оборота, три четверти. Дерзкая ухмылка, упрямый подбородок, чуть впалые щеки, четкая

линия скул, широко расставленные глаза, глаза... удивленного ребенка! Он не верит тому, что с ним случилось, даже не «не верит» – не понимает, как здесь оказался и что происходит.

Почему ему никто не верит? Почему ему не верят те, кто знает его с рождения...

– Время вышло, Диамни. – Великий Сольега пристально смотрел на своего ученика. Если мастер Коро когда-нибудь осмелится изобразить аллегория Совесть, это будет пожилой усталый человек со взглядом учителя. – Что скажешь?

– Он не виноват. Он ничего не понимает и боится, хоть и не подает виду.

– Да, бедняга умрет с гордо поднятой головой, наговорив своим судьям гадостей, умрет невиновным. Жаль. У него золотое сердце, у этого эпиарха. Диамни, его нельзя бросать, это безбожно!

– Мастер, но что мы можем?! Завтра его запрут в катакомбах, оттуда не выберешься.

– Ринальди здоров и силен, если будет знать, куда идти, – выйдет. Или погибнет, но это лучше, чем медленно умирать, зная, что тебя все прокляли и бросили. Ты должен с ним переговорить наедине. Попроси Эрнани. Скажи... скажи, что должен закончить картину.

11

Эпиарх

Каждая из двухсот двадцати шести ступенек Рассветной башни сама по себе была пыткой, но Эрнани взобрался. Конечно, он мог приказать привести Ринальди к нему, но младший из братьев Раканов не был уверен, что стражи его послушают. Скорее всего, побегут к Эридани, а тот... тот слишком анакс, он не допустит разговора с осужденным наедине. Ушедшие, ну почему Ринальди упорствует в своей ненависти? Содеянного не исправит, но раскаяние и прощение освещают дорогу уходящим во тьму.

Признавшемся и смирившемся разрешается покончить с собой, но Рино не признается. Эрнани знал упорство брата и то, что должен сделать, тоже знал. Булавка с ядом! Один укол, и ты свободен от земных мук. Конечно, Эридани догадается, догадаются и другие, но родство по крови обязывает, и, в конце концов, он не анакс, а всего лишь младший в роду калека, какой с него спрос?

Стража у дверей если и удивилась появлению эпиарха, то виду не подала. Все стало ясно, когда высокий хмурый стражник вместо того, чтобы потянуться за ключами, постучал в обитую медью дверь. Тюремщики были не только снаружи, но и внутри – сонный воин и синий рассветный утешитель с приторным лицом.

– Мой эпиарх!..

– Да, это я, – спокойно сказал жрецу Эрнани. – Оставьте нас. Оба.

– Мой эпиарх, это невозможно. Долг пред Ушедшими и моим анаксом повелевает мне остаться. Я могу лишь отослать воина.

– Я желаю говорить с братом наедине, – Ринальди спит, повернувшись к двери спиной, а может, не спит, а притворяется, – и я буду говорить. Приказ анакса. Если желаешь, пошли к моему августейшему брату воина, я подожду.

Эрнани Ракан никогда не лгал, это было известно всем. Утешитель поклонился:

– Да будет так, как желает мой анакс. Мы покидаем вас.

Охрана не должна покидать башню – существует ничтожная вероятность, что обман разоблачат, прежде чем... Рука Эрнани произвольно дернулась к воротнику, украшенному серебряной розой.

– Ждите за дверью, – бросил юноша, – наш разговор вряд ли затянется.

– Повиновение эпиарху.

Тяжелая дверь захлопнулась, и они остались одни. Ринальди уже не лежал, а сидел, придерживая рукой цепи.

- Рино... – пробормотал Эрнани.
- Рад тебя видеть. – Настороженный, выжидающий взгляд, раньше он смотрел иначе. – Что велел передать мой венценосный брат?
- Ничего. Я соврал, чтобы они ушли.
- Соврал?! – глаза Ринальди вспыхнули, он рванулся вперед, но цепи удержали бы и коня.
- Я должен был тебя увидеть. – Эрнани проковылял к узнику и опустился рядом, задев холодное железо. – Какие тяжелые... Зачем?
- Видимо, так надо. – Ринальди улыбнулся одними губами. – Чем страшнее обвинение, тем толще цепи. Ничего, завтра наденут другие, полегче.
- Рино, – юноша замялся, но продолжил довольно твердым голосом: – Ты знаешь, я ведь калека... Я не хотел жить таким...
- Глупости. Жизнь прекрасна, даже если она невыносима!
- Тебе не понять...
- Да уж куда мне, – подтвердил узник.
- Ты смеешься.
- Смеюсь и буду смеяться! Всем назло, но я тебя перебил. У тебя неприятности?
- У меня? Ринальди... Неужели ты не понимаешь, что тебя ждет?
- Меня ждут катакомбы, – ровным голосом сообщил эпиарх-наследник, – тьма, холод, возможно, чудовища и наверняка смерть. Я все прекрасно понимаю, но это не повод для рыданий.
- Почему ты не признаешься, ну почему?!
- Лэе Астрапэ, да потому что не трогал эту шлюху! Хорошо бы я был, если б взял на себя ее шашни.
- Беатриса – не шлюха! Ее мучили, пытали...
- Ну так возрыдай на ее несчастья, а чего ты хочешь от меня?
- Рино, я понимаю. Ты... ты сначала не хотел ничего дурного, просто злился на Борраску за Цезаре, и что он послушал Эридани и отослал тебя из армии... и ты терпеть не можешь, если тебе перечат.
- Это правда, – брат вновь улыбался, – не могу.
- Вот видишь... Когда Беатриса тебе отказала, она... Она, наверное, сказала что-то ужасное, оскорбительное, и тебя понесло. Как с тем проповедником, помнишь, ты мне рассказывал?
- Помню. Теперь мне кажется, я поторопился, сморчок в самом деле что-то почуял. Не во мне, до жены Борраски я не дотрагивался.
- Она же беременна от тебя!
- Значит, это она дотрагивалась до меня, когда я был пьян. Мало ли женщин забирались ко мне в постель.
- Зачем ты лжешь? – выкрикнул Эрнани. – Я пришел помочь тебе, а ты...
- Мы знакомы семнадцатый год, будущий эпиарх-наследник. Если ты веришь в мою вину, нам говорить не о чем.
- Ринальди, а как мне не верить? Как?! Ни одно твое слово не подтвердилось, тебя обвинили не только Беатриса, но и ее слуги, твоя подруга, даже твоя кровь!
- Как не верить? – Брат на мгновение задумался. – Похоже, никак. Хотя я никогда бы не поверил, обвини тебя кто-нибудь в том, что ты хочешь прикончить нас с Эридани и завладеть тронном. Не поверил бы, даже разверзлись небеса и вернись Ушедшие Боги.
- Как ты можешь такое говорить?!
- Так же, как ты и Эридани, – Ринальди махнул рукой, глухо и насмешливо звякнула цепь. – Ты веришь, что я полгода насиловал жену старика Лорио. Почему бы мне не поверить, что ты собрался стать анаксом? Нет, братец, я не настолько добр, чтоб ради твоего спокойствия признаться в подлости, которую не делал.

– Ради моего спокойствия?! – подался назад Эрнани. – Спокойствия?!

– Разумеется. Ты бы с чистой совестью проводил меня в пещеры, ибо это справедливо, а потом принялся меня оплакивать, ибо я твой некогда любимый брат. Разве не так?

– Ты сошел с ума!

– Напротив, никогда не был в столь здравом рассудке, как сейчас. Эридани раздулся от осознания собственной праведности. Еще бы, осудил родную кровь! Великий анакс! Справедливый анакс! Неподкупный анакс! А тебе ужасно хочется стать всеобщим утешителем, но мне ни от тебя, ни от Эридани не нужно ничего. Слышишь? Ничего! Ни поучений, ни прощений. Но и я вас не прошу.

– Ринальди, почему ты так со мной разговариваешь? Я хочу помочь тебе...

– А как еще прикажешь с тобой говорить?

– Тогда мне лучше уйти...

– И впрямь лучше, – согласился Ринальди, – меня тошнит от твоего присутствия, а каяться я не собираюсь. Не в чем, знаешь ли.

Эрнани вскочил и забарабанил в дверь. Открыли тотчас. Подслушивали? Вряд ли. Слишком толстые доски и слишком много ушей.

– Мой эпиарх уже уходит?

– Да, – вздернул подбородок юноша, – я сказал то, что должен.

А что он был должен? Вырвать у Рино признание? Кому это нужно? Ринальди виновен, в этом нет сомнения, почему же он нападает, а не защищается? Брат умрет в коридорах Лабиринта, страшно умрет, но он сам выбрал свою судьбу. Откуда в нем столько злобы, лжи, презрения ко всему святому, ну откуда?! Прежде брат не был ни лживым, ни злым, ни жестоким. Когда же в него вселился этот демон? И почему? Неужели эсператисты правы и все зло в мире от гордыни и нежелания открыть свое сердце перед Создателем? Перед Создателем или перед Ушедшими Богами? Так ли важно, перед кем, главное – зло, которое мы носим в себе.

– Моему эпиарху нужна помощь при спуске?

– Нет. Я сам.

Эрнани и в самом деле спустился сам, хотя дважды чудом не упал, настолько узкой и неудобной была лестница. В небе молнией мелькнула белая ласточка. Белая ласточка... Символ Ветров, герб рода Борраска, знамение того, что все правильно. Рассказать Эридани о встрече? Зачем? Хотя, если правда так или иначе всплывет, он не станет лгать, просто не скажет о булавке с розой. В конце концов, она еще может пригодиться ему самому, а Ринальди не спасти. Эридани это понял намного раньше, потому и сказал, что Рино для них потерян. Анакс всегда любил Ринальди больше прочих братьев, но он – глава дома Раканов и должен думать о высшем, как бы больно ему ни было.

12

Мастер

Эрнани сидел у окна, на его коленях лежала раскрытая книга, но вряд ли юноша думал о том, что в ней написано.

На стук двери эпиарх обернулся и широко распахнул глаза, внезапно став похожим на Ринальди. Та же врожденная грация и обреченность.

– Диамни... Я думал, урока сегодня не будет.

– Его и не будет. – Художник, отвечая на молчаливую просьбу, сел напротив своего ученика. – И все-таки я пришел ради живописи.

– Да?

Дети Заката, сколько безнадежности в этом голосе! Правда вернула бы беднягу к жизни, но подстроивший Ринальди ловушку подонку слишком много знает о том, что творится во

дворце. Нельзя рисковать. Никто не должен усомниться, что Диамни Коро думает лишь о картине, на которой осужденному предстоит изображать демона.

Проклятье, ведь все так и было! Еще вчера он не думал ни о людях, ни о чужой истерзанной жизни, а лишь о том, чтобы, собрав побольше боли, соткать из нее узор, достойный вечности.

– Диамни, я слушаю.

– Эрнани, надеюсь, ты меня поймешь. – Завтра этот мальчик станет эпиархом-наследником и останется таковым, пока анакс не обзаведется законным потомством. – Возможно, сочтешь безумцем, но поймешь. Для меня главное в жизни – искусство. Мир, война, любовь – это для других. Я живу лишь тем, что переносу на свои холсты...

Так было, но так больше не будет. Вся его прошлая жизнь была сном и трусостью. Нельзя жить выдумкой, миражом, закрывая глаза на творящиеся вокруг мерзости.

– Да, Диамни, я знаю. Чем я могу тебе помочь?

– Я не успел закончить эскиз. Суд оказался слишком коротким.

Слишком коротким?! Ушедшие Боги, что такое он несет?! Если Ринальди погибнет, то он, Диамни Коро, потеряет еще и этого мальчика. Эрнани не простит учителю равнодушия, как не простил бы он сам.

– Я... я не понимаю тебя...

– «Возгордившийся» станет моей лучшей работой, если я успею зарисовать лицо Ринальди в три четверти. Сначала мне казалось, что лучше сделать в фас и поместить его в центре композиции, но вчера, вернувшись домой, я понял, как ошибался. Это открытие перевернуло всю мою жизнь. – Оказывается, можно говорить правду и при этом чудовищно лгать! Вчерашний вечер и впрямь все изменил. Сумасшедший художник умер, и даже Абвении не знают, кто родился. – Эрнани, я должен увидеть эпиарха Ринальди и зарисовать его в три четверти.

– Ты... ты хочешь пойти в башню и... и рисовать моего брата?!

– О да, – подался вперед Диамни, – ведь завтра будет поздно.

– Завтра будет поздно, – медленно повторил Эрнани. – Да... завтра будет поздно. Я никогда не смогу научиться рисовать, потому что... потому что не могу заменить жизнь холстом. Я – живой, пусть больной, пусть слабый, но живой, а ты – нет...

– Возможно. – Пусть Эрнани его возненавидит, но свидание будет. Будет! – Однако живые становятся мертвыми, а искусство вечно.

Юноша ничего не ответил, молча изучая художника так, словно видел его впервые. Послышался шум, что-то стукнуло – похоже, ударили деревом о камень, скрипнула дверь. Кто-то пришел, а он не успел добиться своего. Теперь Эрнани воспользуется случаем и прервет мучительный разговор. Неужели придется сказать правду? Видимо, да. Он вернется позже и признается...

– Мне надо поговорить с тобой, эпиарх. – Эридани Ракан стоял на пороге, а стук... Приветствуя повелителя, стражники ударяют древками копий в пол.

– Мой анакс, – худенький светлоглазый мальчик, который вот-вот станет наследником престола, неуклюже поднялся, – я готов. Диамни просит разрешения навестить... ему нужно... закончить картину...

– Какую?

– «Возгордившегося».

– Что ж, он прав, – губы Эридани сжались, – тебе придется учиться безжалостности, Эрно. Для анакса, если он анакс, так же, как и для художника, если он художник, существует лишь главное. Для анакса – анаксия, для художника – картина. Мастер, то, что нужно для рисования, при тебе?

– Да, мой анакс.

- Сколько времени тебе понадобится?
- Пять минут, чтобы сказать правду, и полтора часа, чтобы ее скрыть.
- Не менее трех часов, государь.
- Они у тебя будут. Можешь идти прямо сейчас. Кáннио!
- На пороге возник человек, чем-то похожий на матерого саймурского волкодава.
- Отведи мастера Диамни к эпиарху-наследнику.

13

Мастер

Диамни Коро никогда не бывал в тюрьмах, и воображение художника услужливо изобразило мрачный подвал, охапку гнилой соломы в углу, низкие сырые своды, на которых одна за другой набухают и срываются вниз капли, забранное решеткой окошко под самым потолком... Мастер готовился спуститься вниз, а его повели наверх.

Подъем казался бесконечным, крутая лестница кружила и кружила, ноги едва помещались на узких ступеньках. Наконец они пришли. Еще один просчет! Стражник на верхней площадке не стал греметь ключами, отпирая замки, а забарабанил в дверь, которая тотчас распахнулась. На пороге вырос высоколобый утешитель, в своей лиловой с серебром тоге больше похожий на ученого, чем на жреца.

– Вот, – объяснил стражник, – художник... Прислали... Демона рисовать.

– Приветствие мастеру, – высоколобый был учтив и равнодушен, – надеюсь, света тебе хватит.

– О да!

Восьмигранная комната с восемью окнами, сквозь которые лился яркий летний свет, была мечтой любого художника. Ни сырости, ни решеток, ни жалкого свечного огарка. Оковы, правда, имелись, причем чудовищные. Видимо, тюремщики опасались, что узник наложит на себя руки.

Ринальди полулежал на ворохе прикрытого овчинами сена посередине обширного зала. Руки, ноги и горло эпиарха охватывали толстые железные обручи, к которым крепились цепи, протянувшиеся от ввинченных в пол колец. Узник мог лежать, сидеть, даже встать на колени, но ему не удалось бы ни разбить голову о пол или стену, ни броситься в окно. Только и этого было мало, осужденного лишили даже одиночества – кроме жреца-утешителя, сейчас полуденного, у южной стены откровенно скучал огромный стражник.

– Это мастер Диамни, – видимо, высоколобый счел уместным объяснить появление нового лица, – он будет рисовать. По приказу анакса.

– Мастер Коро, ты уж сам выбери, где сесть. Он, – утешитель кивнул на узника, – тебе не помощник.

Если бы Диамни пришел рисовать, он сел бы у северного окна и нарисовал потрясающую картину, но художник думал о другом. Как спровадить тюремщиков и объяснить скованному золотоволосому парню, что он друг, а не чудовище, у которого вместо сердца дощечка для растирки красок.

– Мой эпиарх, я прошу твоего разрешения.

Ринальди медленно – мешал ошейник – повернулся к художнику.

– Рисуй, если это тебе нужно. Мне остаться как есть или повернуться?

– Лучше слегка повернуться... Вот так... Теперь свет падает идеально, а мне нужно подчеркнуть линию скул. У тебя совершенное лицо, мой эпиарх.

– Да, когда-то я был им доволен. – В широко расставленных зеленых глазах не было ни страха, ни сожаления, ни надежды. Ринальди уже переступил ту грань, что разделяет живых и мертвых.

Говорить больше было не о чем. Диамни слегка поклонился и передвинул предложенный утешителем табурет. Да, он будет рисовать и нарисует, ведь иначе его заподозрят в обмане, но не только поэтому. Если спасти Ринальди не удастся, беднягу, по крайней мере, не забудут. Судьи думают, что художник рисует демона, а он... Ушедшие в Закат, как же назвать картину? «Безнадежность»? «Несправедливость»? «Одиночество»?

Художник разобрал свой ящичек, выбирая подходящий грифель, в окно влетела муха, сделала несколько кругов и устремилась к охраннику – видимо, почуяла поживу. А Ринальди кормят, или осужденный должен провести свой последний день голодным? В прозрачном кувшине явно вода... Неужели не могли дать человеку вина? Неужели в память горусского подвига не могли дать умереть с мечом в руках или хотя бы просто умереть?! Яд тоже бывает милостью...

– Мастер, все хорошо?

– Да-да... благодарю.

Диамни рисовал, эпиарх полулежал, глядя то ли в окно, то ли в никуда. У воспитанника мастера Сольеги никогда не было такого натурщика – совершенная красота и совершенная неподвижность. Ринальди уже умер, умер вчера, когда от него отвернулись братья, зории, любовница. Судьи были свидетелями агонии, осужденного зря заковали, он безопасен, потому что ничего не хочет – ни жить, ни мстить.

Грифель летал по белому листу, десятому или двенадцатому по счету. Поток света слегка сместился, но так стало еще лучше. Что же делать, что?!

Движенье сзади. Высоколобый! Нельзя показывать, что ты думаешь о чем-то, кроме рисунка... Неужели время уже истекло?

– Мастер Диамни, – почти прошептал утешитель, – при узнике должно находиться не менее двух человек. Мне нужно... гхм... отлучиться на... несколько минут.

– А? Что? – похоже, он переиграл, хотя откуда жрецу знать привычки художника?

– Я не стану приглашать второго стража, если ты пробудешь здесь еще полчаса.

– Да-да, конечно... Мне еще долго... – рассеянно пробормотал мастер Коро, не отрывая взгляда от рисунка. Охранника можно ударить, он даже не поймет, что случилось. Сколько же у них времени? Вряд ли больше двадцати минут, но не меньше десяти.

Скрипнула дверь. Достаточно толстая, и окошечка в ней нет. Диамни уронил грифель и, наклонившись за ним, глянул на стражника. Тот дремал, привалившись к стене. Рот полуоткрыт, по руке гуляет давешняя муха.

– Воин... – вполголоса окликнул художник. – Воин не соблаговолит...

Не соблаговолит. Спит. Хвала Ушедшим, спит! Если проснется, то... то Диамни Коро поправляет шкуры, на которых лежит натурщик.

– Мой эпиарх...

Тот даже не пошевелился.

– Мой эпиарх, стражник спит, а я... я знаю, ты невиновен.

Ринальди резко обернулся. Это было так красиво, что рука художника невольно дернулась сделать несколько штрихов, но Диамни помнил, зачем пришел, он бросился к узнику.

– Знаешь? – одними губами спросил Ринальди. – Во имя Астрапа, откуда?!

– От тебя самого. – Художник встал на колени и принялся сосредоточенно расправлять шкуры. – Я был на суде и рисовал... Я, как и все, верил в твою виновность. Улики неопровержимы, но мои руки делали свое дело. Я показал свои рисунки учителю... мастеру Лэнтиро, и тот сказал: ты невиновен. Я подумал, что ослышался, но учитель велел мне смотреть на твое лицо пять минут. Когда мастер перевернул часы, я понял: он прав. Мой эпиарх, ты не насильник и не палач... Не представляю, как вышло, что все указывает на тебя, но это ложь.

– Доведи до ума свою картину. – Эпиарх дернул головой, откидывая со лба золотистую прядь, звякнули цепи. – Может, кто-нибудь когда-нибудь, глядя на нее, тоже усомнится в моей... виновности.

Диамни стиснул зубы. Он не был воином, а Сольега не ругал учеников, когда их глаза вскипали слезами.

– У нас мало времени, сейчас вернется жрец. Мой эпиарх, ты можешь спастись. Пенная река начинается в катакомбах, а ты – отменный пловец, я знаю... Ты переплыл Горус, ты выплывешь и сейчас.

– С этим? – Ринальди чуть приподнял скованные руки.

– Завтра, когда закроют замок, отойди вглубь, чтобы тебя не заметили снаружи, и жди. После полуночи... ближе к рассвету я принесу кинжал и отмычки. Одежду не выйдешь – если она коснется решетки, нам обоим конец, да и зачем пловцу одежда? Я встречу моего эпиарха у водопада и возьму с собой все, что нужно. Я буду ждать десять дней.

Он едва успел вернуться на свое место, когда явился высоколобый, которому больше некуда было спешить. Диамни вздрогнул от «неожиданности» и вновь взялся за работу. Утешитель отчитал сонного вояку за леность и заткнулся. Ринальди продолжал смотреть куда-то вдаль. О чем он думал? Диамни хотелось верить, что о свободе. Если эпиарх победит свое отчаяние, он выплывет.

14

Эпиарх

Кубок со снотворным стоял на столе, Эрнани Ракан сидел рядом и с недоумением глядел на драгоценную вещицу. Золото, рубины, алмазы... Кому они нужны? Эпиарх поднялся и проковылял к окну, за которым неистовствовала полная луна. Полотнища серебряного света, цветочные ароматы, если спуститься в сад, там наверняка поют соловьи. Ночь жизни и чужой любви, когда особенно тяжело осознавать свое уродство и свое бессилие.

В полнолуние на Эрнани часто накатывала тоска, но так худо ему еще не было. Даже тогда, когда он узнал, что Лаисса Марикьяре станет женой Повелителя Волн. Что поделывать, браки между Великими Домами никогда не заключались по любви, долг есть долг. Лаик жениха не любила, и все равно ее замужество стало для Эрнани несчастьем, хотя тогда был жив Анэсти, а Ринальди еще не покрыл себя позором и не озлобился. Он так и не узнал, что спас брата...

Если б в тот уже далекий осенний вечер Рино не раздумал идти на очередное свидание и не ворвался сюда, в эту самую спальню, Эрнани пустил бы в ход добытый с таким трудом яд. Юноша с тоской поднес к глазам пресловутую булавку. Среди серебряных лепестков прятался крохотный шпенечек, нажмешь, и из стебля выскочит отравленный шип. Быстрая, легкая, чистая смерть, а вот Ринальди будет умирать долго и страшно, особенно если разговоры об изначальных тварях всего лишь сказки.

– Не спишь? – Эридани, в темном домашнем платье и сапогах без каблуков, стоял на пороге. – Мне тоже не спится. Я посылал тебе снотворное...

– Вот оно, – Эрнани кивнул на стол, – я не пил.

– Почему?

– Не знаю... Может, потому, что это трусость.

– Это не трусость. От того, что тебе плохо, никому хорошо не станет – ни Беатрисе, ни, – анакс запнулся, – ни Ринальди, ни Борраске, ни мне. Эту ночь надо пережить и завтрашний день тоже, а затем идти вперед и делать то, что за нас не сделает никто.

– А разве такое есть? Что за меня никто не сделает?

– За тебя никто не станет эпиархом-наследником, у меня больше нет братьев. Тебе придется быть сильным не только духом, тут у тебя все в порядке, но и телом. Нужно выспаться,

пусть и с помощью зелья. Не бойся, я не дам тебе к нему привыкнуть, но сегодня оно необходимо. Сиди, я принесу.

Анакс, тяжело, но мягко ступая, подошел к столу, взял питье и бережно, словно от того, расплещется или нет лекарство, что-то зависело, подал Эрнани. Будущий наследник послушно осушил чашу – напиток слегка горчил, но был очень приятным.

– Я посижу с тобой, пока ты не уснешь. – Эридани заглянул в пустой кубок и вернул его на прежнее место. – Жаль, я до сих пор не женат. Ночное одиночество порой невыносимо.

– Я говорил с Рино, – неожиданно для себя самого признался Эрнани, – я должен был это сделать.

– Вижу, у тебя ничего не вышло, – старший брат взял младшего за руку, – так же, как и у меня. Но как ты это проделал?

– Сослался на твой приказ, проверить они не осмелились.

– Молодец, – анакс с силой сжал пальцы эпиарха, – если нужно, ты можешь и думать, и действовать. Хоть какая-то радость в эти подлые дни! Он так и не признался?

– Нет, – Эрнани прекрасно понял, о ком спрашивает брат.

– Ты ему не веришь?

– Как я могу? – глаза юноши наполнились слезами. – В Рино столько злобы...

– Да, я тоже заметил, – вздохнул Эридани. – Я виноват перед ним. Нужно было отпустить Ринальди на север. Если б он там погиб, то хотя бы со славой...

– Эридани, а может быть... может быть, его околдовали? Бывает же, что в людей вселяются демоны? Его взгляд... То, что крикнул тебе в суде, откуда оно?.. Это не он, это просто не может быть он!

– Случается, что место человека занимает... нечто иное, но Ринальди прошел испытание у алтаря Ушедших. – Анакс замолчал, глядя в окно, Эридани проследил за его взглядом. Ночь, звезды, луна... Все как обычно.

– Ринальди – это наша боль, – вновь заговорил брат, – но это человеческая боль и человеческая потеря. Все, что мы сможем, это помнить его прежнего, если, конечно, сможем...

Прежний Рино не был жестоким. Вспыльчивым, необузданным, резким – это да, но очень добрым и совершенно незлопамятным. Прежний Ринальди не стал бы полгода мучить женщину, замечать следы, проклинать еще не рожденных. Помнить прежнего – значит забыть теперешнего. Забыть, выдрать из памяти яростный полуслепой взгляд и чудовищные слова. Их не было! Рино не вернулся с войны, погиб на охоте, утонул вместе с Анэсти, сбежал в никуда со своим Цезаре...

– Эрнани... – Сияющий лунный диск пересекла черная тень. Летучая мышь... – Эрнани, тебе не пора лечь?

– Нет, еще нет. Ты ведь хотел спросить о другом?

– Пожалуй... – голос анакса казался странно неуверенным. – У тебя нет чувства, что происходит что-то непоправимое? Тебе не страшно? Тебе не кажется, что рядом стоит нечто необъяснимое, сильное, непонятное?

– Эрио, ты же анакс, волей Ушедших ты должен обладать даром предвидения. Или... или это неправда?

– Трудно сказать. – Они оба так и смотрели на луну, не имея силы взглянуть друг другу в глаза. – Познать будущее невозможно, ведь оно все время меняется. Есть рок, есть случай, есть высшая воля, есть воля смертных, они то сливаются друг с другом, то вступают в противоречие. Порой побеждают боги, порой – судьба, но бывает, что и смертные. Я могу видеть и вижу, что может быть, но вот будет ли? Мне раз за разом снился Ринальди... С ним была стройная чернокожая женщина, он никогда бы не выбрал такую, но они целовали друг друга. Женщина смеялась, а я знал, что это Смерть, наша общая смерть, но там, во сне, ничего не мог сделать.

Я попробовал обмануть судьбу и запер брата в Гальтарах, а он нашел свою погибель здесь, и какую страшную... Я хотел сберечь, а вышло, что убил.

– Ты должен объяснить это Рино, должен!

– Думаешь, я не пытался? В ответ я услышал то, в сравнении с чем сказанное на суде кажется пожеланием доброй ночи. Эрнани...

– Да?

– Прежде чем прийти к тебе, я все же задремал. И увидел, как из глубин поднимаются древние чудовища. Я не мог рассмотреть их самих, помню только дым, крики ужаса, мечущихся людей. Не знаю, что это означает – возможно, следует отменить казнь, но слово анакса не может быть взято назад, Рино уже не в моей власти. А вдруг беда случится, если я не отдам Лабиринту обещанное? Я ничего не знаю, Эрнани. Разрубленный Змей, это страшнее всего, не знать, что нужно делать... А ты, я вижу, все-таки засыпаешь? Вот и хорошо, завтра у тебя будет трудный день. – Анакс обнял брата и решительно отвел к кровати. – Все, Эрно, спокойной ночи. Забудь то, что я тебе говорил. Мы должны быть сильными и уверенными в себе, ведь мы – Раканы, мы – наследники Ушедших. И мы должны удержать Кэртиану. Любой ценой.

Любой ценой... Луна за окном раскололась на четыре части, голос Эридани превратился в непонятный, доносящийся издали гул, повеяло дымной осенней горечью. Откуда? Неужели у сонного зелья такой сильный запах? Летучая мышь ворвалась в раскрытое окно, пронеслась над самым лицом, чиркнув ледяным крылом по щеке. Почему она такая холодная? Откуда в начале лета снег, но он кружится и летит вниз, а сквозь него глядят огромные синие глаза, глаза Смерти.

Эрнани попробовал подняться, но голова была слишком тяжелой. Юноша упал на подушку, подставив лицо непонятной летней вьюге. Синие глаза исчезли, но женщина в комнате все-таки была – высокая, красивая, с роскошной рыжей гривой. Белизну гибкой, высокой шеи подчеркивал золотой обруч, украшенный невиданными сияющими камнями, такие же камни горели на широких причудливых браслетах. Эрнани запомнил только их блеск и еще что-то, алое и струящееся.

Рыжая гостья наклонилась над лежащим и задумчиво покачала головой, ее глаза были золотисто-карими, холодными и равнодушными, как саймурские топазы. Она была чужой, всезнающей и невероятно красивой. Незнакомка поймала растерянный взгляд, легко коснулась щеки юноши, и все исчезло. Она была сном, таким же сном, как расколовшаяся луна и синие глаза смерти, но любой сон кончается.

Эрнани разбудил слуга. В раскрытое окно лился солнечный свет, и эпиарх радостно улыбнулся новому дню.

– Мой эпиарх, – слуга был исполнен почтения, но настойчив, – анакс ждет. Эпиарх-наследник ступит на свою последнюю дорогу ровно в полдень, анакс велит поторопиться.

15

Мастер

Ринальди Ракан гордо нес золотоволосую голову, глядя прямо перед собой. Казалось, между угрюмых, глядящих в землю воинов движется ожившая статуя. Диамни отдал бы все на свете, чтобы узнать, что творится у осужденного на душе. На его собственной душе было мерзко, но художник заставлял себя рисовать и рисовал все, что видел. Эридани, величественного и грозного, в венце Раканов и с церемониальным мечом у пояса, гневного Борраску, его печальную и гордую жену, бледного, осунувшегося Эрнани, которому через несколько минут предстояло стать эпиархом-наследником. Мальчику, если верить лекарям, никогда не быть мужчиной в полном смысле этого слова, так что продолжить род Раканов сможет лишь Эридани. Если успеет.

Мастер Коро пытался очистить свой разум от дурных мыслей и не мог. Больше всего хотелось отшвырнуть доску с припиленным к ней рисунком и сбежать из молчаливого торжественного кошмара, но он не имел на это права. Ринальди должен его видеть здесь, и Диамни сидел и рисовал. День выдался жарким, однако художнику казалось, что его левая рука заледенела. Это было выдумкой, глупостью, иначе у входа в катакомбы не цвела бы сирень. Если не мерзнет она, ничего не делается и художнику, а вот каково будет Ринальди, когда его живым загонят в могилу! Неужели нельзя оставить человеку хотя бы одежду?..

Осужденный был уже совсем близко. Неподъемные оковы сняли, заменив короткими цепями на руках и ногах, но Ринальди как-то умудрялся идти прямо, словно на триумфальном проходе. Теплый ветер трепал светлые волосы эпиарха и кружил белые и сиреневые лепестки, осыпая ими допущенных на замощенную четырехугольными белоснежными плитами площадку эориев и жрецов. Светило солнце, кричали, предрекая дождь, водогонки, по белому камню плясали кружевные тени. В такой день уходить в черную холодную дыру особенно страшно.

Забывшие Кэртиану каменные боги равнодушно взирали на творящуюся их именем несправедливость. Если они вдруг вернуться, что станет с судьями? Со лгуньей, с молящимся на нее мужем? Ринальди поравнялся с художником, и Диамни исхитрился поймать взгляд эпиарха. Мастеру показалось, что в изумрудной глубине мелькнул и погас живой ясный огонек, а может, Диамни ответила его собственная надежда. Художник опустил голову и углубился в рисунок: он увлечен работой, ему нет дела до Ринальди Ракана, он рисует демона и заранее гордится великой картиной. Картиной, которая поднимет мастера Коро выше самого Сольеги! Кажется, он слишком сильно надавил на грифель, тот сломался, художник отшвырнул обломок и схватился за другой. Вовремя.

– Мастер, тебе теперь будет плохо видно. – Каннио счел своим долгом опекать обласканного анаксом художника и дальше. Человек-пес был прав: с места, где сидел Диамни, то, что творится у входа в катакомбы, не разглядеть. Проклятье, как же он не хочет идти и смотреть, а придется.

Художник торопливо вскочил, бормоча слова благодарности. «Пес» ловко подхватил треножник, и они перебежали к противоположному краю площадки. Оттуда и впрямь открывался отличный вид на черную, скругленную сверху дыру и распахнутые в обе стороны створки решетки – бронзовые рамы, забранные витыми прутьями, меж которыми могла проскочить упитанная кошка. Отлично! Сквозь такие щели пройдет не только меч, но и другие вещи. Те же сандалии с флягой. Только бы ночью здесь не выставили охрану, хотя не должны – Капкан Судьбы и так не выпустит свою жертву.

Во время зачтения приговора Ринальди пришлось повернуться лицом к братьям, Беатрисе, главам Великих Домов. Повелители Скал и Молний опустили головы, Повелитель Волн смотрел прямо перед собой, но на осужденного или поверх его головы, с того места, где находился Диамни, было не разобрать. Зато художник видел окаменевшее лицо Борраски, которому имя Скал сегодня пристало больше, чем откровенно тяготящемуся жутким зрелищем Надорэа. Будь Ринальди виновен, он вряд ли бы выдержал взгляд старого полководца, но эпиарх глаз не опустил. Вытерпел и художник, хотя больше всего на свете ему хотелось закрыть лицо руками. Сейчас мастер Коро – равнодушный сторонний наблюдатель, озабоченный лишь будущей картиной, его дело – пялиться на осужденного, и он пялился, а ликтор зачитывал приговор.

Беспощадные, нелепые в своей старинной витиеватости слова разносились над замершей под ясным радостным небом площадью. Усилившийся ветер швырялся пригоршнями белых лепестков, обдавая застывших смертных ароматом цветущих акаций и поздней сирени. Цветы были исполнены любви и радости, люди – ненависти и злобы.

Мастер Сольега смог бы это нарисовать – предвкушающую чужую агонию двуногую стаю, бело-лиловое цветочное море и одинокого узника. Сольега смог бы, Коро не сможет, он вообще не уверен, что, когда все закончится, вновь возьмется за кисть.

– В свой последний час, прежде чем ты останешься наедине со своими преступлениями, покайся пред оскорбленными тобой, упади пред ними на колени и моли о прощении!

Губы Ринальди Ракана тронула усмешка.

– Мне не в чем каяться. Я невиновен, но не могу этого доказать. Вы мне не верите, что ж, ваше право. Прощайте! Вы свободны от меня, я – от вас.

Четверо стражей шагнули вперед. Им надлежало сорвать с осужденного плащ, подхватить его под руки и, обнаженного, швырнуть в зев пещеры. Они честно собирались исполнить свой долг и наверняка бы исполнили, если бы подошли сзади, но обычай требовал другого. Ринальди был скован, однако взгляд тоже может стать оружием. Воины невольно отступили перед изумрудной молнией, а эпиарх, немислимым образом извернувшись, сбросил траурный плащ, повернулся и, прежде чем стражи и зрители опомнились, шагнул в черный провал.

– Закреть решетку, – слова Эридани были тяжелы, как привозимые с севера гранитные глыбы. Очнувшиеся исполнители бросились к створкам. Когда те сомкнулись, в пасти катакомб никого не было. Ринальди ушел во тьму, не оглядываясь и не дожидаясь, когда за его спиной щелкнет Капкан Судьбы.

Часть вторая Страж Заката

1

Мастер

Диамни прислушался – за ним никто не шел. Художник невесело усмехнулся своей осторожности – стража у холма Абвениев никогда не стояла, это место защищало само себя, а охранять Капкан Судьбы и вовсе глупо. Случайный человек ко входу в Лабиринт в ночь после казни тем более не потащится. Нет, опасаться некого, по крайней мере, из числа смертных.

Мастер взглянул на небо: полночь давно миновала, но до рассвета далеко – самый сонный час. И самое подходящее время для свидания, только здесь ли Ринальди? Дождался или решил, что новоявленный любимец анакса забыл о своем обещании или струсил?

Проклятую решетку окружал лиловатый ореол, едва заметный в холодном лунном сиянии. Луна светила художнику в спину, тянула любопытные лучи в глубь пещеры. Уже по-летнему теплая ночь отнюдь не была темной, хотя любая темень наверху не сравнится с непроглядной вечной чернотой. Ринальди был смел до безрассудства, но от Эрнани мастер Коро знал, что подземелий эпиарх-наследник не любил. Не любил и по закону вселенской мерзости угодил в самое страшное из них! Художник подошел вплотную к невысокому каменному порогу, теперь между ним и залятой решеткой оставалось не больше ладони.

– Эпиарх... Мой эпиарх, ты здесь?

– Ты пришел?

Рассеченное тенями лицо казалось мраморным.

– Как я мог не прийти?

– Так же, как все остальные, – глаза Ринальди сверкнули странным зеленовато-лиловым огнем, какого художник ни разу не замечал у людей. Только у кошек. И еще подобный отсвет порой появляется на шеях сизых голубей, когда они разгуливают по освещенному солнцем двору. Видимо, дело было в лунных лучах, смешавшихся с окружающим решетку сиянием.

– Вот воровской кинжал, – мастер торопливо раскрыл свой ящичек. – В ручку вставлена отмычка. Мой эпиарх сможет открыть замки?

– Попробую.

– Я подожду.

Ринальди возился долго, очень долго. Диамни успел проклясть все на свете и перемолиться всем богам. Если эпиарху не удастся снять цепи, ему не выплыть.

– Готово, – Ринальди делано засмеялся, – никогда не думал, что быть вором так трудно.

– Для таких, как эпиарх.

– Эпиарх умер и похоронен, – резко бросил пленник Лабиринта. – У эпиарха была прорва приятелей, сотни друзей до гроба, десятки любовниц и три брата... Не осталось никого... Но Чезаре и Анэсти мне бы поверили, клянусь тебе, поверили бы! Только Анэсти мертв, а Чезаре где-то носит, хоть бы только жив был...

– Не думай об этом! – прикрикнул художник. – Держи. Сначала меч. Осторожно!

– Я осторожен, как кот на кухнях. Никогда не тянуло превратиться в статую, а теперь и подавно.

– Ножны... Пучок лучины, вокруг я намотал веревку, мало ли что... Сандалии... Еще лучина... В кольцо – яд, надеюсь, не понадобится... Дротики... Второй кинжал... Пояс... Проклятье, боюсь, он заденет решетку...

– Обойдусь, я уже приспособил цепи. Очень удобно, а яд заберу.

– Ты прав. Фляга... Вторая... Масло... Если натереться, будет не так холодно, а вот это – самое важное. Мастер Лэнтиро два дня вспоминал все, что известно о катакомбах и подземных реках. Здесь приметы, которые должны указать дорогу. Учитель уверен – стоит найти ручей, и все будет хорошо.

– Значит, найду... Я, пока тебя ждал, пытался думать. Похоже, первый раз в жизни. Я был дураком, а без дела стал еще и гулякой, но по большому счету никому не причинил зла, клянусь тебе! Тем более женщинам... Я с ними спал, но я их не принуждал и не обманывал. Они знали, чего от меня ждать, а жениться без одобрения анакса и высших эориев наследник не может, это всем известно. Мастер, то, что со мной сделали, – не месть. Целили не в меня, а в брата. Эридани – прежде всего анакс, а потом уже все остальное, но он меня любит! Бедняга пытался меня вытащить, а до меня не дошло. Понимаешь, брат думал, что я виноват, и все равно хотел меня спасти, а я... я ведь знал, что не трогал эту девку...

– Еще бы тебе не знать!

– После Террасы Мечей я чего только не передумал... Даже то, что она затащила меня в постель во время карнавала, только нет! Как бы я ни напился, на такую засушину меня бы не потянуло. Не представляю, как это устроили, без магии точно не обошлось. Мастер, если я не выберусь... Постарайся помочь моим братьям, особенно Эрнани, теперь наследник – он.

– Обещаю, – твердо сказал Диамни, – и я все расскажу Лэнтиро. Он решит эту загадку, но ты выберешься. Не смей даже думать о другом. С завтрашнего вечера жду тебя у водопада. И учти, тебе придется позировать – долго и много. Мы с учителем тебя просто так не отпустим.

– Вот они, художники! – Ринальди с готовностью подхватил незамысловатую шутку. – Чтобы заполучить натурщика, они пойдут против воли анакса и всех Абвениев!

– Искусство превыше всего.

– Не только искусство. Ну, – эпиарх вымученно улыбнулся, – я пошел.

– Ради Абвениев, будь осторожен, не торопись. Рассмотрю свиток как следует.

– Еще бы! За кого вы все меня принимаете?! Я не сумасшедший, и я хочу жить.

– Если в этом мире еще осталась справедливость, ты выберешься.

– Если справедливости нет, я тем более выберусь. Диамни!

– Мой эпиарх?

– Да хватит уже «эпиарха»! У меня не осталось никого, кроме тебя и твоего учителя, мастер Диамни. Зови меня братом. Если, конечно, тебе не претит брататься с насильником.

– Я – счастливый человек, – задумчиво произнес художник. – Своих родителей я не знаю, но Абвении сначала послали мне великого отца, а затем благороднейшего из братьев. Мастер Лэнтиро... Он сказал, что у тебя золотое сердце и стальная воля.

– Передай мою благодарность великому Сольеге. Если сумеешь найти слова. Или... нарисуй.

– Сам поблагодаришь. При встрече.

– Я постараюсь. Дай руку!

– Ты с ума сошел! Решетка...

– Ничего... У тебя тонкие пальцы. И у меня тоже.

Это не было рукопожатием в прямом смысле этого слова. Просто прикосновение. Последнее тепло перед уходом в могильный холод. Пальцы Ринальди были горячими и сухими. Только бы он отыскал подземную реку... О том, что вода может заполнить весь тоннель, Диамни старался не думать, все равно другой дороги наружу нет.

2

Эпиарх

Несмотря на ночное время, сквозь распахнутые окна доносились то размеренные шаги совершающих обход воинов, то стук открываемой двери и быстрый топот очередного посыльного – Эридани часто работал ночами, а теперь ему будет особенно трудно засыпать. Жрецы твердят, что чистая совесть помогает превозмочь любую боль, их бы на место осудившего собственного брата анакса! Или хотя бы на место эпиарха-наследника...

Эрнани было жутко в собственной спальне, всегда казавшейся надежным убежищем. Новоявленного наследника охраняла многочисленная стража, но что она могла? Страх гнезвился не в пустых комнатах Ринальди и не в отражавших друг друга зеркалах, страх был в нем самом, это младший из братьев Раканов осознавал совершенно отчетливо. Эпиарх с грехом пополам добрался до стола и зажег светильник. Налитое в украшенный золотыми фигурками сосуд масло весело вспыхнуло, трепещущий огонек осветил разбросанные книги, незаконченные рисунки, яшмовую чернильницу... Черный, отливающий синевой глаз казался дырой в вечную тьму. Ту самую.

За дверью глуховато звякнуло, и еще раз... Ах да, меняется стража. Значит, уже четыре утра. Эрнани повернул светильник и пододвинул к себе старые рисунки. Последним не исполнилось и недели, но они были старыми, ведь на них лежал отблеск прошлой жизни, завершившейся сухим щелчком Капкана Судьбы.

Вглядываясь в собственные тертые-перетертые художества и легкие, стремительные наброски мастера, юноша в который раз позавидовал Диамни. Если б и он мог думать лишь о живописи! Хотя эпиарх-наследник не имеет права даже на это – у Эридани остался только один брат, значит, урокам конец. Преемник анакса, пусть и временный, должен знать, что творится в Золотых Землях, а его с рождения держат в кукольном доме. Теперь придется учиться слишком многому, и времени на живопись не останется. Может, оно и к лучшему – после того как Диамни, ломая от возбуждения грифели, зарисовывал казнь, Эрнани расхотел видеть его рядом с собой, но мастер, по крайней мере, не притворился, а вот остальные...

Юноша потер разнывшийся от духоты висок и, чтобы себя занять хоть чем-то, изобразил две фигуры – отца и мать, а под ними еще четыре, две из которых аккуратно крест-накрест перечеркнул, скомкал рисунок и с силой швырнул на пол. Больше всего эпиарху-наследнику хотелось вернуться назад и остановить время. Чтобы проклятое утро у Рассветной башни никогда не наступило. Чтобы не было темных лохматых кипарисов, пролетевшей сквозь арку белой острокрылой ласточки, ощущения непонятной тревоги, выбежавшей из-за угла Беатрисы... Эрнани взял еще один лист и набросал женскую фигуру – лохматую, с тонкими ногами и руками и уродливо выпирающим животом; такую непохожую на мраморные изваяния, которые он с помощью Диамни пытался рисовать. Нагота статуй была целомудренна и прекрасна. Беатриса с ее испянтанными синяками руками и кроваво-красными пятнами сосков на даже не белой, а синеватой, словно снятое молоко, коже вызывала жалость и... отвращение. Это было уродливо, гадко и незабываемо.

Второй рисунок юноша сжег – не хотелось, чтобы видели вышедшую из-под его грифеля жуть. Когда от злополучного наброска остался лишь пепел, Эрнани вспомнил, что создавать, а потом уничтожать изображения кого бы то ни было почитается преступным, поскольку наносит вред изображенной особе. Сжигая портрет Беатрисы, он об этом не думал, все вышло само собой, но как было бы хорошо, если б старый Лорио не привозил в Гальтары юную тихонькую жену.

Снова звон, скрип двери, знакомые тяжелые шаги.

– Я увидел у тебя свет.

– Не спится.

– Мне тоже. – Анакс зажег еще два светильника и присел прямо на край стола. – Вторая ночь еще хуже первой. Тяжело... Тяжелей, чем тогда.

Брат не уточнил, что имеет в виду, но Эрнани понял – он говорит об Анэсти. Когда тот погиб, им всем было больно, но смерть была просто смертью, хоть и нелепой и неожиданной. Анакс по праву слыл отменным наездником, тягаться с ним мог разве что Ринальди, и все-таки брат не справился со взбесившейся лошадей и вместе с ней на глазах многочисленной свиты рухнул с обрыва. В пору зимних дождей вода в озере Быка стоит высоко... Сам Эрнани никогда не покидал Цитадель, но Лаисса Марикьяре всегда умела рассказывать. Юноше казалось, он сам видит сомкнувшуюся над упавшим голодную воду и бросившегося вслед за Анэсти Рино. Думали, что погибли оба, но Ринальди умудрился выплыть и вытащить тело анакса.

– Ринальди всегда кидался на помощь, – они с Эридани опять вспомнили одно и то же! – Не представляю, что на него накатило. Наверняка между ним и Беатрисой было что-то, чего мы не знаем.

– Я думаю об этом, – признался Эрнани, – все время думаю. Наверное, началось с Чезаре, то есть с Горусской арки... Они же с Рино спасли Лорио, а тот согласился... согласился остаться на арке без них. Ринальди могло прийти в голову... отплатить. Ты же знаешь, женщины ему не отказывали...

– До Беатрисы. Может, ты и прав, теперь ничего не поймешь и не исправишь. Страшно признавать такое, но я был бы спокойнее, если бы знал, что Рино мертв. – Эридани вскочил, пересек комнату, повернулся и встал, прислонившись к стене. – У него для бегства была целая ночь, а он остался! Ты веришь в то, что говорят про Лабиринт?

– Про тварей?

– Нет, про заключенную там смерть, с которой можно договориться.

– О таком я не слышал, но ведь... Рино не первый.

– Не сравнивай тех двоих с Ринальди! Я весь вечер копался в хрониках – осужденные были жалкими людишками, не способными ни на настоящую ненависть, ни на упорную борьбу. Я боюсь, Эрно, очень боюсь... Моим долгом было спасти старика Борраску и остальных судей. Ринальди, дорвись он до меча, прикончил бы, не задумываясь, их всех. Казнить эпиарха, как простолюдина, нельзя, и потом... что бы Рино ни натворил, обречь его на публичные истязания я не мог.

– Ты мог его изгнать.

– Нет, и ты знаешь почему. Лорио бы нам такого не простил, а без его меча мне пришлось бы...

– Что?

– Неважно. Не могу выбросить из головы один разговор... Рино был пьян, но... Он подбивал меня прогуляться по катакомбам. Я на него рыкнул, этим и кончилось, так мне, по крайней мере, показалось.

– Ты думаешь, он все это... сделал, чтобы... чтобы попасть... туда?

– Нет, конечно, но, когда так совпало... Злость, упрямство, страсть к риску. Ты припомнил мне эту злосчастную арку. Да, тогда Рино с Чезаре сотворили невозможное. Вопреки здравому смыслу, опыту, логике, а удача распялет и развращает. Лорио считал, что этих двоих из армии лучше убрать, и я с ним согласился. Озарения хороши для стихотворцев, а не для стратегов и анаксов, потому-то я и медлил с обучением Рино. Доверять ему Силу мне казалось преждевременным и опасным, и в этом, к несчастью, я не ошибся.

– В этом?

– Хотел спросить, «если не в этом, тогда в чем»? – Анакс попробовал усмехнуться. – Отправляя Рино вниз, я выбирал меньшее из зол, а теперь не могу отделаться от мысли, что выбрал большее.

А что тогда было меньшим? Добить осужденного? Вообще не доводить до суда? Но Рино на побег не пошел. Анакс думал, как сохранить меч Лорио и честь Раканов, и додумался. Иначе было нельзя, только эпиарху-наследнику никогда не забыть хищного блеска Капкана Судьбы, мертвенного огня, охватившего решетку, жутких, холодных слов. *«Мы, Эридани Ракан, властитель Кэртианы, наследник Абвениев и исполнитель их воли, говорим: мой брат и наследник Ринальди покинул нас, судьба его отныне не в нашей власти. С сего мгновенья нашим наследником становится наш брат Эрнани...»* Он не хочет быть наследником, и он не сможет быть анаксом, хотя у Эридани еще будут сыновья, много сыновей!

– Мой анакс! – На ворвавшемся в спальню воине не было лица. – Ты здесь! Какое счастье...

– Что случилось, Хаини?

Хаини! Хаини Айронэа из Дома Скал, всегда такой спокойный и выдержанный. Неужели это он? С трясущимися губами и остекленевшим безумным взглядом?

– Изначальные твари! Вырвались наружу через храм Анэма... Они плачут и пожирают людей!

– Спокойно, Хаини! – Анакс быстро глянул на брата, и в его взгляде читалось: *«Вот оно!»* – Спокойно! Разущи стратега Борраску, где бы он ни был, и собери высших эориев. Все четыре Дома. Я сейчас буду.

Хаини кивнул и с выражением очнувшегося от кошмара человека бросился прочь.

– Эрнани, – сильная рука сгребла плечо эпиарха, – то, чего я опасался, случилось, и исправлять это мне, да другой и не сумеет... Гальтары я оставляю на тебя. Пусть ты мало знаешь и многого не понимаешь, ты – Ракан и мой наследник. Твое дело, несмотря ни на что, сохранять спокойствие и выглядеть уверенным, остальное сделают Лорио и Богопомнящий. Я его никогда не любил, но он – сильный человек и предан анаксии больше, чем Ушедшим.

– А ты?

– Спущусь в Лабиринт и закрою тварям ход наружу.

– Но это... это же опасно!

– Опасно все. Изначальные твари, они... – Эридани оборвал себя на полуслове и порывисто обнял брата. – Не бойся, Эрно! Сила Абвениев уже загоняла их вниз, загонит снова. И помни – ничего не бойся! Держи себя в руках, слушайся Борраску и Абвениарха, но не спрашивай их совета при посторонних. Для всех Гальтарами правишь ты, и никто иной, а я скоро вернусь.

3

Мастер

Пенная река с ревом вырывалась из подземелий, наполняя казавшуюся бездонной каменную чашу, и, немного успокоившись, устремлялась дальше на свидание с еще далекой Кадéлой. Место было красивейшим, но уединенным – юность Пенной пряталась в Астраповых скалах, что во время гроз притягивали к себе молнии. Страшные истории об убитых небесными стрелами и трудная каменистая дорога напрочь отбивали охоту гулять у здешнего водопада, но все художники слегка сумасшедшие.

Диамни невольно улыбнулся, представив себе физиономию навязавшегося ему в покровители стража, пойми тот, что на самом деле замыслил мастер. Но когда же появится Ринальди? От Цитадели до Пенной по прямой не столь уж и далеко, но кто знает, каковы подземные дороги... Художник с досадой воззрелся на поток, над которым вызывающе сияла радуга. Красиво, даже слишком. Водопад мог бы быть и пониже, а течение – помедленней, и еще эти камни! Они прекрасно выглядят на картинах, но если о такой удариться... Мастер Коро мыс-

ленно на себя цыкнул: дескать, нечего воображать всякие страхи – и принялся размышлять над загадкой Беатрисы.

Прежде думать было некогда, прежде он рисовал, спешил, лгал, снова рисовал и снова лгал, теперь пришло время припомнить мельчайшие подробности и попытаться ответить на три вопроса – зачем, кто и как.

Ринальди уверен, что целили не в него, а в анакса. Что ж, не лишено смысла, особенно если вспомнить странную смерть Анэсти, но нельзя отбрасывать и другие возможности. Знает ли правду сама Беатриса? Если да, то как она осмелилась подняться на холм Абвениев? Не сомневалась, что Ушедшие признают ее дитя? Почему?

Кисть Диамни делала свое дело, вызывая к жизни двойника опоясанной радугой неистойвой реки, но в голове художника вертелись, сменяя друг друга, лица живых и мертвых, оброненные мимоходом слова, случайно перехваченные взгляды.

Анакс Анэсти – среднего роста, широкоплечий, мускулистый, с каштановыми волосами и голубыми глазами. Отменный воин, недурной полководец, хороший брат. Именно он придумал занять Эрнани живописью... Кто же тогда мог предположить, что молоденький калека в один отвратительный день станет эпиархом-наследником?!

Они с Эрнани начали заниматься в конце осени, и тогда же Лорио Борраска привез в столицу юную жену. Беатриса не принадлежала ни к одному из Великих Домов, но Лорио был Повелителем Ветров и оспорить его выбор мог лишь анакс. Анэсти этого не сделал, хотя эории были возмущены и громче всех негодовал эпиарх-наследник. Три месяца спустя анакс погиб на зимней охоте.

Анэсти, ездивший верхом как бог, не справился с лошадей, которая умудрилась свихнуться на самом краю обрыва. И в придачу оборвались поводья! Случайность? Тогда в этом никто не усомнился, ведь подстроить подобное стечение обстоятельств невозможно. И еще невозможней сделать так, чтобы Ушедшие признали Раканом ребенка другой крови. Тем не менее кому-то это удалось – Ринальди невиновен, но венец Абвениев над головой эории Борраска видели все. Ринальди невиновен, но Диамни, не перебросившийся с эпиархом-наследником и сотней слов, поверил жуткому обвинению сразу и безоговорочно. Почему? Уж не потому ли, что кто-то загодя озаботился подготовить почву? Слухи запустить легко, но Беатриса носит под сердцем Ракана и стоит на том, что ее насильовал Ринальди. Выходит, двойник? Двойник с кровью анаксов? Побочный брат или дядя? Но глава дома должен знать всю свою кровь. Анэсти, как положено от века, передал эпиарху-наследнику завет Раканов, от Эридани бы не укрылось, что, кроме него с братьями, есть кто-то еще. В то, что анакс обсчитался, поверить трудно. А во что легко?

Диамни, чего с ним никогда еще не случалось, отложил кисть. Радуга над рекой засветилась совсем уж немислимыми красками, но художник ее не замечал. Эридани в виновности брата не сомневается. Неудивительно – анакс слушает разум, а не сердце, логика же предельно проста. Раканов всего трое – он сам, калека Эрнани и Ринальди. Ринальди, который чуть что хватается за меч, пьет, развратничает, смеется над тем, что можно и нельзя. Вывод очевиден, и все же... все же анаксу следовало бы знать своего брата!

Ушедшие в Закат, рассуждать задним умом легко! Чем он, Диамни Коро, лучше других? Если б не мастер, он бы до сих пор видел в Ринальди воплощение гордыни и злобы. Только один человек во всех Гальтарах почувствовал правду. Хотя... хотя после казни несколько участников Горусского похода полезли в драку с горожанами. Они дрались вместе с эпиархом у Ферры, они не поверили.

Проклятый замбк, как же точно его назвали. Ринальди угодил в Капкан, а вместе с ним попались его братья и вся анаксия. Теперь из рода, на котором держится всё, уцелели лишь бездетный Эридани и больной мальчик. Кто примет венец Абвениев, если пресечется род Раканов? Что-то об этом есть в Слове Ушедших, что-то очень туманное... Любопытно,

Эридани хотя бы сейчас передал наследнику Завет или опять выжидает? Эридани... Художник словно наяву увидел могучего черноволосого человека с пронзительно-голубыми глазами. Если Ринальди напоминал золотого леопарда, то его брат казался норовистым боевым жеребцом.

Мастер поежился, вспомнив, как над ним, старательно зарисовывавшим забранный решеткой зев пещеры, нависла огромная тень.

– Ты знаешь свое дело, художник!

Диамни торопливо вскочил, часто моргая. Во-первых, он и в самом деле не ожидал слов анакса, а во-вторых, не мешало лишний раз показать, что ты не от мира сего.

– Я невольно наблюдал за тобой сегодня, – взгляд Эридани колот не хуже кинжала, но Диамни сумел не опустить глаз. Он был последней надеждой Ринальди и не мог его подвести. – Ты служишь лишь своему искусству, и это хорошо. Эпирх-наследник отказывается от уроков живописи, и я согласен с его решением. Живопись выпивает душу художника, а душа анакса принадлежит анаксии, но тебя я не отпускаю. Ты будешь моим живописцем.

– Благодарю моего анакса, – Диамни опустился на колени, – но я еще не проник во все тайны мастерства и остаюсь учеником великого Сольеги.

– Мастер переедет в Цитадель, я рад оказать ему гостеприимство. Я намерен поручить вам обоим роспись храма, который заложу в День Осеннего Излома.

Роспись нового храма! Мечта всех художников знать, что их творения переживут века, но сначала – Ринальди.

– Благодарю моего анакса. Это... – Диамни закусил губу, лихорадочно подбирая слова, но они не потребовались: повелитель коротко кивнул и ушел, зато на художника обрушился «пес».

– Я сразу понял, – казалось, воин сейчас завилает хвостом, – ты мастер что надо!

Художник старательно улыбался: «пес» одновременно был смеион, трогателен и страшен, надо бы потом набросать его портрет, а еще лучше сделать сразу и хозяина, и «собаку»...

Диамни прикрыл глаза, пытаясь представить будущую картину, и вдруг понял всё, а поняв, схватил чистый лист и принялся лихорадочно рисовать. Он не думал, полностью отдавшись на волю памяти и того невыразимого, что составляет самую суть художника. Когда рисунки были закончены, ученик Лэнтиро Сольеги положил их на траву и взгляделся в два лица – мужское и женское. Как все просто! И как все омерзительно...

Диамни Коро торопливо убрал запечатленную догадку и посмотрел в сторону Гальтар. Какое странное марево, или ему после прогулки к Лабиринту всюду мерещится лиловый отсвет? И все же в городе что-то происходит... Бунт? Пожар? Что с мастером? С Эрнани? Если с ними случится беда, он этого никогда себе не простит. Только бросится ли мастер Коро назад, останется ли у водопада, ему все равно быть предателем. Вечный выбор между долгом и долгом... Который нарушить? Кого предать? Унд предал любовь, он предает учителя и ученика, но иначе нельзя. Вокруг Эрнани толпы слуг и воинов, мастера Сольегу обожают вся столица, а у Ринальди, живого ли, мертвого ли, нет никого, кроме Диамни Коро. И Диамни Коро будет ждать, хотя бы небо рушилось на землю, вскипали моря и шли кровавые дожди.

4

Эпирх

С двойным кольцом наружной крепости Цитадель соединялась могучими стенами, делящими город на четыре части – Молний, Волн, Ветров и Скал. Это позволяло беспрепятственно переходить с внешних укреплений на внутренние, чтоб бы ни творилось в самих Гальтарах. Раньше Эрнани казалось, что Абвении, возводя столицу, перемудрили. Раньше горожане сето-

вали на отсутствие в Гальтарах обычных ворот, из-за чего приходилось пользоваться деревянными пандусами. Появление изначальных тварей доказало: любая предосторожность когда-нибудь становится спасительной.

Эрнани старательно разглядывал сделанный во времена его прапрадеда макет Гальтар. Мастера во всех подробностях изобразили паутину улиц и соты домов, не забыв даже о крохотных, меньше перечного зерна, повозках. За минувшие сто с лишним лет Цитадель и прилегающие к ней кварталы почти не изменились, зато ближе к Внешнему Кольцу поднимается здание за зданием. Столица растет, еще немного, и Гальтарам станет тесно в отведенных Абвениями границах... Юноша старался думать о чем угодно, но не о том, что творится в городах Волн и Ветров, как никогда сильно переживая свое увечье. Ему даже не увидеть беду собственными глазами, а что может быть горше, чем ждать и довольствоваться докладами?

Столицей правили Лорио Борраска и Абвениарх, Эрнани просто им не мешал. От эписарха-наследника было столько же проку, сколько от Беатрисы, наотрез отказавшейся покидать Цитадель. Эория была единственным в мире существом, перечасшим человеку, без которого Гальтары уже бы погибли. Закутанная в синее женщина, казавшаяся, несмотря на беременность, хрупкой и юной, тихо сидела возле окна, глядя бездонными глазами в небо, то голубое, то черное, то кроваво-красное. Если бы не память о Рино, Эрнани был бы рад ее присутствию – они оба были одиноки, потеряны, беспомощны, но все же не совсем бесполезны. То, что эписарх-наследник и жена Лорио Борраски остаются в столице, помогало поддерживать порядок и дарило надежду.

Младший из братьев Раканов ничего не знал и не умел, но в отсутствие Эридани главой анаксии стал он, а по освященному веками обычаю местоблюстителя престола оповещают о любой малости. Гонцы вбегали один за другим. Новости были плохими, хоть и не столь плачевными, как утром третьего дня, когда в спальню эписарха-наследника ворвался Хаини из Дома Скал.

Отчего-то чудовища появились лишь в двух городах из четырех, не было их и в Цитадели – видимо, не отыскали дорогу. Твари были сильны и прозорливы, но даже они со временем насыщались. Более того, их получалось убивать, хотя это было более чем непросто: за каждого уничтоженного монстра приходилось платить десятками жизней. Поняв это, Лорио принял решение, сперва показавшееся невозможным, но, немного подумав, Эрнани признал: лучшего выхода нет.

Нужно вывести людей, после чего разрушить пандусы, оставив чудовищ реветь среди созданных Абвениями стен. Если повезет, Цитадель и города Молний и Скал останутся невредимы – чудовища не рискуют приближаться к возведенным Ушедшими стенам ближе, чем на две длины копья. А вот солнечного света они, к несчастью, не боятся, хоть и вышли из подземелий.

У тварей, как рассказывали гонцы, были огромные лиловые глаза, из которых катились медленные слезы. Поймав исполненный тысячетней обиды взгляд, человек замирал, и монстр его неспешно пожирал, после чего двигался дальше. Некоторые, насытившись, затевали игры и драки, и это было хуже голода, ведь резвившиеся чудовища крушили и давили на своем пути всех и вся. Но опасней всего была охватившая столицу паника.

Эрнани плохо представлял, что делается его именем, но Лорио он доверял полностью. Абвениарху юноша не доверял совсем, но Борраска утверждал, что без Богопомнящего не удалось бы справиться – нет, не с монстрами, с людьми, что, обезумев от ужаса, стали страшнее любых монстров. Лилогоглазая тварь могла сожрать десять, двадцать, тридцать человек и на время успокоиться, рехнувшиеся толпы затаптывали сотни, если не тысячи себе подобных. Борраска отдал приказ убивать на месте всех, кто, ища спасения, шел по телам детей, женщин, стариков. Это помогало; воинам и жрецам как-то удавалось превращать обезумевшее стадо в пусть перепуганных и растерянных, но людей.

Воины анакса и дружины эориев третьи сутки отвлекали монстров на себя, а жрецы и стражники выводили беженцев. Абвениарх настоял на том, чтобы их размещали за городской чертой, так как прорвись чудовища в переполненные кварталы, паника погубила бы тех, кто избежал когтей и клыков. Сейчас осунувшийся, бледный, как пещерный гриб, Богопомнящий ушел, а вернее сказать, уполз отдыхать, чтобы через пару часов вновь спуститься в кошмар, недавно бывший городами Волн и Ветров.

Эпиарх-наследник тоже мог уйти, так же как и Беатриса, но они сидели и ждали известий от Борраски и Эридани. Они ждали, из города доносили о продолжающихся схватках, а Лабиринт безмолвствовал. Эрнани гнал от себя мысли о гибели последнего брата и судьбе Диамни Коро, но мастер Сольега жил совсем близко от храма, через подвалы которого и вырвались чудовища.

– Мой эпиарх, – голосок Беатрисы дрогнул, – почему... почему так долго?

– Что хочет сказать моя эория?

Скорее всего, ничего, просто не может молчать. Беатриса – женщина, она ждет ребенка, ей позволительно бояться, плакать, говорить глупости. Эпиарх-наследник не может усомниться в победе!

– Я... о моем анаксе. Так долго...

– В Лабиринте по-другому течет время. – Эрнани не то чтобы врал, просто из всех известных ему баек выбрал самую утешительную. – Там прошло всего... Да, конечно, там прошло лишь два или три часа. Скоро Эридани сделает, что нужно, и вернется, монстры уберутся и больше никогда...

– Мой эпиарх считает меня маленькой дурочкой? – в голубых глазах плеснулась горечь. – Мне немного лет, но я пережила... я пережила столько, что выдержу любую правду.

– Я не лгу, – твердо сказал Эрнани. – Многие хроники упоминают, что внизу время течет иначе, и я этому верю. И еще я верю в своего брата. Эрио знал, что делал, когда спустился в Лабиринт, и он обязательно вернется.

– Да, – покорно кивнула Беатриса. Вспыхнувший огонь погас, перед эпиархом вновь была тихая, перепуганная девочка. – Пусть мой эпиарх меня простит. Мой анакс знает, что делает, он вернется, а твари уйдут... Но почему, почему так долго?!

– Может быть, эория выпьет сонного отвара?

– Нет! Все равно скоро утро.

Нет так нет, уговаривать он не станет. Пусть сидит и ждет, если ей так легче. Эридани не сказал, когда вернется. Сперва Эрнани подумал, что брат говорил о часах, но «скоро» может означать и час, и день, и неделю.

А вдруг он встретился с Ринальди и тот понял, что натворил? Искупить можно любую вину... Если Рино одумался, его нужно простить! Брат не мог желать Гальтарам гибели, просто он никогда не задумывался о последствиях своих выходок. Анэсти вечно ворчал, что Ринальди никогда не повзрослеет, а тот отшучивался. Ему, дескать, придется до смерти оставаться молодым, раз уж Эридани родился старым...

Стук и звон возвестили о появлении очередного гонца.

– Мой эпиарх, – воин качался как пьяный, – мой эпиарх... Они уходят, уходят...

– Ты хочешь сказать, что люди выведены?..

– Нет! – Гонец был так взволнован, что напрочь забыл о том, что говорит с местоблюстителем трона. – Твари! Они бегут назад, в пещеры... Это чудо, мой эпиарх! Чудо!

Это и впрямь чудо, и имя этому чуду – Эридани.

– Ну вот, – Эрнани улыбнулся Беатрисе, – а эория боялась. Эридани не мог проиграть. Скоро он вернется, а еще раньше мы увидим вашего супруга. Может быть, эория все-таки отдохнет?

– Нет, – глаза женщины казались кусочками пронизанного солнцем неба, не хватало только белых ласточек, – я подожду.

5 Мастер

Чем дольше художник смотрел на беснующийся поток, тем меньше у него оставалось надежд. Ринальди плавает, как выдра, но в верховьях Пенной выдры не водятся, даже астрарповы; и потом до реки еще нужно добраться.

Третьи сутки ожидания были на исходе, и эти дни и ночи стали самыми тяжелыми в жизни мастера Коро. Единственное, что он мог сделать для друга, – это ждать столько, сколько обещал, и еще четыре дня, и художник ждал. Ринальди был предан чудовищно, страшно, гнусно, и именно поэтому его новый брат не уйдет. Художник топил свою боль в работе, но рисовал он не реку и не радугу, а «Пленника». Это был его ответ подлости, ханжеству, лицемерию. Он не может покарать виновных мечом, он призывает их к ответу кистью! Мастер писал, как безумный, отрываясь от работы лишь ночью, и тогда он видел странное лиловатое зарево там, где находились Гальтары.

Диамни ждал, когда лошади отказались от воды и травы. Ждал, когда скалы у водопада начали стонать и дрожать, словно живые существа. Ждал, когда лиловые молнии раскололи усыпанный звездами черный купол, хотя на небе не было ни единой тучи. Ждал, когда на рассвете вззошло четыре окровавленных солнца. Из-за них взметнулись гигантские светящиеся мечи и, столкнувшись, породили пятое светило – черное, окруженное алым пылающим венцом. Это длилось не дольше десятка ударов сердца, затем солнце стало обычным солнцем, кони припали к ледяной воде, скалы перестали плакать, и только небо осталось алым, но это была просто заря. День обещал стать ветреным, но пока было до чрезвычайности тихо.

Художник, движимый каким-то странным чувством, сначала пошел, а потом побежал к водопаду и замер над стремительной водой, превращенной безумным восходом в кровь.

Диамни вглядывался в красно-черные глубины, пытаясь унять разогнавшееся сердце. Любопытно, он уже сошел с ума или только сходит? В беснующейся воде мелькнуло и пропало что-то темное. Разумеется, ему показалось, но мастер Коро вновь сорвался с места. Теперь он мчался к подножию водопада, на ходу срывая одежду. Думать было некогда, и Диамни прыгнул, ледяная вода обожгла его, но какое это имеет значение! Ему показалось, ему все показалось, и он сошел с ума! Это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой, ведь прошло три дня, целых три дня...

Тело Ринальди было неподвижным и тяжелым. Мертв или без сознания? Как бы то ни было, они оба исполнили обещанное – один выбрался, другой дождался. Диамни вытащил свою добычу на берег и с удивлением уставился на меч, который сжимал эпиарх. Меч Раканов! Откуда? Мастер Коро попробовал разжать словно сведенные судорогой пальцы, но это оказалось безнадежным занятием. Ладно, с мечом разберемся позже.

Художник наскоро осмотрел несостоявшегося утопленника и слегка успокоился. Он подоспел вовремя – захлебнуться Ринальди не успел; похоже, бедолага стукнулся головой о камень за несколько секунд до того, как Диамни его подхватил. Абвении милосердны – кости целы, а синяки и стремительно набухающая шишка на лбу – ерунда. Чуть в сторону, и удар пришелся бы в висок, но судьба, кажется, сама устала от своих подлостей. Только бы Рино не подхватил в подземельях серую горячку и не простыл, вода ледяная, и никому не ведомо, сколько ему пришлось плыть.

Художник опрометью бросился за плащами и вином. Когда он вернулся, Ринальди сидел на траве, безумными глазами глядя на лежащий перед ним меч.

– Рино! – Диамни не сразу сообразил, как назвал эпиарха. Похоже, Ринальди Ракан и впрямь стал ему братом.

– Вот ведь... – пробормотал эпиарх. – Дождался...

– Я обещал! Выпей и ложись... Постой, плащ постелю!

– Погоди... У меня что-то с головой... Холодно... Что случилось?

– Водопад с тобой случился. Пей, кому говорят!

– Сколько времени?

– Утро. Часов восемь. – Диамни поднес к посиневшим губам флягу. – Ты болтался по пещерам трое суток. С лишкóм.

– Ну, извини. – Он еще пробует шутить! – Так получилось...

– Главное, ты выбрался. А теперь ложись и попробуй уснуть, до вечера уйма времени.

– Не буду я спать, – сверкнул глазами Ринальди. – Откуда эта штуковина?

– Это ты у меня спрашиваешь? Меч был в твоих руках, и я еще не видел, чтобы кто-то так во что-то вцепился. Не представляю, как тебе вообще удалось выплыть с эдакой железякой.

– И я не представляю, – эпиарх потянулся к рукояти и скривился от боли, – и еще меньше представляю, где я его взял.

– Лег бы ты, а? – художник с надеждой взглянул на Ринальди, но тот упрямо сдвинул брови.

– Нет. Ты обещал принести одежду.

– И принес, но...

– Диамни, мне надоело изображать из себя древнего героя и совершать подвиги в чем мать родила. Твой лагерь далеко?

– Не очень.

– Тогда пошли. – Упрямец, не дожидаясь помощи, попробовал подняться на ноги. Как ни странно, ему это удалось.

– Пошли, – покорно согласился Диамни, поняв, что его новообращенного братца не переспорить. – Ты упрям, как осел мастера Сольеги.

– Осел? – Ринальди, закусив губу, извернулся и обзрел чудовищные кровоподтеки. – Клевета. Я – вылитый леопард.

– Не только, – безжалостно припечатал художник. – Судя по тому, что у тебя на лбу, ты еще и единорог, но прежде всего – осел.

– Изумительно. Тебе следует это нарисовать.

– Вот сейчас и займемся.

Только б он не вспомнил о Беатрисе! Диамни не был готов к разговору о своем открытии, и потом, он мог ошибаться... Надо посоветоваться с учителем. Если он прав, Лэнтиро найдет нужные слова, хотя есть ли такие вообще?..

– Осторожней!

В ответ Рино лишь глазами сверкнул. Его спасение отнюдь не было чудом – эпиарх не понимал, что значит сдаваться, потому и выжил там, где это почиталось невозможным. Они добрались до лагеря, хотя Диамни видел, чего стоит Ринальди каждый шаг. Лучше ему станет не скоро, боль еще только разгорается.

– Что будем делать?

– Ты, кажется, хотел одеться?

– И выпить.

– Можешь даже напиться – заслужил. – Нет, он несправим, и слава Абвениям! – Где хоть тебя носило?

– Не знаю. – На лице упрямыча промелькнула странная растерянность. – Я помню наш разговор у входа. Помню, как шел, как сдуру свернул на лестницу – она так заманчиво шла вверх. Там и вправду был выход...

– Но ты не вышел.

– Кошки раздери моего предка с его замками! – Ринальди сжал кулаки и сморщился от боли. – Если что-то и нужно уничтожить, так эти Капканы!

– Выпей. Да и я с тобой. – Вообще-то Диамни не слишком одобрял вино, но мастер Сольега сказал бы, что сейчас выпить просто необходимо. – И забудь!

– Я и так забыл почти все, – Рино торопливо глотнул из фляги, – но *их* помню. Там с потолка сочится вода, и в ней что-то такое вроде мела... И эти фигуры у решетки. Сверху – белая корка, а внутри... внутри – *они!* Не знаю, что они натворили и сколько жили, но лучше двадцать раз заживо сгореть, чем такое... Я швырнул лучину и побежал. Было темно, потом появился свет, сумерки какие-то... Я пошел светящимся коридором и нарвался на фрески. Жаль, ты их не видел!

– Фрески? И что на них было?

– Женщина. Одна и та же, повторенная тысячи раз. Казалось, она идет со мной рядом. Мне не объяснить, но это чудо!

– Ты отыскал женщину даже в Лабиринте, – покачал головой художник.

– Нет, потерял. У нее были синие глаза, Диамни. Синие глаза и черные волосы, и ей было больно жить.

– Странно. – Хорошо, что он заговорил о фресках, пусть говорит о чем угодно, только не о том, из-за чего угодил в ловушку. – Я знаю этот мотив. Идущую синеглазую женщину прежде изображали в погребальных храмах, потом жрецы подумали и решили, что это неправильно. Теперь этот мотив сохранился лишь в Кабитэле, но данарии всегда были сами по себе. Видимо, в Лабиринте когда-то и вправду был храм. Жаль, что ты на него не наткнулся.

– Может, и наткнулся, – теперь Ринальди говорил медленно и тихо: вино и усталость делали свое дело. – Понимаешь... Я больше ничего не помню, только запах дыма... Отвратительно сладкий... Наверное, я пошел туда, а может, наоборот... Я люблю запах дыма, но этот... Мерзость... А потом мне стало холодно, я открыл глаза и увидел небо... Я лежал, и в руке у меня был меч. Откуда? Диамни, откуда у меня меч Эридани?!

Мастер Коро усмехнулся и накрыл названного брата плащом. Уснул, и слава Ушедшим! Сейчас около девяти – у них впереди прорва времени. То, что случилось, походило на чудо, на детскую сказку со счастливым концом, когда сначала все плохо, а потом все хорошо. Ринальди отыскался, он жив и здоров, светит солнышко, щебечут птички, лиловатый туман над Гальтарами – и тот рассеялся. Художник проведаль лошадей, ополоснул пустую флягу, хотел было заняться обедом, но понял, что должен немного отдохнуть. Многодневная усталость наконец-то взяла свое, и Диамни Коро бросился на траву. Спустя мгновение он уже крепко спал.

6

Ринальди

Ринальди Ракан, наверное, в первый раз в жизни любовался облаками. Раньше ему не приходило в голову валяться на траве и смотреть в небо, раньше он вообще был глупцом.

Странно, что он не чувствует себя счастливым, ведь он жив и свободен, вот только с памятью что-то не так... Похоже, ударился головой, когда оказался в реке. Эпиарх перевернулся на живот, это было больно, но бывало и хуже. И когда Анэсти обучал их с Эридани владеть мечом, и после боя у Весперид – тогда вообще думали, что ему конец. Ничего, отлежался, и сейчас отлежится. Боль – это ерунда, а вот память... Что же все-таки случилось с ним в пещерах, а ведь что-то случилось... Откуда у него меч Эридани? Куда делся тот, что принес Диамни? Церемониальный меч Раканов – это, конечно, прекрасно, но драться им, что гарцевать на корове.

Эпиарх собрался с силами и поднялся на ноги – очень хотелось заорать в голос, но он сдержался, чтобы не разбудить друга. Избитое тело болело немилосердно, но Ринальди не был бы Ринальди, если бы лежал пластом, опасаясь лишней раз шевельнуть рукой или ногой. Совершив еще одно усилие, эпиарх нагнулся и поднял реликвию. Хорош он, наверное, был, когда Диамни тащил его из воды: голый, избитый, но с мечом. Ринальди с интересом разглядывал широкий, украшенный древним девизом клинок и облепившие рукоять разноцветные камни. Так это все же меч Эридани или двойник? Надо было как следует разглядеть божественные атрибуты, когда была возможность, но братец с ними слишком уж носился, грех было не подразнить... Ладно, потом разберемся! Раз он так вцепился в эту корягу, значит, в ней есть какой-то смысл, смысл должен быть во всем. Надо же, какая умная мысль... Воистину Лабиринт и удар головой пошли тебе, мой дорогой, на пользу. И все бы хорошо, но там было что-то еще, что-то немисливо важное, самое важное в его жизни!

Молчать стало невмоготу, и эпиарх окликнул Диамни. Художник не ответил – спал. Эпиарх подошел к своему единственному другу и, не выпуская меча, присел на корточки. Мастер Коро дышал ровно и глубоко и чему-то улыбался. Он, несомненно, был счастлив, и Ринальди стало стыдно будить человека из-за какой-то ерунды. Ничего, ночью они проберутся в дом мастера Сольеги и все хорошенько обсудят уже втроем, только потом-то что? Не сидеть же в доме калеки-художника, выжидая, когда все образуется.

Самым умным будет податься в Багряные Земли, астраповы всадники его не выдадут никому и никогда, но тогда братья останутся одни. Найти Чезаре? Вдвоем они могут многое... Могли, пока один не стал изгнанником, а второй не умер. И потом, сколько времени уйдет на поиски и возвращение? Они вернутся, только куда и к кому?

Выходит, поговорить начистоту с Эридани? Невозможно. Брат пытался его спасти, но как родич спасает родича, чтоб бы тот ни натворил. Анакс не сомневается в его вине и слишком увяз в том, что почитает долгом, с него станется отправить воскресшего насильника назад в катакомбы. Нет, к Эридани можно идти, лишь отыскав доказательства своей невиновности, а где их искать?

Ринальди вновь посмотрел на спящего художника. Будить вымотанных друзей не дело, но у него нет сил самому разбираться со всем этим безумием. Эпиарх легонько тронул мастера за плечо, но тот и не подумал просыпаться. Ринальди сжал плечо Диамни сильнее – опять ничего.

– Диамни! – теперь он тряс друга изо всех сил. – Диамни, проснись! Вечное Пламя, да что с тобой такое?!

– Оставь его! – негромкий женский голос был красив и равнодушен, так могла бы заговорить хризантема. От неожиданности Ринальди вздрогнул и обернулся. Подобных красавиц он еще не встречал – высокая, полногрудая, с тонкой талией и роскошной рыжей гривой, женщина была закутана в струящийся алый шелк. Золотой обруч на шее, массивные браслеты на белоснежных полных руках, кованый золотой пояс... Удивительное создание и... неуместное! После горуцкого похода они с Чезаре гостили у старика Надорэа. Его дочь обожала ярких заморских птиц, но однажды кто-то открыл клетку, и разноцветные пленницы разлетелись. На серой, поросшей мхом крыше они выглядели... странно.

– Кто ты, госпожа? – Несмотря на невероятную красоту, а может, именно благодаря ей незнакомка вызвала не столько восхищение, сколько тревогу. – Ты знаешь, что с моим другом?

– Он спит, – янтарный взгляд равнодушно скользнул по лицу художника, – и видит самый прекрасный сон в своей жизни. Не нужно его будить, Ринальди Ракан, он не проснется, пока я не уйду. Не бойся, с ним ничего плохого не случилось – наоборот. Поверь, для художника нет большего счастья, чем хотя бы во сне увидеть Этерну. Но ты, кажется, спрашивал, кто я.

– Спрашивал. – Ринальди не желал знать, ни кто она, ни откуда знает его имя, но сказанное назад не вернешь.

– Я – ада, – сообщила красавица, словно это что-то объясняло. – Я пришла за тобой.
– Ты не похожа на смерть, – выдавить из себя улыбку ему все же удалось.
– У смерти тысячи лиц, – женщина тоже улыбнулась, ее губы, крупные и чувственные, были ярко-алыми, – но я не Она. Я убиваю, только когда мне мешают. Тебе смерть от моей руки не грозит, а если ты уйдешь со мной, смерть тебя догонит не скоро.
– Ада – это имя?
– О нет. У меня нет имени, и, если ты пойдешь со мной, у тебя его тоже не будет.
– Зачем мне идти за тобой? И куда?
– В Этерну. – Рыжая гостья улыбнулась, и камни ее украшений вспыхнули полуденным солнцем. – По крайней мере, сначала. А зачем? Есть самое малое три причины, и я их назову, – она улыбнулась вновь, – постепенно.

Опустился вечер, высокое небо отливало золотисто-алым, совсем как платье гостьи, одуряюще пахло дикими розами и жасмином. Здесь, в Астраповых скалах?! Женщина сорвала какой-то цветок и засмеялась, но Ринальди счел за благо не замечать, как тонкая ткань ползет с белоснежного плеча. Ада была чужой и, он в этом не сомневался, смертельно опасной. На всякий случай эпиарх встал, но неудачно. Видимо, его лицо исказила боль, потому что женщина тоже встала, прищурилась и сделала небрежный жест рукой. Ринальди показалось, что он смотрит на мир сквозь язычки лилового пламени, потом сияние погасло, а вместе с ним исчезла боль. Вся. Полностью. Будто ее и не было.

Эпиарх невольно глянул на предплечье, которое донимало его сильнее всего, и с удивлением обнаружил, что одежда, которую с такими мучениями натянул на него Диамни, пропала. Он опять был в чем мать родила, на сей раз по милости непонятной рыжей твари.

– Тебе идет злиться, – тварь изучала его с явным одобрением, чтобы не сказать больше. – Ты рожден для вечности, время не должно покушаться на подобное совершенство.

– Что ты сделала с моей одеждой?

– А ты не хочешь узнать, что я сделала с твоей болью? Я сожгла и то, и другое.

Ада подошла ближе, теперь алые губы и золотые глаза были у самого лица Ринальди. В этой красоте не было ни единого изъяна, только она не была желанна... Ну или почти не была.

– Ты жил чужой жизнью и в чужом мире, – волосы гостьи слегка светились, а может, это светились вплавленные в золото камни, – но откровенность за откровенность. Мне, как и тебе, стыдиться нечего.

Янтарное свечение стало сильнее, а затем погасло, белые руки обхватили шею Ринальди жарким, горячим кольцом, он не сразу сообразил, что одежды ады исчезли. Тело эпиарха оказалось расторопней его разума, оно ответило на ласку немедленно и яростно. То, что он делал с этой свалившейся ему на голову колдуньей, то, что делала с ним она, было безумием. Мужчина и женщина отрывались друг от друга лишь для того, чтоб через несколько мгновений вновь стать единым, опьяневшим от избытка сил и чувств созданием. Рядом ревел поток, потом, кажется, запел соловей. Ринальди запутался, сколько раз и кто оказывался сверху, кто на кого набрасывался первым после короткого отдыха, что и когда говорил. Только однажды, когда он лежал на спине, выставив вверх раскрытые ладони, которых легонько касались тяжелые груди, ему почудился синий бездонный взгляд, но потом его вновь подхватила и понесла волна золотого, пахнущего жасмином и розами безумия.

Они отпустили друг друга, когда небо на востоке расцвело сиреневыми гроздьями. Рыжая тварь вытрясла из него больше, чем все его предыдущие женщины, вместе взятые. Теперь она лежала на спине, довольно щуря глаза, прекрасная, откровенная и бесстыдная, как весенняя львица – гладкая белая кожа, блуждающая улыбка, разметавшиеся кудри, перепутавшиеся с созревающей шелковистой травой.

– Вот и первый довод, – «львица» взяла его руку и положила себе на грудь. Ринальди всегда нравились полногрудые и полнобедрые, за это он прощал своим многочисленным подру-

гам расплывшиеся талии и вторые подбородки, но рыжая бестия состояла из сплошных достоинств.

– Первый довод?

– Первый довод – я, мои сестры и Этерна. Вернее, Этерна, я и мои сестры. Это очень долгая жизнь и вечная молодость, Ринальди Ракан. То, что тебе всегда нравилось, только сильнее и ярче. У тебя было много любовниц, эпиарх. Скажи, пережил ты хоть с одной из них ночь, подобную нашей?

– Нет. – Ринальди всегда был честен с женщинами. – Не было, и я не уверен, что хочу ее повторить.

– Что ж, – все еще непонятная гостья посмотрела в лиловеющее небо, – тогда поговорим о другом...

Ринальди невольно проследил за взглядом своей странной любовницы, а когда вновь посмотрел на нее саму, ада уже красовалась в шитых серебром лазоревых шелках. Ринальди было сложнее – пришлось вставать и вытаскивать из седельной сумки плащ, чувствуя на себе золотой взгляд, одновременно насмешливый и ласкающий. Красотка была не против, совсем не против обойтись с утренним нарядом так же, как с вечерним, да и он сам... Нет, не сейчас. Может быть, после разговора, а может быть, никогда, только не сейчас! Он не станет рабом собственного тела и тем более не покажет этого рыжей твари.

– Итак, – женщина не скрывала смеха, – ты готов выслушать мой второй довод?

– Говори.

– Изволь. Ты родился в одном из миров Ожерелья и считаешь его единственным, но на самом деле их сотни. Твоя Кэртиана – всего лишь одна из множества бусин. Вы, дети одного-единственного мира, похожи на человека, который родился, вырос и всю жизнь прожил в запертой комнате, не зная, что за ее стенами. Но если знать, где двери, и иметь от них ключи, можно ходить из комнаты в комнату, как это делаем мы.

Ада замолчала, ожидая то ли вопросов, то ли возгласов неверия, но Ринальди сразу понял, что все так и есть. Она была чужой и пришла издалека, она не принадлежала Кэртиане с ее синим небом и зеленой травой, хотя и казалась женщиной. Казалась, но была ли?

– Вы ходите по дому, это я понял, но выходите ли вы на улицу?

– Ты быстро схватываешь. – Ада задумчиво коснулась одного из своих браслетов. – Я не зря сюда заглянула, ты нужен Этерне.

– Ты не ответила.

– Мне нравится твое нетерпение... И мне нравишься ты сам.

Взгляд женщины был более чем откровенен, она хотела того же, что и он, но Ринальди решил узнать все.

Ада облизнула губы и улыбнулась.

– Представь себе цитадель, в которой каждый зал – это мир. Кое-где живут разумные существа, кто с душой, кто – без, но разумные. Другие пусты или заселены безмозглыми тварями. Крепость окружена рвом, за рвом – враги. Не скажу, что они – зло. Там, откуда они приходят, их, возможно, считают добром, но нашей цитадели со всеми ее обитателями они несут гибель. Не смерть, а именно гибель, без посмертия и надежды на возрождение. И поэтому на стене – мы ее называем Рубеж – идет бесконечный бой. Его ведут воины Этерны, они вечно молоды и почти бессмертны.

Почти, потому что их все-таки можно убить, и это иногда случается. Убитым нужна замена, а живым – отдых, и мы, ада, ходим по обитаемому миру в поисках тех, кто способен стать защитником Рубежа. Сперва я тебя услышала, потом увидела и поняла, что ты создан для вечного боя, прерываемого лишь празднествами и любовью. Ты рожден в мире смертных, но твоя кровь принадлежит Этерне, и это мой второй довод. Ты получишь товарищей, о которых мечтает любой воин. Твой меч будет решать, жить или нет Ожерелью миров, среди которых и

породившая тебя Кэртиана со всеми, кто тебе дорог, а затем и их потомками. Воины Рубежа, отбив приступ, отдыхают в чертогах Этерны. Чтоб понять, как она прекрасна, взгляни на лицо твоего друга. Я позволила его душе заглянуть в чертоги Архонта и побродить по лугам Молодости.

Защитников Рубежа ждут пиры, ласки моих подруг и, – ада засмеялась, – моя любовь... Там мы больше не будем чужими, ты станешь так же силен и свободен, как и я. Ты уйдешь со мной?

Если бы только она пришла раньше! После любой из ссор с Эридани или хотя бы в тот день, когда Беатриса обвинила его в насилии... Он, не задумываясь, ушел бы с белогрудой огненной красавицей, он бы дрался на Рубеже, пировал с товарищами, любил бессмертных и вновь возвращался в бой, не желая себе иной судьбы. Только зачем говорить о том, что сгорело? Он не может бросить все и исчезнуть, не разгадав загадку своей беды. Вдруг ловушка, в которую он угодил, лишь первая в череде подобных, и в каждой будет биться живое существо, невинное, но осужденное самыми близкими? Он должен остаться ради Эридани, на которого развязана охота, ради малыша Эрнани...

– Ты права, я действительно создан для жизни, которую ты описала, но я остаюсь.

– Ради него? – женщина кивнула на все еще улыбающегося Диамни. – Или ради братьев?

– Ради всех и себя. Если я соглашусь, то буду себя презирать. Этерне вряд ли нужен такой защитник.

– Итак, ты остаешься?

– Да. Возможно, потом, когда я...

– «Потом» не будет, Ринальди Ракан. – Ада больше не улыбалась. – Если я уйду, то не вернусь уже никогда. Этерна протягивает руку смертному лишь единожды, но прежде, чем ты в последний раз скажешь «нет», тебе следует узнать кое-что еще. Ты невиновен в том преступлении, за которое тебя осудили, но на тебе кровь твоего брата Эридани. Конечно, убив его, ты был по-своему прав...

– Ты шутишь?!

– Тогда где ты взял меч Раканов? Хочешь знать правду?

– Говори!

– Эридани Ракан был любовником Беатрисы Борраска. Когда она забеременела, анакс решил сохранить и ребенка, и честь зории, и меч Лорио. Это было непросто, но твой брат нашел способ.

Вот и ответ. Не просто очевидный, единственно возможный. Он не нашел его сам и сразу лишь потому, что Эридани – его брат. Любимый, старший, живущий ради анаксии брат, разве можно думать о нем плохо? Но это правда, правда, будь проклята эта рыжая тварь во веки веков!

– Терраса Мечей...

– Да. Для очистки совести Эридани предложил тебе побег. Ты отказался, дальнейшее было предрешено. Абвении признали ребенка анакса и твоего племянника. Твой брат не мог позволить тебе перебить половину своих сторонников, и в первую очередь Лорио. Тебя бросили в пещеры, но Эридани тебя все же любил и спустился за тобой. Ему не следовало говорить правду...

– Он сказал? Сказал?!

– Да. Ты его убил и взял меч.

– Это не так! Не может быть!

– Может. И было. Ты хотел правды – вот она. Ты убил Эридани, и его кровь, кровь Ракана, разбудила изначальных тварей, которые вырвались наверх через храм в городе Ветров. Я загнала их назад, но было поздно – погибли тысячи невинных, в том числе и Лэнтиро Сольега. Люди связали твою казнь с появлением чудовищ и исчезновением анакса. Правильно

связали. Теперь для жителей анаксии ты не просто насильник, ты – убийца, из ненависти к судьям спустивший на беззащитный город монстров, которых анакс, пожертвовав собой, загнал назад. Это не совсем правда, но и не совсем ложь.

– Я не помню.

Он не помнит, но меч у него! Он не помнит, потому что ударился головой или потому что хотел забыть? Он всегда умел забывать неприятное.

– Ты не помнишь, потому что боишься. – То ли ада умела читать мысли, то ли у него все было написано на лице. – Теперь анаксом стал твой последний брат, но за него правит Лорио Борраска. Ты все еще хочешь вернуться в полуразрушенный город? Хочешь, чтобы Диамни узнал, что ты стал причиной смерти его учителя? Хочешь доказать свою невиновность?.. Ты сможешь доказать лишь виновность Беатрисы и этим убьешь последнего человека, способного спасти Золотую Анаксию. Или, может быть, ты хочешь занять трон? Если тыпустишь в ход Силу Раканов, у тебя получится. Сказать тебе, как?

– Нет! – Ринальди поднялся. – Мне и впрямь не осталось места в Кэртиане. Я бы выбрал смерть, но это слишком слабое наказание за то, что я натворил. Я чуть не погубил Гальтары здесь, что ж, я буду вечно защищать их на твоём Рубеже.

– Он будет твоим. – Ада подошла к спящему художнику и положила ему руку на лоб. – Диамни Коро забудет все, что связано с тобой, и вернется к своему брату и своему ученику. Он видел Этерну. Если он настоящий художник, он ее нарисует, и это станет его высшим счастьем и высшей наградой. Ты готов или хочешь проститься? Я могу его разбудить.

Готов ли он? Эпиарх обвел взглядом словно затуманившиеся разноцветные скалы, седую гриву потока, усыпанные цветами кусты, смятую траву. Самым трудным было решить с Диамни. Мгновенье назад эпиарх отдал бы все, если б у него хоть что-нибудь было, ради последнего разговора, ради того, чтоб объяснить – он не хотел ничьей смерти и не знал ни про тварей, ни про силу собственной крови, во всем виноват его бешеный нрав и пережитый ужас... Но перекладывать свою беду и свою вину на плечи друга?! Диамни не должен знать, что добро, которое он сделал, обернулось гибелью его приемного отца. Обернулось смертью. Смертями...

Ринальди заставил себя подняться. У него в этом мире осталось лишь одно дело. Последнее. Эпиарх взял меч Эридани, поднялся к пещере, из которой хлестала вода, и всадил клинок в расщелину меж двух камней. Пусть думают, что его вынесла река.

Когда Диамни проснется, он увидит меч и отнесет Эрнани. Последнему из братьев Раканов, оставшемуся в живых, потому что Ринальди умер. Умер, узнав правду о себе. Эпиарх повернулся к не скрывающей торжества аде:

– Идем. Не стоит задерживаться.

7

Эпиарх

Завтрак подали прямо в зал Литтенгов, в котором они оставались все эти безумные дни. Эпиарх-наследник что-то ел и пил – только для того, чтобы Борраска в очередной раз не напомнил о долге местоблюстителя престола. После завтрака он уже вдвоем с Лорио очередной раз попытался уговорить Беатрису уйти; женщина в ответ лишь покачала головой, и ее оставили в покое. Затем опять были дела. Повседневные дела, которыми анакс занимается куда чаще, чем объявлением войн и разоблачением заговоров. Деньги, дороги, вспомоществование семьям погибших, восстановление разрушенных жилищ, раздача вина и хлеба... Солнце достигло зенита, тени, черные и короткие, жались к отбрасывавшим их предметам, как испуганные щенки жмутся к ногам хозяина. Когда у них этот хозяин есть.

Беда отступила. Гальтары еще не скоро залечат полученные раны, но Цитадель уже почти обрела свой всегдашний вид. Это была жизнь, казавшаяся такой недостижимо прекрасной, когда город Ветров и город Волн крушили изначальные твари и озверевшие люди, но сейчас обыденность оскорбляла. Нет, эпиарх-наследник понимал, что нужно благодарить Абвениев за хотя бы такой исход, но повседневная суэта каждой мелочью напоминала о братьях. И о том, что, если анакс не вернется, Эрнани Ракану придется стать тем, кем он стать не может.

Снова пришлось есть, и снова юноша не смог бы ответить, что было подано. После трапезы Борраска уехал в город, и настала тишина, нарушаемая лишь воркованием мохноногих саймурских голубей, блаженствовавших на освещенном солнцем карнизе. Эрнани сидел в кресле, принадлежавшем Эридани, а Беатриса заняла место Ринальди. Вряд ли женщина это знала, хотя, если вдуматься, что значит место...

В окно влетела бабочка – крупная, черно-красная, с золотыми крапинками и странными острыми выростами на нижней паре крыльев. Или астрапионик, или фульга, они очень похожи. Диамни сказал бы – мастер хорошо разбирается в цветах, травах, птицах. Только бы Коро был жив... Городу Ветров досталось больше других, а когда стражи стучали в дом Лэнтиро Сольеги, там было тихо и мертво.

– Который час? – еле слышно спросила Беатриса.

– Два часа пополудни. Твой супруг скоро вернется, но не лучше ли...

– Нет. – Голубые глаза блеснули, напомнив о неистовой эории, в праведном гневе прошедшей через обомлевшие Гальтары и потребовавшей суда над насильником. – Я останусь.

Эрнани не спорил – не было ни сил, ни желания. Они оба хотели знать правду, какой бы та ни была, вернее, они ее уже знали, но не желали с ней смириться.

Вернулся Лорио, рассказал, что творится за стенами Цитадели. Столица залечивает раны, жрецы и стражники ходят по домам – первые утешают и врачуют, вторые рубят руки и головы мародерам и убийцам. Хлеба, мяса и вина хватает.

О братьях Эрнани не спросил – будь известно хоть что-нибудь, Лорио сказал бы, но Беатриса была женщиной и не удержалась.

– Твои люди стоят у всех выходов? – голосок эории выражал озабоченность и надежду.

– Разумеется, – пробормотал Борраска и тотчас заговорил о другом. – Первая хорошая новость после скверных, Эрнани. Лэнтиро Сольега жив и здоров. Можешь представить, мастер выпроводил слуг, закрылся в комнате под потолком и работал. Он даже не знал, что творится в городе! Диамни Коро в Гальтарах не было – учитель отправил его рисовать воду и скалы, так что твой наставник скоро вернется.

Значит, хотя бы один из тех, кто ему дорог, уцелел. Диамни успел рассказать о картине, которую его учитель почти закончил, и первыми зрителями должны были стать братья Раканы. Теперь «Уходящих» увидит только он. Конечно, Борраска не откажется сопровождать эпиарха, но полководца никогда не занимала «мазня». Это для Диамни живопись в одной цене с жизнью, неудивительно, что художник пытался уйти в свое искусство. Последние дни все они не походили сами на себя, все бежали от правды, кто куда мог... Диамни много рисовал братьев, пусть напишет портрет, на котором все живы и счастливы.

– Эрнани, – Лорио с тревогой наблюдал за наследником, который очень боялся стать анаксом и почти не сомневался, что уже стал им, – тебе надо отдохнуть.

– Я не стану пить сонное зелье, а без него мне не уснуть. Я уйду, только когда не останется надежды.

Лорио кивнул и отошел. Они о чем-то пошептались с Беатрисой, скорее всего, о том же самом, потому что эория покачала головой и откинулась на резную спинку. Снова приходили какие-то люди и приветствовали эпиарха-наследника, он отвечал и посылал их к Борраске. Или к Абвениарху. Или еще куда-нибудь.

Билась в слезах женщина из Дома Волн, не имевшая известий об ушедших с анаксом сыновьях. Озабоченный казначей объяснял, сколько будет стоить починка настилов. Распорядитель поварен уточнял, когда начнутся погребальные пиры. И еще, и еще, и еще... Спрашивавших, просивших, докладывавших, рыдавших было много, Эрнани был один. Один!

– Мой эпиарх, – высокий белокурый воин чем-то напоминал Рино, – явился мастер Коро. Он принес меч анакса.

– Пусть войдет!

Меч Эридани? Откуда?! Как он оказался у Диамни?

– Милость Анэма, что с анаксом? – Беатриса вскочила, но, поймав тревожный взгляд мужа, торопливо опустила в резное кресло. На его спинке были вырезаны леопарды, вереницей идущие друг за другом. На самом деле леопарды не ходят стаями, они одиноки...

– Мой эпиарх, – Диамни преклонил колени. Щеки художника покрывала щетина, глаза ввалились. – Последние дни я провел в Астраповых скалах, рисуя эскизы для росписи храма. Этим утром я нашел у водопада меч. Наверное, его вынесла вода.

Художник развернул плащ, неистово вспыхнул вделанный в рукоять камень, лиловый и злой, словно глаз изначальной твари. Пенная река берет начало в пещерах, наверняка они связаны с Лабиринтом. Об этом никто никогда не думал, ведь сквозь поток пройти невозможно, но Абвении сочли неуместным оставить меч себе, они забрали только жизни. Сначала – одну, затем множество.

– Это я! – Беатриса куда-то рванулась, но Лорио ее подхватил. – Это я виновата!!! Я должна была умереть, тогда анакс был бы жив... Все были бы живы!

– Успокойся, родная, – седой полководец нежно, но сильно прижал быющуюся женщину к груди, – тебя вела честь... Ничего уже не исправить!.. Подумай о ребенке.

– О ребенке?.. О ребенке?! – Беатриса была даже не бледна... Эрнани не рискнул бы подобрать слово, описывающее лицо эории. Не ужас, не боль, не страдание, не отчаяние – все это слишком мелко и ничтожно.

– Дитя невинно, – твердо произнес Борраска. – Абвении милостивы, *наш* сын пойдет не в отца, а в его брата.

– Мой сын будет похож на анакса... – Беатриса шептала словно во сне, – на Эридани... Да... Я попробую... Попробую жить! Не бросай меня, нас... Пожалуйста. Только не бросай... Я так виновата...

– Тебе не в чем себя винить. – Лорио нежно, словно маленькую девочку, поцеловал жену в лоб и преклонил колено перед Эрнани. – Мой анакс! Позволь мне увести эорию. Я скоро вернусь.

– Эорий Борраска... – Эрнани взглянул на меч, который по-прежнему держал художник. – Мой Лорио, ты свободен до утра. Эория нуждается в тебе сильнее, чем кто бы то ни было, а я... переговорю с мастером Коро.

– Благодарю моего анакса. – Полководец обнял дрожащую жену и вывел, почти что вынес из комнаты. Стукнули копыта стражей, скрипнула дверь. Теперь они остались вдвоем – художник и его ученик, анакс и простолюдин, принесший меч погибшего повелителя.

– Диамни, – Эрнани взглянул художнику в глаза, – ты сказал все, что знал?

8

Мастер

Серые глаза эпиарха глядели взросло и строго. Как же мальчик изменился за эти несколько дней! Да разве он один, все они стали старше не на годы – на века!

– Мой анакс...

– Диамни, сейчас ты решишь раз и навсегда. Или мастер Коро расскажет анаксу все, что знает о мече Раканов, и вернется к своему учителю и своим картинам, или Диамни останется с другом и поможет... поднять то, что ему не под силу.

Художник молчал, глядя в лицо собеседника, из которого словно бы высосали молодость. Гладкие щеки, которых еще не касалась бритва, легкие темные волосы, пухлые детские губы и исполненные тысячелетней горечи глаза. Анакс ждал ответа, и художник ответил:

– Я остаюсь.

– Спасибо, – больной мальчик, ставший повелителем огромной, разрываемой смутами державы, неуверенно улыбнулся. – Помоги мне перебраться к окну и сядь рядом. А меч... Положи его так, чтобы я не видел, мне страшно на него смотреть.

Страшно? Почему? Что такого в этой неудобной аляповатой вещи? Или реликвии может чутя лишь Ракан? Диамни снова завернул клинок в плащ, положил на кресло с идущими вереницей леопардами, перевел юного анакса через комнату, помог сесть и сам пристроился рядом. Сказать или нет? Мертвых не вернешь, а правда порой причиняет страдание. Нужна ли *эта* правда Эрнани, Лорио, еще не рожденному ребенку, тысячам обитателей Гальтар?

– Я остался совсем один, – мальчик не жаловался, просто говорил, как есть, – я – анакс, только я не справлюсь. Эридани ничего мне не рассказал, он слишком спешил. Сила Раканов для нас потеряна, а без нее не удержаться. Пока жив Лорио, пока никому не известно, что на троне – пустое место, анаксию еще будут бояться, но потом, через десять, двадцать, тридцать лет?

– Прекрати ныть! – Художник не сразу сообразил, что прикрикнул на государя, как на него самого кричал Лэнтиро Сольега. – Если с головой в порядке, обойдешься без кулаков, а если кроме тебя некому – сможешь. Потому что должен!

– Прости! – Эрнани с виноватой улыбкой дернул Диамни за рукав. Это была их старая шутка, хвала Абвениям, что мальчик о ней вспомнил. – Я все понял. Мы каждый вечер будем запирается, я стану ныть, а ты будешь меня ругать.

– Если нужно, я готов. – Мастер внимательно посмотрел на юного правителя и решился. Анакс имеет право на правду. – Эрнани, я должен тебе сказать одну вещь. Сначала тебе будет больно, потом станет легче. Один из твоих братьев в самом деле был подлецом, но это не Ринальди.

– Я знаю, – тихо сказал анакс.

– Знаешь?! Давно?..

– Я понял, когда ты принес меч. Эридани – отец ребенка Беатрисы. Ты хотел сказать мне это?

– Да. Но не только. Мастер Лэнтиро...

– Он жив и здоров.

– Я знаю, я шел через город Ветров. Эрнани, я лгал тебе. Я добивался встречи с Ринальди не для того, чтобы его рисовать. Он был невиновен, и я попытался его спасти.

– Но что ты мог?!

– Мало, но я сказал твоему брату, что мы с учителем ему верим, и передал оружие, сандалии и отмычки.

– Передал?! – подался вперед Эрнани. – Ты подходил к решетке?!

– Да, и Ринальди освободился от оков... Не знаю, что с ним случилось, я ждал его у Пенной реки. Мастер Лэнтиро был уверен, что ее исток сообщается с Лабиринтом. Мы надеялись, что эпиарх выплывет, но я нашел лишь меч Эридани. Теперь ты знаешь все. Хотя нет... Когда Ринальди уходил вниз, он просил меня стать его братом. Я не могу ничем подтвердить свои слова, но я был счастлив и горд. И не потому, что я – найденыш, а Рино принадлежит к дому Раканов. Он... Мне трудно об этом говорить и еще труднее слушать, как проклинают его имя... Не знаю, что случилось в Лабиринте, но не сомневаюсь: город спас Ринальди!

– В тебе Рино нашел лучшего брата, чем я.

Эрнани отвернулся к окну. Диамни тихо опустился на скамью у стены. Есть мгновения, которые нельзя спугнуть. Мелькнуло что-то алое. Бабочка. Астрапионик...

– Диамни, – голос юного анакса звенел, как струна, которая вот-вот оборвется, – я знаю, что делать. Позови дежурного эорий!

Украшенная бронзовыми бычьими головами дверь открылась с трудом, но стоящие на страже копыеносцы даже не обернулись – их дело смотреть на тех, кто входит. Зато дежурный эорий в плаще со знаком Унда возник на пороге немедленно.

– Войди, – деревянным голосом велел Эрнани. Стражники раздвинули копья, эорий склонил голову и прижал руку к сердцу.

– Мой анакс.

Весть о найденном мече уже разнеслась по дворцу.

– Эорий, – Эрнани не стал отказываться от титула, – мне нужен Абвениарх.

– Повиновение анаксу.

Человек в полуденном лазоревом плаще вышел, и тут Диамни его вспомнил. Этот эорий искусал себе губы во время казни – значит в нем живы совесть и сострадание. Нужно сказать Эрнани, такие люди ему понадобятся. Художник закрыл дверь и повернулся к бывшему ученику.

– Что ты задумал?

– Гальтары должны знать правду.

Итак, Ринальди будет оправдан. После смерти...

– Диамни, почему ты молчишь?

– Сам не знаю. Если *оттуда* можно видеть то, что происходит здесь, если *там* это еще важно, Ринальди будет рад. Не крикам на улицах, а тому, что один брат у него все-таки есть.

– Ты веришь в четыре Царства и в возможность возвращения?

– Хочу верить, а вот верю ли, не знаю и сам.

Они помолчали, потом Эрнани спросил, как называется влетевшая в покой бабочка. Диамни ответил, и вновь стало тихо. Они слишком хорошо понимали друг друга, чтобы разговаривать.

Абвениарх появился неожиданно, хотя анакс и художник ждали именно его. Богопомнящий уже знал всё – вернее, то, что знали все.

– Мой анакс, помнящие Ушедших оплакивают твою потерю и приветствуют твой восход. Слова. Обычные ритуальные слова, но как значительно произнесены!

– Слово Абвениарха несет надежду.

Еще одна ритуальная фраза...

– Надежду несет знание. *Они* вернутся.

– Я *знаю*: мой брат Ринальди невиновен, – Эрнани не стал ходить вокруг да около. – И я хочу, чтобы это узнали все!

– Эти слова и эти чувства делают честь брату, – Богопомнящий вздохнул, – но не анаксу.

– Что? – глаза Эрнани сверкнули не хуже, чем у Ринальди.

– Мой анакс, – Абвениарх оставил значительный благостный тон, видимо, понял, что тут он неуместен, – ты будешь удивлен и почти наверняка разгневан, но невиновность Ринальди была для меня очевидна уже в день испытания. Так же, как и вина Эридани.

– И ты позволил... допустил...

– Тогда я считал это правильным. Золотая Анаксия переживает не лучшие времена, Эрнани Ракан, и те, кто оказался на вершине власти, должны думать сперва о своем долге и лишь потом о своей совести. Эридани обещал стать достойным анаксом и стал бы им, если бы больше думал об Абвениях. Не смотри на меня так, мастер Коро. Я, как и мои помощники, должен произносить красивые слова, и мы их произносим, но сейчас я говорю о данных *ими*

законах, преступать которые опасно. Эридани рискнул, но риск себя не оправдал. Мой анакс знает, что Эридани погубил младшего брата, но вряд ли догадался, что смерть Анэсти тоже на его совести. Рожденный вторым желал стать первым и был уверен, что станет лучшим правителем из всех вас.

– Значит, – Диамни забыл о том, что он всего лишь простолюдин, – дело не в Беатрисе?

– Нет, прелюбодейка была лишь орудием. Она и впрямь полюбила анакса превыше долга и совести, а он использовал это в своей игре, хотя тело Беатрисы и возбуждало его плоть.

– Почему ты молчал раньше? Почему говоришь теперь?

– Потому что ты стал анаксом и отныне тебе выбирать между спокойствием совести и спокойствием страны. Если прикажешь, во всех храмах объявят, что Ринальди Ракан погиб безвинно, сгинувший анакс Эридани – дважды братоубийца, клятвопреступник и блудодей, чьи преступления накликali на Гальтары гнев Абвениев, а Беатриса Борраска – его любовница и соучастница. Ты этого хочешь?

– Нет! – выкрикнул Эрнани. – Я хочу очистить имя Рино!

– Это сделает лишь правда об Эридани и Беатрисе. Ты знаешь, к чему это приведет?

Эрнани не ответил ни «да», ни «нет», Богопомнящий истолковал это на свой лад.

– Это приведет к тому, – пустился в объяснения он, – что Беатрису разорвут на куски матери и жены погибших. Если ее не спасет муж, которому сперва нужно пережить это известие. Он переживет его?

Эрнани медленно покачал головой.

– Значит, ты потеряешь полководца, на чьем мече держится анаксия. Даже если Лорио не умрет, он отчаётся и утратит волю. Ты не сумеешь призвать Силу, ты не можешь водить армии, и ты не захочешь бросить воинов на взбунтовавшуюся чернь, а она взбунтуется, эсператисты же подольют масла в огонь. Вот к чему приведет справедливость по отношению к мертвому брату.

– Почему же ты не спас его, когда еще было время?

– Я ошибся, – спокойно признал Богопомнящий. – Ринальди мне казался слишком непредсказуемым и оттого опасным. Он был единственным из вас, кто играл Силой Раканов, ничего о ней не зная и даже не догадываясь, что творит. Анакс видел, на что способен его брат, а каждый судит по себе. Эридани подстроил смерть Анэсти и ожидал подобного от Ринальди; поверить, что кому-то не нужна власть, анакс не мог.

– И все равно ты не сказал, почему не вмешался.

– Потому что Ринальди Ракан был чудесным человеком, любящим братом, отличным воином и, возможно, недурным военачальником, но никудышным анаксом! Я полагал, что Эридани спасет державу, в том числе и своей подлостью, а честность Ринальди ее погубит наверняка, но я уже признал, что ошибался. Сейчас надо думать о будущем, а не искать виновных.

– Я не ищу виновных, я хочу защитить невинного.

– Невинного? Что ты знаешь о Силе Раканов? – Вопрос прозвучал властно и неожиданно.

– Мало, – покачал головой Эрнани. – Эридани ничего не успел мне сказать.

– Скорее, не захотел. Анакс считал, что пока наследник не обрел знание, он безопасен. Это тоже было ошибкой. Изначальных Тварей разбудило проклятие Ринальди. Будь несчастный виновен, ничего бы не произошло, но он был прав перед Абвениями, и те ответили. Гибель Гальтар могла остановить лишь кровь истинного виновника. Так и стало. Лабиринт вернул Раканам меч – значит грех искуплен, и нужно жить дальше. Уцелей Ринальди, я бы первым настаивал на правде, но он погиб. Остались ты и Лорио, ты хочешь погубить и его?

Абвениарх был прав, и как же отвратительна была его правда. Эрнани поднял измученный взгляд.

– Мастер Коро, Рино назвал тебя братом. Что скажешь ты?

Что он может сказать?! Спасая Ринальди, Диамни готов был пойти на казнь, готов, нена роком коснувшись зачарованной решетки, стать живой статуей, но *тогда* художник не колебался, а сейчас не знает, что отвечать. Справедливость по отношению к одному, к тому, кого ты любишь, и беда для многих тысяч... Вот они, «Уходящие» мастера Сольеги! Вот о чем кричит взгляд Унда, предающего свою любовь, чтобы не предать свой долг перед живущими и теми, кто еще лишь должен родиться.

– Если бы Ринальди был жив, он отдал бы свою честь за жизнь Гальтар и анаксии. Мы должны скрыть правду, Эрнани. Хотя бы на время.

– На время, – подался вперед Эрнани, лицо его просветлело, – вот именно! На время, пока все образуется...

– Вряд ли такое случится, – Абвениарх был беспощаден, – но теперь и впрямь пора похоронить своих мертвых. Эрнани Ракан, я всю жизнь служил – нет, не Абвениам, которые ушли, и никто не знает, вернутся ли. Я служил и служу Золотой Анаксии. То, что я скажу тебе, я собирался сказать Эридани и надеялся, что он поймет. Однако то, что для анакса, владеющего Силой, было лишь одной из возможных троп, для тебя становится единственной. Ты должен отказаться от Силы Раканов и веры в Абвениев. Ты должен оставить Гальтары с их призраками и построить новую державу, которая держится не на дарах Ушедших, а на разуме, мече и золоте.

– Как я могу отказаться от того, чего у меня нет? – В голосе юного анакса безнадежность мешалась с... презрением? – И как ты, именно ты, можешь говорить о смене веры?

– Тебе не исполнилось и семнадцати. Когда тебе минет шестьдесят шесть, ты перестанешь удивляться. Ты отречешься от Силы Раканов именно потому, что ей не владеешь. Пережитый Гальтарами ужас возродил веру в древние запреты и Силу Раканов. Гальтары не сомневаются, что Ринальди разбудил чудовищ, а Эридани ценой собственной жизни загнал обратно, но столица – это еще не анаксия.

Все, ты слышишь, *все* должны знать, что Эрнани Ракан *может* вызвать Зверя. Может повелевать стихиями, распознавать ложь, говорить с дальними соратниками, узнавать прошлое и видеть будущее. Может, но не желает. И все же, если анакса загонят в угол, он, спасая державу, нанесет удар, причем такой, от которого не оправиться.

– Я – плохой лжец. Как я объясню свое нежелание жить по старым законам? Ведь есть праздники, обычаи, когда анакс...

– Именно поэтому ты перестанешь быть анаксом, а назовешься иначе. Кесарем, императором, базилевсом... Красивых слов много, а использовать Силу тебе помешает новая вера. Тебе придется стать эсператистом. Гайифские безумцы называют Абвениев демонами. Неудивительно, что ты, уверовав, не захочешь черпать из источника Зла.

– Эсператисты?! – перед глазами Диамни всплыл набросившийся на Ринальди кликуша, хотя... хотя крики о зле могли относиться к Беатрисе. Неужели эсператист что-то почувал?!

– Мастер Коро не любит эсператистов? – поднял бровь Абвениарх. – Я их тоже не люблю, по крайней мере, теперешних. Но я отправлю к ним нескольких очень разумных молодых людей, снабдив каждого какой-нибудь тайной. Разумеется, лишь одной.

Через несколько лет чтящих и ожидающих будет не узнать, а про тебя, анакс, я распущу слух, что, потрясенный мощью открывшейся тебе Силы, ты поклялся не пускать ее в ход без крайней на то необходимости. Потом сплетни станут более определенными, начнут шептаться, что ты тайный эсператист. Опасности в этом нет, поскольку Создатель не более чем порожденный гайифскими мятежниками фантом. Он не найдет и не изгонит чудовищ, не обличит лжеца, не очистит прошлое и не призовет родную кровь.

– Поступай, как считаешь нужным, – голос Эрнани звучал безжизненно и устало. – Не знаю, что бы я сделал, будь у меня Сила, может, и впрямь от нее бы отказался... Что я должен делать?

– Сейчас тебе следует отдохнуть, – твердо сказал Богопомнящий. – Анакс должен заботиться о своем теле.

– Я отдохну, – все так же безжизненно и ровно пообещал Эрнани.

Абвениарх поднялся и вышел. Стук двери, голоса стражников, шелест листьев за окном...

– Ринальди снова убили. – Эрнани проковылял к окну и захлопнул створки. – Предали и убили. На этот раз мы с тобой. Его братья!

– Мой анакс... Эрнани... Не говори сейчас ничего. Завтра Лэнтиро Сольега покажет тебе «Уходящих». Не скажу, что тебе станет легче, но ты поймешь, что иначе нельзя.

9

Ринальди

– *Тверд ли ты в своем решении?*

– Да.

– *Ты отказываешься от своего имени, от своей памяти, от своего естества?*

– Да.

– *Клянешься ли ты в верности Пламени? Признаешь ли власть Архонта? Готов ли к бою и к вечности?*

– Да.

– *Войди.*

Черное и алое... Крытая поседевшей травой степь, клубящиеся облака, тревожно кричащие птицы, уводящая в раскаленную бездну дорога. Он уходит в Закат, потому что больше идти ему некуда. Все кончено, он был, теперь его не будет.

– *Ты имеешь право на свою последнюю правду. Хочешь узнать о прошлом, прежде чем оно перестанет быть твоим?*

Не хочет – должен, пусть и на мгновение.

– Да, я хочу знать.

– *Ты получишь ответ. Спрашивай.*

– Как умерли мой брат и мастер Сольега?

– *Анэсти Ракана убил Эридани Ракан. Эридани Ракана убил ты. Мастер Сольега жив.*

– Значит... значит, ада лгала?

– Да.

– Во имя Астрапа, зачем?!

– *Она избрала тебя для Этерны и для себя. Если бы ты знал правду, ты бы не ушел с ней.*

– Будь оно все проклято! Что с Диамни и Эрнани?

– *Эрнани – анакс. Диамни Коро с ним. Не думай о них. Ты для них мертв.*

– Что еще было ложью?

– *Многое.*

– Я хочу знать правду.

– *Спрашивай.*

А надо ли? Он всегда выбрасывал из головы то, о чем не желал помнить, и жил дальше. Будь иначе, не остался бы в Гальтарах после того, как они с Эридани орали друг на друга из-за Чезаре. И потом, когда назло Абвениарху протащил на Террасу Мечей его леворукого племянничка... Богопомнящий неистовствовал, анакс рычал, а эпиарху-наследнику хотелось одного – послать надутых умников в Закат, а еще лучше удрать туда самому. Он бы и удрал, но в тот день будто нарочно объявили о помолвке Лаиссы. Бедолага Эрнани глядел на сестричку Чезаре такими глазами... Не бросать же было мальчишку наедине с болезнью и разбивавшей

мечту свадьбой! Бегство пришлось отложить, а потом еще, и еще... пока наконец Закат не явился за ним сам.

– Ты долго молчишь. Ты больше ничего не хочешь и не ждешь. Ты готов.

– Нет! Еще нет.

– *Спрашивай.*

Эрнани – анакс, Диамни с ним...

– Чезаре... Он жив? Что он делает?

– *Наследник Марикьяре вернулся и заменил тебя. Сейчас он ведет армию Эрнани Ракана.*

Значит, Лорио умер. Неудивительно после всего... Что же еще осталось? Знать о Беатрисе он не желает, если лгунья жива, пусть живет и дальше. То, что случилось в пещерах, он забыл сам и наверняка к лучшему. Разве что меч и эта фреска...

– *Спрашивай.*

– Зачем Эридани понесло в пещеры?

– *Анакс, воспользовавшись принадлежавшей ему Силой, разбудил и выгнал наружу подземных чудовищ.*

– Ушедшие Боги, зачем?!

– *Власть Раканов слабела. Эридани желал возродить блеск анаксии, для этого ему был нужен страх. Ему был нужен Зверь, чтобы сперва уничтожить монстров, а затем собрать воедино Золотые Земли и положить конец мятежам и войнам. По воле Ушедших создающий Зверя платит за него собственной жизнью. Эридани нашел способ обойти запрет, расплатившись тобой. Он не знал, что на тебе нет цепей. Он не знал, что у тебя есть меч. Он не знал, что ты хочешь жить. Это ты спас Гальтары, Ринальди Ракан, и вернул тварей под землю.*

– Но как я сумел?

– Ты и так узнал слишком много.

Много так много.

– Синеглазая... Фреска в пещере, кто она?

– Ты и так узнал слишком много. Не оглядывайся! Сделанного не исправишь.

– Кто она?!

– *Хватит. Ты принадлежишь не ей, а Этерне.*

– Нет! Я должен вернуться!

– *Поздно. Судьба Кэртианы не должна тебя больше заботить. Этерна берет твою память и дает тебе свою. Этерна берет твою жизнь и дает тебе вечность. Этерна берет твою боль и дает тебе радость. Ты принадлежишь Этерне, одной лишь Этерне! У тебя нет имени. У тебя нет прошлого. У тебя нет ничего, кроме Этерны! Ты – Страж Заката. Ты выбрал свой путь. Ты с него не свернешь.*

– Нет! Во имя Астрада, нет!

Он рванулся с неистовой силой угодившего в капкан леопарда и вдруг увидел Чезаре. В алом плаще стратега и с седой прядью надо лбом, прежде ее не было.

– Рино! Рино, сюда!.. – отчаянный крик друга, долетевший сквозь рев пламени и звон тысяч рвущихся струн, был последним, что услышал Ринальди Ракан, третий сын владыки Золотой Анаксии, своей волей последовавший за избравшей его адой. Лиловые огненные крылья сомкнулись, отрезая от прошлой жизни, от неудавшейся смерти, от него самого. Это был конец, и это было начало.

...У него не было ни имени, ни прошлого. К его ногам льнули пахнущие горечью цветы, а над головой резво бежали похожие на корабли облака.

– Я ждала тебя, Страж Заката. – Рыжеволосая красавица призывно улыбнулась. Он знал, что это – ада, теперь он знал многое. Отблески былого и зори грядущего, тайны сгинувших миров, имена еще не рожденных звезд, безжалостные пророчества, прихоти судеб, законы Этерны, песни Рубежа – все это теперь стало частью его. Он мог отворять двери между мирами

и находить дорогу в любой тьме и в любом тумане, мог узнавать своих и чують грызущую Внутренние миры скверну... Он не был бессмертен, но убить его было немислимо, невообразимо трудно. Время обтекало Стража Заката, не причиняя ему вреда, его ждали бои и празднества, бесконечные бои и празднества.

– О чем ты думаешь? – спросила ада и засмеялась. Налетевший ветер разметал рыжие кудри, запах цветов стал острее и горше. В Этерне царила весна, но лиловые колокольчики пахли осенью.

О чем он думает? В самом деле, о чем? Все решено раз и навсегда, все правильно. Он выбрал свою судьбу и не должен ни жалеть, ни оглядываться, тем более оглядываться некуда. Утром он уйдет на Рубеж, но сперва будет ночь, которую еще нужно скоротать. Ада хочет его, и она красива, очень красива... Страж Заката сам удивился злобе, с которой рванул алый шелк.

10 Мастер

Великий Диамни Коро умирал. Чтобы больного не тревожил топот подбитых гвоздями сапог, мостовую под окнами мастера застелили соломой. У порога жилых комнат толпились ученики и просто живописцы, кто с искренней, кто с нарочитой тревогой вглядывавшиеся в непроницаемые лица лекарей. Каждые два часа прибегали посыльные от императора, а к вечеру повелитель явился лично. Вместе с Эсператором⁴ и магнусом Славы, одним из немногих, кто помнил молодые годы Коро.

Император и клирики прошли к больному, свита осталась под дверью. Сперва придворные с подобающим случаю скорбным выражением стояли неподвижно, затем начали переминаясь с ноги на ногу и перешептываться. Наиболее смелые рискнули прислониться к стене, а бойкий молодой художник вполголоса поведал, что мастер Коро упорно называет магнуса Адриана мирским именем Чезаре. Геренций выразил надежду, что молитвы его высокопреосвященства будут услышаны и больной исцелится, присутствующие благочестиво возвели глаза к потолку, и вновь стало тихо. Время шло, а повелитель все не появлялся. Казавшийся бесконечным день подошел к концу, красное от усталости солнце утонуло в водах Данара, и Кабитэлу окутали долгожданные сумерки. Над новой столицей поплыл колокольный звон, и дверь спальни, словно в ответ, распахнулась, пропустив Эсператора и магнуса. Первый проследовал в храм на вечернюю молитву, второй, почти сбежав с крыльца, вскочил на сразу же сорвавшегося в галоп коня. Император остался с умирающим. Это была неслыханная честь. Смелый, жесткий, подчас жестокий Анэсти Гранит железной рукой претворял в жизнь замыслы своего немощного телом, но отнюдь не духом отца. То, что порфиноносный ценит мастера Коро, знали все, но никто и помыслить не мог, что император так отличит умирающего старика. К полуночи Анэсти вышел, на ходу бросив лекаря, что мастер заснул и не стоит его тревожить. Свитские, стараясь ступать как можно тише, потянулись за императором; они еще никогда не видели, чтобы глаза владыки столь сильно блестели, но некоторые наблюдения лучше держать при себе.

Когда выпала роса и над горизонтом показалось созвездие Малой Кошки, больной проснулся и потребовал отнести себя в мастерскую. Лекарь не посмел перечить любимцу императора. По требованию мастера зажгли множество свечей и раздвинули плотную ткань, скрывавшую огромную картину, над которой Коро работал с того самого дня, как впервые вошел в построенный венценосным учеником дом. Само творение видели лишь избранные, взгляду остальных представал серый, измазанный красками занавес, поднимать который строжайше

⁴ Эсператор – глава эсператистской церкви, магнус – глава одного из семи церковных орденов. Подробнее см. Приложения.

запрещалось. Слугам хотелось рассмотреть таинственное полотно, но они, повинувшись приказу, торопливо поклонились и словно бы растворились в синей летней тьме. Старый художник остался один на один со своим детищем.

Сидя в высоком резном кресле, спинку которого украшала вереница идущих леопардов, Диамни Коро смотрел на то, что многие годы составляло смысл его жизни. Ученик великого Сольеги не знал, с чего ему пришла в голову именно эта сцена, но она не отпускала художника ни днем, ни ночью. И вот на специально вытканном холсте возникли невиданные в Кэртиане чертоги.

Огромные окна выходили на закат. За длинными, богато убранными столами пировали мужчины и женщины, и все они были неправдоподобно, нечеловечески прекрасны. Бессмертные, они дорожили каждым миготом веселья, потому что помнили о вечной войне, на которую им предстояло вернуться. Во главе стоящего на высоком помосте стола восседал седовласый вождь с суровым, отнюдь не старым лицом, у его ног возлежали похожие сразу на пантер и гончих крылатые звери с глазами цвета поздней сирени. По правую и левую руку владыки располагались полководцы в огненных диадемах, расположившиеся за нижними столами воины были простоволосы. Алые с черным одеяния мужчин, вне всякого сомнения, умелых, повидавших не одну битву бойцов, казались невиданными в Кэртиане доспехами. Женщин обвивали тончайшие шелка самых изысканных и нежных расцветок, а на точеных шеях и прекрасных руках переливались золотистые и лиловые камни.

Фигуры на полотне дышали жизнью и силой. Пирующие были счастливы, ведь они исполнили свой долг и обрели право на любовь и радость. Картина казалась завершенной, но мастера она не устраивала: ему никак не давался левый угол. Там, за ближайшим к распахнутому окну столом, сидел золотоволосый воин, единственный, кто не пил и не смеялся, окружающая радость его тяготила, хотя он вряд ли мог объяснить почему. И еще меньше сам Диамни мог объяснить, почему изобразил Ринальди Ракана таким. Когда мастер начинал свой «Пир вечных», он хотел, чтобы брат был счастлив хотя бы на картине, но Рино вновь проявил строптивость. Он не желал ни веселиться, ни петь, ни обнимать роскошных красавиц.

На плече сгнувшего эпиарха лежала рука рыжекудрой женщины в огненных шелках, лишь слегка прикрывавших роскошную грудь, но взгляд Рино был устремлен куда-то вдаль. О чем он думал? Чего хотел? И чего хочет сам Диамни Коро?

Художник вздохнул и чуть не вскрикнул от пронзившей грудь и спину боли. Ерунда, он должен понять, чего не хватает. Все, кто видел «Пир», в один голос утверждают, что ничего более совершенного из-под руки мастера не выходило. Эсперадор, хоть и полагал правильным скрыть полную соблазна картину от нестойкой духом паствы, назвал ее величайшим созданием человеческого гения, разве что Чезаре... Лучший друг Рино тоже не понимал, в чем дело, но не сомневался: рано или поздно Диамни осенит. Художнику хотелось думать так же, потому он и потребовал перенести себя в мастерскую. Жизнь кончалась, и мастер не мог уйти, не завершив своей главной работы. За окном синело ночное небо, похожее и не похожее на небеса покинутых Гальтар, падали звезды, созревали яблоки, над полянами маттиолы кружили ночные бабочки. Этот мир был прекрасен и понятен, Коро не хотелось его покидать, но он и так прожил очень, очень долго, проводив в неведомое почти всех, кого знал в юности. Что же все-таки должно быть в левом углу? Во имя Абвениев, что?!

Пламя? Влетевшая птица? Статуя? Еще одно окно, сквозь которое виднеется водопад? Нет, не то! Мастер пробовал и огни, и цветы, и фигуры, но они лишь мешали. Значит, оставить как есть? Диамни напряженно смотрел на картину и не видел, как столб лунного света задрожал и изогнулся, постепенно принимая очертания высокой, но хрупкой человеческой фигуры. Легкая и неуловимая, она постепенно облекалась плотью. Стали различимы иссиня-черные косы, нежный крупный рот, огромные синие глаза под темными дугами бровей, тонкие руки

с длинными пальцами... И все равно женщина казалась недоступной и далекой, словно отражение в старом мутном зеркале или ночном окне.

Хозяин не видел странной гостьи, но ее двойник медленно и неотвратно проступал на картине – странная легкая тень, отражение на серебристом зеркальном камне. Это было то, чего он так долго искал! Женщина-фреска, женщина-призрак, женщина-память, которой нет и не может быть в исполненном чувственного ликования зале и которая тем не менее существует. В сердце зеленоглазого воина, пусть его и обнимает другая, – живая, прекрасная, настоящая. В сердце Ринальди Ракана, друга и брата Диамни. На мгновение мастеру стало жаль придуманную им рыжую женщину, такую красивую и такую ненужную. Она льнет к Рино, а он принадлежит другой, неуловимой и зыбкой. Принадлежит ей, своему миру и себе самому и рано или поздно отыщет дорогу к дому, даже если придется пройти через небытие и вернуться на пепелище. И именно поэтому Ринальди жив, единственный из всех собравшихся в этих залитых ликующим светом чертогах. Он жив, потому что не избыл тоски по непрожитому, не отчаялся и не разлюбил, а значит, не обрел покоя...

Старому художнику казалось, что он спит и видит сон, в котором нашел то, что так долго и неистово искал. Больше всего Диамни боялся умереть, не проснувшись, или забыть о своем видении. Мастер не отрывал взгляда от картины, а женщина-отражение была совсем рядом. Какое-то время синеглазая молча стояла за креслом Диамни, потом светящаяся полупрозрачная рука нежно коснулась волос художника, гостья нагнулась, поцеловала хозяина в лоб и исчезла. Осталось лишь изображение на картине, перед которой сидел мертвый мастер. Работа была завершена – Диамни Коро был свободен.

Эпилог Одинокий

1

В городе, что некогда назывался Кабитэла, а ныне – Оллария, цвела сирень. Белые и лиловые свечи, как и положено сторающим свечам, были обречены. Обречены были и воркующие на крышах голуби, и суetyающиеся на улицах и площадях люди, и сам этот мир, однако неотвратимость конца придавала весенней столице некое горькое очарование. Трудно любить то, что всегда было и всегда будет. Осознание неизбежности конца оживляет притупившиеся чувства, ты смотришь на былую обыденность будто впервые, и сердце начинает рваться от любви и грусти.

Одинокий шел улицами Олларии в последний раз – этот мир – нет, не умирал, становился вотчиной раттонов. Если так пойдет и дальше, то, во что превратится Кэртиана, придется уничтожить. Из великого Ожерелья выпадет очередная бусина – не столь уж и страшная потеря, ведь сама Нить уцелеет, да и случится всё отнюдь не завтра. То, что для Стража Заката «скоро», для смертных – почти «никогда». Спешащие по своим делам мужчины и женщины успеют дожить, домечтать, долюбить, доненавидеть, равно как их дети, внуки, правнуки... И все равно Одинокому было их жаль, он ведь тоже некогда *был* человеком. Был, пока не отрекся от себя самого. Его никто не вынуждал – в пламя Этерны нельзя ни столкнуть, ни заманить, так что свою нынешнюю судьбу он выбрал совершенно осознанно, хотя и не представлял почему. Не знал странник и где и как начался его путь – Нить длинна, а прошлое сторело в вихре лилового огня, огня цвета поздней сирени. Бесконечный бой, в котором не может быть победы и не должно быть поражения, не оставлял места сомнениям и тоске, и все же в некоторых местах воину хотелось задержаться. Он полагал эти миры чем-то похожими на его прежнюю родину, но чем именно – не представлял; все, что случилось до того, как он шагнул в Закат, исчезло.

Наверное, это было разумно – минувшее имеет над нами слишком большую власть. Те, кто держит на плечах настоящее, должны быть свободны и от привязанностей, и от долгов, и от сожалений, но весенняя Кэртиана пьянила и печалила. Может, дело было в людской суete, а может, в захлестнувшем город цветении или стремительных острокрылых ласточках... Одинокий протянул руку, и могучий каштан медленно склонил ветви навстречу чужаку. Сильные пальцы коснулись цветочной грозди, и путник чему-то улыбнулся. Он мог обернуться стариком, юношей, женщиной, леопардом, драконом, наконец, но предпочитал оставаться самим собой. Внешность – единственное, что оставило ему пламя Этерны. Страж Заката надеялся, что кто-то когда-то любил его именно таким. Или ненавидел. В том, что первую свою жизнь он прожил воином, Одинокий не сомневался, но все остальное... Было ли ему что терять? Хотелось верить, что было.

Иногда он пытался придумать себе человеческое прошлое, но выдумки или таяли, как облака, или давили неподъемными ледяными глыбами. Вечный странник, он сочинял сказки о забытом счастье, а те не сочинялись. Он видел себя умирающим от удара в спину, ожидающим пыток и казни, идущим сквозь чужие зависть, злобу, презрение, страх, но только не счастливым. Отчего-то казалось, что ненависти в его жизни было больше, чем любви, а боли больше, чем радости, и все равно Страж Заката предпочел бы знать о себе все.

Торжественный колокольный перезвон вернул странника в Кэртиану. Смертные всегда и всюду молят небо о милости, не зная, что тех, кого они называют богами, больше нет, а взвалившие на себя их ношу не вправе отвлекаться ни на что. Дело Одиноких, их долг, жизнь и

смерть – Рубеж, который отбирает у своих защитников почти всю силу. И пока в сгоревших мирах идет бой, смертным отвечают раттоны. Как легко сжечь зачумленный город и этим остановить заразу, но кто возьмется одолеть беду, выловив всех чумных крыс? Раттоны – чумные крысы Ожерелья, и их становится все больше. Теперь они подняли голову и под этими каштанами. В полную силу зараза еще не вошла, Кэртиана не знает, что смертельно больна, и в этом ее счастье, увы, не слишком долгое.

Воин отпустил ветку и присоединился к изливавшемуся из храма людскому потоку. Его не замечали. Не «не видели», а именно не замечали, зато он замечал и запоминал всё. Одетый в черное и алое чужак медленно шел залитыми солнцем улицами, наслаждаясь тем, что ступает по твердой земле, дышит полной грудью, видит цветы, слышит детский лепет и шум юной листвы. Грязь, старость, злоба, несправедливость здесь тоже были, но воин не думал о них, так же как не думал о завтрашнем дне. Он не создавал этот мир и не мог быть им создан – Страж Заката не найдет былую родину даже случайно, – но ему хотелось любить, и он полюбил Кэртиану. Почему так вышло, воин не понимал, похоже, он стал Одиноким прежде, чем это слово сорвалось с губ последней уцелевшей ады.

Чертоги Архонта с их вечными празднествами в честь вернувшихся с Рубежа и уходящих на Рубеж были прекрасны, но он не находил в них радости, наверное, это тоже вышло из его убитого прошлого. Страж Заката верил Архонту и стратегам, ценил своих товарищей, любовался адами и не чурался их ласк, но буйное веселье было не по нему, а каждая поднятая чаша отзывалась в сердце невнятной тоской. Однажды он покинул празднество прежде срока, беглеца не удерживали, зачем? Зов своего Стратега защитник Рубежа услышит всюду, а, услышав, окажется, где должно, но передышка между боями принадлежит ему. Воин бездумно брел великой Нитью, пока его внимание не привлекла россыпь серебряных, отливающих алым искр, и он, сам не зная почему, свернул с дороги. Думалось, ненадолго, но рядом засмеялась юная женщина, ей ответил мужчина, а ветер принес запах цветущей сирени – тогда тоже была весна...

С тех пор этот мир жил и дышал за спиной Одинокого. С тех пор, залечив раны и набравшись сил, он, возвращаясь на Рубеж, проходил через Кэртиану, прощаясь и запоминая, а защищая Ожерелье, защищал в первую очередь ее. Так было, но так больше не будет. Схватки станут все длиннее и неистовей, следующая передышка почти наверняка выпадет слишком поздно. Раттоны сделают своё дело, и его вечность лишится части смысла.

Если б только он мог задержаться! Но место Стража на Рубеже, а вёсны... что ж, они приходят во все живые миры и, пока горит Закат, будут приходить. Люди наделены волей и разумом, они могут и должны дать отпор собственной гибели, только как им это объяснить? Одинокий несколько раз пробовал говорить с кэртианцами – его не понимали. Вот и тот рыцарь, которому он сказал, что совесть выше и чести, и закона... Казалось, что человек понял, но честь схватила кинжал и ударила.

Вспоминать оказавшийся бесполезным разговор Одинокий не любил, но случившееся тогда отшвырнуло раттонов на несколько веков. Для Ожерелья – миг, для почти обреченной бусины – не столь уж и мало. Жаль только, что тот, кто подарил своему миру четыреста лет надежды, не дождался ни благодарности, ни понимания...

Улица заканчивалась возле остатков древней стены, к которой лепились торговые ряды. Прошлый раз здесь расстилались поля, которые топтали воины Франциска Оллара, бастарда, пожелавшего стать великим королем и ставшего им. Оллария Франциска поглотила прежнюю Кабитэлу. Новое или поглощает старое, или убивает, новое считает себя вечным...

Толпившиеся на площади горожане с улыбками расступались, пропуская черноволового всадника на породистой лошади, и Одинокий невольно залюбовался. Человек был молод, красив и счастлив, как может быть счастлив лишь... человек, живущий единым сверкающим миготом. Он любил и был любим – Одинокий чувствовал это, как чувствовал весну. Подхвачен-

ный волной чужой солнечной радости, Страж Заката пожелал влюбленному сберечь свое счастье и выбросил мимолетную встречу из головы. Утром он простится с Кэртианой и, скорее всего, навсегда, но зачем об этом думать, когда солнце еще даже не думает садиться? Несколько мгновений боли кажутся вечностью, но вечностью можно сделать и несколько часов радости, Этерна учит и этому.

2

Ожерелье, Рубеж, бой без надежды и без конца – все это нет, не исчезло, но словно бы отодвинулось. Одинокий чувствовал себя свободным и смертным, он даже позволил себе зайти в таверну и устроиться в углу, куда немедленно принесли кувшин с вином, после чего в сторону зеленоглазого чужака никто даже не глянул. Люди приходили и уходили, а Одинокий смотрел на них – пьющих, смеющихся, поющих... Откуда-то вылезла маленькая пятнистая кошка, почти котенок, и остановилась, нерешительно глядя на гостя. Кошка – не человек, ей глаза не отведешь. Эти маленькие вольные твари не только чувствуют всех, владеющих силой, но и сами ей сопричастны. Одинокий поднял бровь, и кошка, расценив это как приглашение, прыгнула ему сперва на колени, а затем и на плечо. В зверьке билась магическая искра, маленькая и слабая, но отчетливая. Кошки понимали, что ждет Кэртиану. Кошки, не люди. Страж Заката взял кубок и поднес к белой с рыжим мордочке. Зверушка брезгливо сморщила нос и отпрянула, пробовать вино она не собиралась. Что ж, он выпьет сам. В память создателей Кэртианы. Их было четверо, и они собирались вернуться, хоть и были готовы умереть на Рубеже, а смерть настигла их в Этерне, казавшейся самым безопасным местом Ожерелья. Тогда погибли многие, и вместе с ними погибла надежда.

Одинокий залпом допил вино, словно ему, теперешнему, оно могло помочь. Вечер продолжался. Звенели стаканы, играла музыка, танцевала девушка в низко вырезанном платье, а он видел шар ревущего пламени. Чудовищную звезду, родившуюся из гибели Этерны. Что именно произошло, уцелевшие так никогда и не узнали. Был ли это заговор, неосторожность, несчастливая случайность или же сработал доселе неведомый закон мироздания, но случилось то, что случилось.

Те, кого в час беды не оказалось в чертогах Архонта, собрались на Рубеже. Их было больше, чем они боялись, и меньше, чем надеялись. Одинокий навеки запомнил глаза Стратега – глаза воина, осознавшего, что ему не дожидаться ни помощи, ни приказа. Стратег стал Архонтом, а все они – Одинокими, не загадывавшими дальше грядущей схватки.

Воин с силой сжал пустой стакан, вновь ощущая непосильную тяжесть, словно ему и впрямь пришлось взвалить на плечи небесный свод. Сгоревшие миры, по которым пролегал Рубеж, были мертвы, защищать их особого смысла не имело, но, единожды отступив, отступишь снова, и он держался, они все держались...

Раздавшийся крик был неожиданным и непонятным. Сбросив раздосадованную кошку, Одинокий вскочил, ловя отголоски разгорающейся схватки. Неравной – кто-то в одиночку отбивался от целой своры убийц. Жертва была обречена, но умирать можно по-разному, обреченный дрался, и как дрался! Страж Заката словно бы видел тускло освещенную комнату, опрокинутую разбитую мебель, мечущиеся тени, вывалившуюся из подсвечника и тут же затоптанную свечу... Странно, ведь он отгородился от чужих мыслей и чувств, и отгородился надежно, откуда все это? По-прежнему никем не примеченный чужак выбежал на улицу. Город спал или делал вид что спит, было очень тихо, только Одинокий не сомневался: поблизости убивают. Он даже знал кого – показавшегося таким счастливым черноволосого всадника.

Где-то коротко взвыла собака, хлопнула дверь, в доме напротив погасили свет. Воин резко отбросил лезущую на глаза прядь и сперва неторопливо, затем все быстрее пошел по пустынному переулку. Зачем ему это? Люди вечно враждуют, а если противник им не по зубам

– бьют в спину. Кэртиана не исключение, скоро здесь и вовсе начнется война всех со всеми. Спасать гибнущие Бусины у Одиноких нет ни сил, ни времени, а умереть в еще живом мире лучше, чем умирать вместе с миром. Прежде, когда Этерна была цела, ады и Стражи порой вмешивались в дела смертных, теперь в прошлом и это. В прошлом все, кроме боя...

Переулочек влился в тихую улочку, застроенную двухэтажными домами. В третьем слева погибал парень, чьей неистовой радости вчера хватило на двоих. Протянувшаяся между смертным и вечным нить и вывела воина к небольшому особняку, там все еще дрались. Жалобно зазвенело разбитое окно, сквозь которое пролетел темный обломок, раздался отчаянный вопль, и ответом ему стал захлопнувшийся ставень в доме напротив. Не видеть, не слышать, не вмешиваться – это так по-человечески! Снова звон и злобный скрежещущий лязг. Внутри дома глухие удары и возня, снаружи – мертвая тишина.

Остатки здравого смысла шептали, уговаривали, требовали оставить все, как есть. Одиноких не занимают чужие дела, жизнью больше, жизнью меньше... Смертные, их дела, их страны, их Бусины не важны, важно лишь Ожерелье. Кэртиана в любом случае обречена. Страж Заката не вправе себя выдавать, и силу Осени тратить тоже не вправе... Он и не будет, ведь он может драться, как человек. Он это умеет, всегда умел, и будь четырежды прокляты все лицемеры всех миров и все запреты!

Одинокий выхватил меч и пинком вышиб жалобно вскрикнувшую дверь.

3

Того, кто караулил на лестнице, ворвавшийся гость снес одним ударом, дальше шли прихожая и комнаты, набитые перевернутой мебелью, мертвыми и умирающими. И – лязгающий сталью человеческий ком в самом конце анфилады. Драка еще не кончилась, мало того, именно сейчас из своры вывалился некто в маске и, зажимая плечо, метнулся к двери. Чтобы умереть под радостно свистнувшей сталью. Не оглядываясь на труп, Страж Заката двинулся дальше. Нет, он не использовал силу, да этого и не требовалось. Пара дюжин смертных убийц – меньше, чем ничего, к тому же их и осталось-то... чуть больше половины.

Занося меч для второго удара, Одинокий неожиданно для себя самого рыкнул, словно леопард, и занятая собственной охотой добыча услышала. Вздогнули, начали оборачиваться... куда там! Длинный широкий клинок рассекал тьму, одежду и плоть, иногда ломая оказавшуюся на пути сталь. В пропитанном кровью сумраке человек разглядел бы немного, но Одинокий в свечах не нуждался. Выписываемые мечом изящные выверенные петли несли смерть. Зря не пропадало и не могло пропасть ни единого движения: Стражи Заката просто не позволяют себе подобного расточительства. Отлетела в сторону рука, косою замах, поворот – и с хрустом рубятся ребра следующего убийцы. Качнув плечами, Одинокий пропускает мимо себя отчаянный выпад и рассекает солидный, обтянутый темным атласом животик – зря ты, байбачок, в душегубы подался. Надо же, их всего трое осталось...

Эти последние умерли быстро. Или нет? С отрубленными руками какое-то время истекают кровью, но участь подыхающих воина не занимала. Отшвырнув с пути голову в сбившейся маске и с вывалившимся языком, Одинокий шагнул к тому, из-за кого нарушил почитавшийся нерушимым запрет. Черноволосый счастливчик полусидел-полулежал, привалившись к опрокинутому креслу и паре рухнувших друг на друга налетчиков – последних, кого он успел уложить. Верхний еще зачем-то дышал. Страж Заката мимоходом ткнул тело мечом, обтер клинок и наклонился над черноволосым. Всмотрелся в заострившееся молодое лицо, потом схватил дождавшегося его живым упряма за руку и тут же отпустил.

Кэртианец глубоко, как часто бывает перед смертью, вздохнул и с усилием открыл глаза. Огромные, синие... знакомые?! Смутный рассеянный взгляд мазнул по потолку и стенам, умирающий вряд ли смог что-то разобрать, а вот Одинокий увидел. Растоптанные цветы, юное жен-

ское лицо, искаженное страхом и удивленной злостью, скрытые полумасками мужские рожи – много, десятка два... Опять белокурая женщина – разевает в беззвучном крике вдруг ставший огромным рот и пропадает, на пол валится овальный поднос, мелькают клинки, заляпанные кровью шпалеры, прорези масок... Не отбиться! От стольких – нет... глупо вышло, но *эти* не дождутся... не увидят...

С запекшихся прокушенных губ срывается несколько слов. Бедняга все еще дерется и все еще помнит, но смерть прежде всего сжирает память.

– *Кальявэра...*

Израненная рука шарит по полу, нащупывая оружие, и находит. Смерть в бою для человека отнюдь не самое страшное, и уж точно это не конец всему. Другое дело, что истинный конец часто не заставляет себя ждать. Одиноким знал, как это бывает, и почти не сомневался, что кэртианца эта участь минует. Он всего лишь покинет предавший его мир и найдет что-то новое, не погибни Этерна, парень мог бы очнуться и там. Если бы рядом оказались ада или Страж Заката, хотя Страж – вот он, это Пламя погасло.

Обреченная на неудачу попытка подняться, неизбежность падения, короткий стон. В окно, словно провожая – должен же его проводить кто-нибудь свой, – глядит ясная зеленая звезда. Всё, теперь уже совсем скоро – с десятков ударов сердца, не больше. Осталось прикрыть меркнувшие – он же видел, видел такие! – глаза, и прочь из этого дома и из этого мира. Кэртиана становится страшной, в Кэртиане убивают счастливых... Одиноким стремительно перевалил умирающего себе на колени и сжал чужие запястья, в которых упрямо билась жизнь. Нет, он не нарушал запрет – запретить сжигать уже сгоревшее Этерна не додумалась, ведь это почиталось невозможным. Исцелять раны смертных могли ады, но не войны, Страж Заката не врачевал, он гасил собой смерть, как пожаром гасят пожар. Это было больно, но на Рубеже знают, как взнудать боль, Одиноким выдержал, смерть – нет. Отшатнулась, отступила, исчезла в зеленой лунной яме.

Осторожно прислонив живого к мертвым, воин прикрыл ладонями глаза, вслушиваясь в окрестности. Улица спала, как спит в болоте вода: ни стражи, ни припозднившихся гуляк, ни расхрабрившихся в тишине соседей. Бывает и так, только люди по своей природе любопытны, и отнюдь не все из них трусы. Оставлять черноволосого на произвол судьбы не хотелось, и Страж Заката поторопил жизнь. Вторая волна боли немногим уступила первой, но человек шевельнулся, повернул голову и что-то пробормотал. Он мог бы увидеть чужака, но тот не позволил.

Костры Этерны выжигали прошлое до дна, ады и Стражи могли стереть лишь не успешнее впечататься в то, что по неведению зовут душой. Оборвать воспоминания на пороге еще не набитого смертью дома? Нет, кто и как тебя убивал, нужно знать. Что ж, парень позабудет лишь самый конец схватки... То, что половина убийц зарублена, не страшно, мечи Кэртиана еще помнит. Одиноким поднял руку, готовясь убрать лишнее, и... не убрал. Отчего-то мучительно захотелось, чтобы спасенный его запомнил. Чтобы принял за человека и захотел найти. И чтобы не метался годами в поисках отобранного навсегда.

Глухо стукнуло и зашуршало. Отбитый у смерти счастливчик кое-как поднялся и, пошатываясь, побрел от трупа к трупу, не выпуская из рук оружия. На его месте Одиноким бы поступил так же – пересчитал врагов и прикинул, сколько из них пришлось на его долю. Мертвецы, кроме одного, были в масках, однако синеглазый не пытался их снимать, и он никого не искал. Либо в этом доме не было друзей, либо они предали.

Возле отсеченной головы человек слегка задержался, тряхнул волосами и повернул к двери. Его ждали недлинная анфилада и лестница, по которой еще нужно было спуститься, кэртианец сумел и это. На пороге упрямец все же споткнулся, его повело в сторону, и Одинокому вдруг почудился шум водопада и боль в собственном избитом теле, сменившаяся недоумением. Страж Заката больше не понимал, как смог отречься от памяти, разве что помнить было страшней, чем умирать. Предатели и подлецы о свершенном жалеют редко, только о про-

игрыше, проиграть он, конечно, мог. А мог опоздать, помешать, не успеть куда-то ворваться, о чем-то предупредить, что-то исправить... Сегодня судьбу удалось обогнать, не потому ли кажется знакомым то, что просто не может быть таковым?

Улица, если не считать их двоих, была по-прежнему пуста. Ну и что, друг, ты станешь теперь делать? Постучишься в соседний дом? Закричишь? Сожмешь зубы и куда-то пойдешь? Пошел. Держась за стены, оставляя на них и на мостовой кровавые следы, спотыкаясь, но целеустремленно. Одинокий двинулся следом, не слишком представляя, что будет делать и будет ли, если парень упадет, однако тот не падал, лишь пару раз останавливался, вытирая лицо, то есть размазывая по нему кровь.

Небо неспешно светлело, но окна и двери открываться не спешили. Помощь не торопилась, зато смерть пыталась забрать свое дважды. Сперва из проулка высунулся коренастый детина, взгляделся, осклабился, вытащил удавку, и в Олларии одним душегубом стало меньше. Через три квартала попалась пакостного вида компания: молодчики явно собирались разжиться если не кошельком, то кольцами. Этим Одинокий показался, грабители оказались разумными и уцелели, а вряд ли что-то заметивший синеглазый свернул в узкий – лошадь бока обдерет – проход меж двух старых стен, за которыми безумствовала сирень. Похоже, он почувствовал ее запах, потому что остановился, подняв лицо к зеленеющему небу. И потащился дальше, а за ним, отгоняя готовую вернуться смерть, пошел Одинокий. Стена сменилась кованой решеткой, щель – площадью, посреди которой бил украшенный статуей оленя фонтан. Олени были и на барельефах большого особняка, они взлетали в прыжке, готовились к поединку, тянулись к воде. Одинокий остановился, провожая взглядом того, кто, кажется, добрался.

Последние шаги труднее первых, но синеглазый поднялся по пологому, вымощенному обтесанными камнями въезду и уже там рухнул лицом вниз. Вряд ли внутри что-то услышали, впрочем, заставить обитателей оленьего особняка выйти было нетрудно. Страж Заката и заставил бы, только тяжелая дверь распахнулась, и один человек склонился над вторым. Если бы счастливчик вновь вздумал умирать, Одинокий его бы удержал, но тот приподнялся сперва на локте, а потом, закусив губу, рывком встал на одно колено.

– Живи, – беззвучно велел упряму Одинокий и, резко повернувшись, быстро зашагал прочь. Этой ночью он отбил у смерти не только добычу, но и себя самого, пусть в его собственной сгинувшей жизни все и было иначе. Он придумывал себе прошлое, а нужно было отшвырнуть запреты и стать человеком хотя бы на один бой и одну дорогу.

...Зов Архонта застал воина на выходе из сиреневой «щели» у стены, на которой еще виднелся свежий кровавый след. Одинокий неспешно поднял взгляд к проступавшей сквозь юную зелень синеве и увидел низкое серебристое небо без солнца и птиц. Пепельное море лениво перекаtywало тяжелые, медленные волны, а горизонт набухал похожими на уродливых черепах тучами. Он вернулся вовремя, как, впрочем, и всегда. О возвращении следовало доложить Архонту, Страж Заката доложил, получил привычный приказ и почти сразу камни на его мече вспыхнули лиловыми звездами, предупреждая, что Чуждое шевельнулось. Приблизился бой – один из множества, – ничего выдающегося, сколько таких было и сколько еще будет.

Небо стало ниже, не знающее жизни море с шумом отступало, обнажая скалистое дно. Ни водорослей, ни раковин, ни бьющейся на мели рыбы, только серый, отливающий свинцом камень. Шторм подползал медленно и неотвратно, нападавшие и обороняющие в тысячный раз готовились помериться силами, заранее зная, что они равны. Одинокий положил руку на эфес меча и нехорошо улыбнулся, поджидая почти готового к броску врага.

...Где-то далеко, в городе, который некогда назывался Кабитэла, а ныне – Оллария, цвела сирень.

ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ

Истинный герой играет во время сражения шахматную партию независимо от ее исхода.

Наполеон

Часть I «Луна»⁵

Иные люди отталкивают, невзирая на все их достоинства, а другие привлекают при всех их недостатках.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1 Талиг. Оллария

398 год К.С. 23-й день Осенних Волн

⁵ Высший аркан Таро «Луна». Символизирует ночь, погружение в потемки души, страхи, заблуждения, тайных врагов. Может означать двойственное поведение друзей, необоснованные претензии, повышенную эмоциональность и интуицию, неустойчивый характер. **П.К.** означает, что некто прячется за маской, никому нельзя полностью доверять. Иногда означает разоблаченный вовремя обман или неожиданно легко достигнутую цель.

1

– Во славу короля и Талига объявляю заседание Высокого Совета открытым.

Август Штанцлер произнес обиденную фразу обиденным голосом, но его высокопреосвященство почти не сомневался: мысли кансильера, как и его собственные, гуляют по варасбийским степям. Опытное кардинальское ухо ловило то, что зачитывал ликтор, но на сей раз большинство подписанных его величеством указов были малозначащими, и Сильвестр мог думать о том, что делать, если армия Алвы погибла.

Для начала он обвинит Штанцлера и его сторонников в опрометчивости, благо мысль дать Первому маршалу полномочия Проэмперадора принадлежала Придду, которого поддерживали Килеан-ур-Ломбах, братья Ариго и сам кансильер.

Так ли они были наивны, напирая на полководческий гений Алвы и растравляя его гордыню? И где Леворукий носит самого Рокэ?

Известий о Вороне не было с начала Летних Ветров. В последнем своем донесении Проэмперадор Варасты уведомлял, что с десятитысячной армией выступает из Тронко в направлении Сагранны – и всё! Люди, лошади, повозки, пушки без следа растворились в золотистых степных далях. Оставленный стеречь губернатора Леонард Манрик рассылал на розыски Алвы сначала гонцов, затем целые отряды, но все они либо исчезали без следа, либо возвращались несолоно хлебавши, не встретив ни своих, ни врагов.

Дорак любил повторять слова некоего древнего зубоскала, подметившего, что отсутствие известий для умного человека заменяет сами известия. Его высокопреосвященство не считал себя глупцом и не отмахивался от отсутствия докладов о новых беженцах и набегах. Создалось впечатление, что сквозь землю провалился не только Ворон, но и бириссы. Неужели Алва согнал-таки разбойников в кучу и перебил? Но тогда почему он молчит? Если же талигойская армия разбита, почему прекратились набеги и что случилось с побежденными, не всех же их перебили?

Начнись в кагетских портах тайные продажи талигойских рабов, все прояснилось бы, но ни о чем подобном не доносили. Из Варасты новостей тоже не было, зато они поступали из Гайифы. В империи не сомневались, что Рокэ стоит неподалеку от границы и выжидает. Чего? Нападения? Алва не столь наивен, он должен понимать, что бириссы не рискнут штурмовать укрепленный по всем правилам военной науки лагерь. Рокэ взял с собой Вейзея, значит, с фортификационными работами у него полный порядок, да и сам Ворон в таких делах разбирается. Нет, на десятитысячную армию бирисские банды не нападут, они предпочитают добычу помельче и побеззащитнее. Проэмперадор может ждать до Возвращения Создателя, «барсы» станут обходить его шестнадцатой дорогой и гадить в безопасных местах. Но ведь не гадят, прибере их Леворукий!

Перебрав все возможности, Дорак начал склоняться к тому, что бирисские разведчики врут. Они или не знают, куда подевались талигойцы, или знают, но не говорят, по крайней мере, гайифцам. Возможно, об Алве слышал Адгемар Кагетский, но донесения из Равиата больше всего напоминали пьяный бред. Прознатчики в один голос утверждали, что Белый Лис созвал казаронское ополчение, чего не случилось уже лет семьдесят. Предлог был смехотворный – вторжение некоего горного племени.

Его высокопреосвященство с большим трудом выяснил, что речь идет о неких козых пастухах, которых, по мнению странствующего монаха-адрианианца – последнего, кто о них писал, – уцелело от силы тысяч восемь. Тем не менее занимавшийся укреплением Равиата гайифский фортификатор передал через гайифского же торговца оружием, что на Дарамских равнинах собралось сто тысяч ополченцев и там же находится большая часть Багряной стражи.

Место сбора вызывало удивление – в войну с пастухами Дорак не верил, войну с Талигом вели бы иначе.

Появись в Сагранне чужая армия, Адгемар поднял бы визг, на который сбежались бы все блюстители Золотого Договора, а он болтает о каких-то козопасах. Да и Рокэ при всей его наглости не бросится с десятью тысячами на сто двадцать, и это не говоря о том, что армия неминуемо застрянет на перевалах! Нет, дело в Лисе, и только в Лисе. Казару стало тесно на казаронском поводе, и он, воспользовавшись варастийской заварухой, собрался стать единственным правителем.

Если задумана резня казаронов, лучшего места, чем Дарама, не найти, но перебить сто тысяч вооруженных человек непросто, к тому же у них останутся родичи. Адгемар не захочет зваться Кровавым, с него станется отозвать бирисских головорезов из Варасты, переодеть в пастухов, стравить с казаронами и ударить последним в спину. Это объясняет прекращение набегов, но никоим образом не проливает света на судьбу Алвы. Его высокопреосвященство раз за разом задавал себе одни и те же вопросы и не находил ответа. Вернее, находил, но он казался совершенно нелепым, невозможным и противоестественным. В последнее время в Талиге стали пропадать люди, причем все они так или иначе были связаны с Лаик, через которую прошло большинство офицеров Южной армии... Бред! Такое разве что деревенской бабке в голову придет...

Кардинал посмотрел на Августа Штанцлера, и в тот же миг Штанцлер поднял глаза на своего противника. Кансильер наверняка давно придумал, чем ответить на обвинения, если таковые воспоследуют. Сильвестр поправил наперсный знак и слегка улыбнулся – пусть Лучшие Люди видят, что кардинал спокоен и способен оценить пикантность ситуации, в которой оказался некий не в меру подозрительный барон, чья жена подарила белокурому мужу черно-волосого и смуглого наследника. Свидетелей адюльтера не нашлось, но в славном роду фок Шнаузеров не имелось ни единого бронега.

Несчастный барон требовал развода и признания «сына» бастардом. Супруга ссылалась на астрологов, утверждавших, что ребенок, родившийся, когда над горизонтом поднимается созвездие Ласточки, в котором находится блуждающая звезда Дейне, просто обязан быть черно-волосым и черноглазым. Его величество решил вопрос, начертав: *«Чтоб не было разврата и не пресекался род, признать ребенка законным»*.

После оглашения вердикта на лицах многих вельмож промелькнули усмешки – снисходительность Фердинанда к кэналлийским бастардам была общеизвестна. Закрепив за белобрысым ревнивцем чернявого наследника, ликтор потянулся за следующей бумагой, но огласить ее не успел.

Дверь распахнулась, гвардейцы стукнули об пол алебардами, и в зал вступил его величество собственной персоной. Король напрямик направился к пустующему креслу, но не сел, а остался стоять, обводя безумным взглядом Лучших Людей Талига. Штанцлер рванулся к его величеству, но тот мановением руки остановил кансильера.

– Господа Совет, – губы короля были совсем белыми, – послы Золотых Земель требуют немедленной аудиенции. Адгемар Кагетский обвиняет Талиг в вероломном нападении.

2

Сильвестр почувствовал, что его сердце заколотилось, словно он выпил подряд не меньше трех чашек шадди. Кардинал не мог видеть себя, но он видел Штанцлера – поджатые губы, нарочито прямой взгляд... Сейчас все и решится.

Первым, как и положено по Золотому праву, вошел дуайен Посольской палаты шестидесятилетним урготским маркизом Жоаном Габайру. Сегодня старый плут выглядел особенно немощным, из чего Сильвестр сделал вывод – ни сам Габайру, ни его герцог Фома не намерены

влезать в очередную склоку между Гайифой и Талигом. А вот зерно Талигу они продадут – разумеется, содрав за него восемь шкур и в придачу ма-а-аленький хвостик.

Габайру, опираясь на трость и с трудом передвигая негнущиеся ноги, пополз к трону, остальные в темпе похоронной процессии двинулись следом. Кардинал был искренне признателен старикашке, давшему возможность разглядеть посольские физиономии. Всего заявилось четырнадцать человек, представлявших все страны, подписавшие Золотой Договор. Кроме Талига и Бергмарк, разумеется. Полный выход! Значит, гайифцу удалось заручиться поддержкой не менее шести государств. Так... Посчитаем. На стороне империи, как всегда, Дриксен, Гаунау, Йерна, Бордон и Агария. Улапп, Ардора и Норуэг против. Значит, его величество Дивин Восьмой перетащил на свою сторону кого-то из кормящихся на двух лугах хитрецов. Сразу видно, не Ургот. Скорее всего, Алат и Флавион, хотя за Фельп тоже ручаться нельзя.

Старикашка с тростью дошаркал до инкрустированной светлым и черным деревом паркетной розетки, встал, закашлялся, достал отороченный кружевами огромный платок, очень долго утирал лицо и слезы. Точно, Фома, осведомленный о неурядицах в Варасте, нацелился на перепродажу пшеницы. И ведь придется покупать, не в этом году, так в следующем, надо было делать больше запасов...

– Ваше величество...

Посол вновь закашлялся, но на сей раз справился с приступом довольно быстро – он и так уже всем всё показал.

– Как дуайен Посольской палаты я представляю королю Талига посла Кагетской казарии, возжелавшего от имени казара Адгемара заявить протест и потребовать объяснений. Обвинения Кагеты поддерживают послы Гайифской империи, королевства Гаунау, Дриксенской кесарии, королевства Агарии, великого герцогства Алат, великого герцогства Флавион, королевства Йерна, торговой республики Бордон.

Так и есть, соседи подмяли-таки Флавион, а Альберта Алатского, видимо, купили. Девять из шестнадцати!

– Мы слушаем посла Кагеты, – тихо сказал Фердинанд. Тише, чем следовало.

– Ваше величество, – Бурраз-ло-Ваухсар из рода Гурпотай был воплощением праведного гнева, – мой казар обвиняет Талиг в вероломном нападении на Кагетскую казарию, последовавшем вопреки Золотому Договору без объявления войны. Талигойские полчища вторглись в Кагету через горы Сагранны, несмотря на то что эта область решением всех подписавших Золотой Договор стран объявлена запретной. Армия под командованием Первого маршала Талига...

Рокэ все-таки чудовище! Несмотря на серьезность момента, его высокопреосвященство едва сдержал смехок. Ворон решил ударить по Кагете еще в Оллариин, потому и сказал, что воевать нужно не с комарами, а с болотом, потому и исчез – не хотел, чтобы у него на пятках повисли блюстители договора. Когда этот мерзавец вернется, он ему все припомнит! А, закатные твари, что сделано – то сделано! Будем думать о сегодняшнем дне.

– Вероломно овладев Барсовыми Вратами, – стонал казарон, – талигойская армия вышла на Дарамское поле и в кровопролитном сражении разбила армию его величества Адгемара. Кагеты сражались мужественно, но сила и удача были не на их стороне...

Да уж, когда десять тысяч разбивают сто двадцать, явно удача не на стороне последних, равно как и ум и все остальное. Гайифе и ее прихвостням придется трижды подумать, прежде чем спустить своих вояк на Ворона!

– Остатки разбитой кагетской армии отступали долиной реки Бира, – продолжал негодовать посол. – Мой казар не предполагал, что маршал Талига, хоть и олларианец, но верующий в Создателя нашего, отважится, поправ все законы божеские и человеческие, взорвать берег одного из Очей Сагранны, но герцог Алва сделал именно это. Воды озера хлынули вниз и уничтожили множество мирных бирисских деревень, только чудо спасло его величество Адгемара

и часть находившихся с ним войск. Мой государь не мог и помыслить, что наводнение рукотворное, но, вернувшись в Равиат, он получил ультиматум. В случае его неисполнения Первый маршал Талига грозил затопить столицу казариин. Казар Адгемар, думая лишь о спасении подданных, выехал на встречу с герцогом Алвой, послав гонцов ко двору его величества императора Гайифы с мольбой о помощи.

Мольба – это хорошо, это душевно, только рискнут ли «павлины» и их союзники сцепиться с полководцем, в клочки разносящим двенадцатикратно превосходящего противника? Проэмператор решает вопросы войны и мира, вот Рокэ и решил...

– Мой император требует ответа – признаёт ли Талиг себя виновным в вышеперечисленных злодеяниях? Ответа ждут и послы других государств, подписавших Золотой Договор.

Конхессер Маркос Гамбрин был преисполнен не менее праведного гнева, чем кагет, что, однако, не делало его выше... И ведь подумать только, это Талиг в свое время вынудил Гайифу и прочих подписать Золотой Договор, второй по счету. Но тогда сторонников у Оллариин было намного больше, еще бы, Двадцатилетнюю войну империя с треском продула. Сейчас дело хуже, хотя далеко не безнадежно.

– Ваше величество, – прошамкал дуайен, несомненно, уже сосчитавший талигойское золото, которое огребут урготские торговцы, – Посольская палата ждет ответа.

Отвечать должен король, но король не знает, что говорить. Кансилльер тоже молчит. Еще бы, он ожидал проигрыша и затяжной войны на юге, а получил победу и истерику Гайифы. Говоря по чести, это... закатные твари, это не так уж и плохо!

Его высокопреосвященство медленно и грозно поднялся со своего места, готовясь дать «павлину» и мокрым курам достойную отповедь, но гневные слова так и не прозвучали. Между послами и тронном оказался капитан личной королевской охраны⁶.

– Мой государь, – граф Савиньяк невозмутимо преклонил колени перед Фердинандом, – позвольте вручить вам донесение Проэмператора Варасты. Я получил его этой ночью.

3

Может, Фердинанд и хотел что-то сказать, но его опередил гайифец:

– Ваше величество, Золотые Земли настаивают на том, чтобы письмо герцога Алвы было оглашено немедленно и во всеуслышание.

Король потерянно молчал, и Сильвестр понял: пора вступать в бой, пока за дело не взялся Штанцлер.

– У Талига нет постыдных секретов.

Его высокопреосвященство спокойно принял из рук Савиньяка столь неожиданно возникшее послание и передал ликтору:

– Прошу зачитать донесение Проэмператора Варасты.

Ликтор, которому было все равно, что читать, снял печати, развернул подлежащий оглашению документ и начал ничего не выражающим, хорошо поставленным голосом:

– *«Мой король, прошу простить меня за длительное молчание, но Проэмператор имеет право действовать по своему усмотрению, а излишняя осведомленность друзей оборачивается столь же излишней осведомленностью врагов. В настоящее время вверенная мне армия движется в Тронко на зимовку, откуда будет направлен полный отчет о событиях минувшего лета. Пока позволю себе изложить их кратким образом».*

Начало было многообещающим. Рокэ прибежал к придворной витиеватости, лишь собираясь власть над кем-нибудь поизмываться.

⁶ Капитан личной королевской охраны имеет генеральский чин.

– «Начну с того, что военная кампания приняла неожиданный оборот. Общеизвестно, что в Сагранне проживает несколько племен, отличающихся определенным внешним сходством. Около четырехсот лет назад прилегающие к Варасте горы населял мирный пастушеский народ бакранов. Воинственные бириссы, прежде чем переселиться в Кагету, нанесли бакранам немало обид и в конце концов вытеснили с исконных земель в бесплодную Полвару.

За прошедшие века бакраны оправались от поражения. Более того, у них возникли своя государственность и армия, блестяще приспособленная для ведения горной войны. Этим летом потомки изгнанников сочли, что пришло время мести...»

Бакраны?! Именно так назывался народец, якобы напавший на Кагету. Жалкие пастухи. Откуда у них король и армия?!

– «Бакраны твердо решили отвоевать свои былые владения, но их враги находились под покровительством казаров Кагеты. Король бакранов Бакна Первый – весьма дальновидный и тонкий политик, с огромным уважением относящийся к Талигу и высоко ценящий добрососедские отношения между нашими странами.

Узнав о появлении в Варасте вверенной мне армии, Его Величество Бакна обратился с просьбой о помощи. Полномочия, которыми я был облечен, давали мне право заключать военные и политические союзы. Я помнил, что мой король свято блюдет Золотой Договор. Талигойская армия может вступить в Сагранну в одном-единственном случае – если обитающее в горах мирное племя призвет нас на помощь».

Вот так и сходят с ума! Полчаса назад Сильвестр о донесении Проземператора и не подозревал, но неожиданный документ казался странно знакомым.

– «Ознакомившись с положением дел в горной Сагранне, я, памятуя о том, что олларинский долг повелевает защищать слабого и несправедливо обиженного, заключил с Бакрией сорокалетний договор о военной помощи. Я отдал себя и возглавляемую мной армию в распоряжение Его Величества Бакны Первого.

Его преосвященство епископ Варасты Бонифаций счел мое решение богоугодным и благословил меня и моих людей встать на защиту правого дела. Но даже после того я предпочел бы действовать при помощи дипломатии, обратившись ко всем Золотым Землям с призывом пресечь творящееся зло и восстановить справедливость...»

«Восстановить справедливость»... Закатные твари! Павлину затолкали в клюв его собственный хвост! Так вот почему письмо кажется знакомым – Ворон умел и любил издеваться над врагами, но на сей раз он превзошел сам себя. Взять речь гайифского посла и, не меняя ни буквы, вставить в свое донесение!

– «Увы, обитатели гор не веруют в Создателя, их обычай запрещает прощать обиды, как бы давно они ни были нанесены. Все мои попытки убедить бакранов не разворачивать военные действия, а направить посольства ко дворам подписавших Золотой Договор стран успехом не увенчались. Бакраны жаждали мести, однако мне удалось уговорить Его Величество Бакну начать с предъявления ультиматума взявшей под свою руку бирисские племена Кагетской казарии и потребовать от Его Величества Адгемара разорвать этот союз. В противном случае Кагета разделяла ответственность за неисчислимые бедствия, причиненные бакранскому народу бириссами...»

Кардинал обвел взглядом замерший зал. По нарочито непонимающим лицам или с трудом сдерживаемым ухмылкам было очевидно – большинство Лучших Людей тоже вспомнили. Конхессер и его сторонники держались – как-никак многоопытные дипломаты, но до них уже дошло, что Алва спихнул Гайифу в ту самую яму, которую павлин долго и упорно рыл Талигу, и спел на ее краю романс. Вот и говори теперь, что военный не может быть политиком. Сильвестр задавил неуместную улыбку и принялся слушать дальше. Сегодня был его день, вернее, день Талига!

– «Я не сомневаюсь, что казар Адгемар, как совершенно обоснованно утверждал посол Кагетской казариши, ничего не знал и не мог знать о том, что происходит в горной Сагранне. Именно этим я объясняю недалковидность Его Величества, чьим ответом на справедливые требования Бакриши стал сбор казаронского ополчения. В данной ситуации у Бакны Первого не было другого выхода, кроме войны до победного конца.

Оставив четыре тысячи человек во главе с генералом Хорхе Дьегарроном для защиты Внутренней Варасты, я присоединился к бакрийской армии...»

Оказывается, у Рокэ было не десять тысяч, а шесть с половиной! Нет, воистину этот человек невозможен, но войны теперь не будет. Гайифа утрется! Еще бы – повода нет, зато есть полководец, способный брать неприступные крепости и выигрывать сражения, находясь в чудовищном меньшинстве. А какой изящный ход с озером и какой прелестный союзник этот, скажем так, Бакна.

– «Бакна Первый, хоть и исповедующий язычество, повел себя с истинно олларрианским милосердием. Он не стал преследовать и истреблять отступающих, но отошел к Озерному плато, откуда направил Адгемару второй ультиматум. На этот раз казар повел себя более дальновидно и принял все выдвинутые условия».

Не так уж и дальновидно, раз решил втянуть в дело Гайифу! Мог бы и догадаться, что империя в войну не ввяжется. «Павлины» начнут с торговых санкций, возможно, подкинут Гаунау денег, чтобы те весной очередной раз укусили Бергмарк, но защищать Адгемара силой оружия империя не станет. Хотя казар все равно опасен и лучше бы его убрать.

У Адгемара три сына... Если с отцом что-то случится, кто-то из наследников обязательно поставит на союз с Талигом. Воистину Белый Лис создает слишком много сложностей...

– «Среди старинных бакрийских традиций особое место занимает так называемый суд Бакры. Это весьма жестокий обычай, согласно которому обвиненный в преступлениях против народа бакранов и их союзников подвергается смертельному испытанию. Так вышло, что во время обряда обвиняемый Робер Эпинэ был полностью оправдан, но при этом погиб казар Кагеты Адгемар. Присутствовавший на суде Бакры любимый сын и наследник Адгемара Баата был потрясен гибелью обожаемого отца, однако, будучи человеком честным, свидетельствует, что в случившемся несчастье не было ничьей злой воли.

Став казаром Кагеты, Баата подписал мирный договор с королевством Бакрия. Мир будет скреплен союзом сестры Бааты Этери и сына Его Величества Бакны Первого. Его Величество Бакна Первый также потребовал разрыва союза Кагеты с враждебными Бакриши Агарией и Гайифой, и это требование было удовлетворено. В тот же день был подписан предварительный договор о союзе между Кагетой и Талигом. Не позднее чем к началу зимы посольства Его Величества Бакны Первого и Его Величества Бааты прибудут в Оллариию.

Создатель, храни Талиг и его короля.

Проземператор Варасты герцог Алва.

Написано в 22-й день месяца Сапфира (Осенних Ветров) 398 года круга Скал у горы Бакра».

Ликтор закончил, и за дело взялся господин дуайен, здоровье которого стремительно изменилось к лучшему. Ургот выпрямился и твердым голосом произнес:

– Мне, старейшине Посольской палаты Олларии, очевидно, что Талиг никоим образом не нарушал Золотой Договор. Сагранские бакраны имели полное право объявить войну своим исконным врагам и заключить союз с любой державой, готовой встать на защиту прав маленького, но гордого народа. Не так ли, господа?

Послы Улаппа, Ардоры и Норуэга торжественно кивнули, их примеру последовали дипломаты Фельпа и Алата. Остальные смотрели на гайифца, который походил на человека, проглотившего, но не до конца, живого ужа и запивающего его уксусом.

– Разумеется, вскрывшиеся обстоятельства меняют наше отношение к положению в Сагранне, – выдавил из себя конхессер. – Тем не менее методы, которыми воспользовался герц... – гайифец запнулся, – которыми воспользовался его величество Б... Бакна Первый, вызывают наше осуждение.

Ну, на этот довод Сильвестр знал, что возразить.

– Позвольте с вами не согласиться, – надменно произнес кардинал. – В 293 году нашего круга кесарь Дриксен, желая сломить сопротивление захваченной им Северной Марагоны, приказал разрушить веками создававшиеся дамбы. Тогда под волнами Устричного моря погибло два крупных города и несколько десятков деревень и поселков. Марагонский герцог Людвиг обратился в Золотой Совет, требуя защиты и справедливости, но кесарь Ульбрих, поддержанный императором Гайифы и эсператистской церковью, настаивал на обоснованности и необходимости принятых мер. Вся переписка, включая послания Эсператора Никандра и императора Гайифы Дэмиса Третьего, сохранилась. По уставу Золотого Совета Гайифа может выдвинуть обвинение против Бакрии, лишь признав вину Дриксен и в случае выплаты последней соответствующей компенсации в связи с марагонским делом.

– Я всего лишь посол, – сдержанно поклонился гайифец, – и не уполномочен обсуждать подобные вещи. Я сообщу моему императору то, что услышал. Могу я получить заверенную копию оглашенного документа?

– Никоим образом, – вмешался Август Штанцлер. – Вы можете изложить услышанное своими словами. Не сомневаюсь, о событиях в Бакрии и Кагете вы вскоре узнаете из собственных источников. Что до отношений между Гайифой и Кагетой, то Талиг не вправе влиять на них, передавая конфиденциальные письма.

Дуайен ласково улыбался. Послы Дриксен, Гаунау и Агарики набрали в рот воды, но казарон шагнул вперед:

– Я счастлив изменению отношений между нашими странами в лучшую сторону и готов верой и правдой служить союзу великого Талига и Кагетской казарии.

– Мы не сомневаемся в ваших чувствах, – заверил кагета раздумавшийся Фердинанд. – Сим объявляем заседание Высокого Совета закрытым.

Первыми зал покинули послы, затем удалился его величество, за королем потянулись Лучшие Люди.

Штанцлер что-то спросил у Савиньяка, тот покачал льяной головой и простодушно улыбнулся. Слишком простодушно.

Савиньяки принадлежали к той части старой знати, что безоговорочно перешла на сторону Олларов, они по праву слыли храбрецами и традиционно посвящали себя воинской службе, но простакими ни в коем случае не были. Особенно Лионель.

Его высокопреосвященство намеренно задержался, оттирая с ладони чернильное пятнышко. Савиньяк, по должности покидавший зал Совета последним, ждал у двери. Выходя, Сильвестр взял генерала под руку.

– Удивительно удачно, Лионель, что у вас оказались при себе эти бумаги. Я как высшее духовное лицо спрашиваю вас: когда письмо маршала попало к вам в руки и читали ли вы его?

– Ваше высокопреосвященство, – в черных глазах Савиньяка мелькнула и погасла кошачья искра, – гонец прибыл восемь дней назад. Донесение я не вскрывал, но вместе с ним пришло письмо, адресованное мне лично. Первый маршал Талига велел предать присланный документ огласке лишь в случае острой необходимости. Я счел таковой положение, сложившееся на Совете. Я ошибся?

– О нет, – с чувством произнес кардинал Талига, – но Алву я когда-нибудь все же отправлю.

Глава 2

Талиг. Фрамбуа

398 год К.С. 10-й день Осенних Молний

1

Небо было высоким и синим, а легкие, пронизанные солнцем перистые облака казались весенними. Насколько прошлой осенью, когда Дик впервые очутился в окрестностях Оллари, все тонуло в безнадежной серягине, настолько теперь мир сиял и светился. Природа и не думала унывать, а вот Ричард Окделл страдал, и мукам его не виделось ни конца ни края. Источник страданий был здесь же – трусил на буланом линарце и визгливым голосом высказывал свое недовольство. Жилия Понси возмущало решительно все, но более прочего – женщины, создания развратные и недалекие.

От «доброжелателей» страдальца, торчавших в Тронко, пока они с Рокэ воевали, юноша знал, что причиной неприязни Понси к прекрасному полу стала свояченица губернатора, не только не оценившая достоинств Жилия, но и согрешившая сначала с Алвой, а затем с мушкетерским полковником. Отвергнутый порученец монотонно перечислял месяцы, часы и дни, в которые ветреная красотка, ее любовники, офицеры Южной армии, губернаторские слуги и просто прохожие наносили ему преднамеренные оскорбления. Дикон слушал, время от времени вставляя сочувственные слова, хотя предпочел бы ехать вместе со своим эром и Савиньяком.

Жиль был невыносим, но бросить его Ричард не мог. Порученец вбил себе в голову, что его жизнь никому не нужна, и каждая река или обрыв, который они проезжали, вызывали у бедняги неодолимое желание броситься вниз. Это было страшно, и совсем ужасно было бы, если б Понси покончил с собой лишь потому, что герцогу Окделлу не захотелось его слушать. Тогда Дикон оказался бы виновен в чужой смерти, ведь и в Эсператии, и в Книге Ожидания прямо говорится, что не удержавший руку самоубийцы разделяет его грех.

Юноша пробовал говорить с Жилем и об этом, и о том, что надо думать о близких, однако нарывался на неодобрительный взор и очередную балладу Марио Барботты. Дик ни разу не слышал столь любимого Понси поэта живьем, но был готов его удавить. Чувства Ричарда в полной мере разделяли множество офицеров Южной армии, так что Барботта, оказись он вдруг в их обществе, изрядно рисковал. И все равно Жиль, при всей его назойливости и нелепости, вызывал жалость. Ричард как никто знал, что значит любить без надежды, да и чувство ненужности и пустоты было ему знакомо; правда, юноша если и думал о смерти, то лишь когда жизнь загоняла его в угол. Как в истории с проигранным кольцом... Герцог Окделл мог бы ввязаться в безнадежный бой или вызвать кого-нибудь на дуэль, но убить себя своими же руками?! Это противно воле Создателя и недостойно Человека Чести!

– После того, что случилось в три часа пополудни в восьмой день Летних Молний, – пронзительный голос Жилия далеко разносился в осеннем воздухе, но попросить страдальца говорить потише Дикон стеснялся, – я понял все. Если меня не будет – ничего не изменится. От нас ничего не зависит, так зачем тогда жить?

Он ушел, ушел далеко, ушел навсегда,
Но по-прежнему точит камень вода,
Но по-прежнему ветры летят в вышине,
И по-прежнему черви снуют по земле...

Дику подумалось, что «земле» и «вышине» плохо рифмуется, да и черви в земле роются, в крайнем случае ползают, а никак не снуют, но юноша не рискнул задеть кумира Жилия и обреченно спросил, прекрасно зная ответ:

– Это чьи вирши?

– Барботты! – завопил Понси. – Вы все сходите с ума от Веннена и Дидериха, а ничего великого в них нет! Сонеты – это прошлый век! Можете считать меня дураком, но...

Ричард в самом деле считал Жилия дураком, но даже дураки влюбляются и страдают. Святой Алан, если с Понси что-нибудь случится, он никогда себе этого не простит! Да и сам он в той же шкуре, его тоже никто не понимает, или почти никто... Они могли стать друзьями с Оскаром, но беднягу расстреляли. Арно и Катершванцы далеко. Эмиль Савиньяк – славный человек, но ему за тридцать и он вечно занят, а Ворон и того старше... Ричард так и не мог понять, как к нему относится его эр, и, что было еще хуже, окончательно запутался в собственных чувствах. Он то ненавидел маршала, то восхищался им.

Я безумен, как безумен олень,
Средь осенних деревьев золотых,
Одинок я, как подрубленный пенёк,
Без ветвей, цветов и листьев густых...

Образ подрубленного пня у Барботты был одним из любимых, и, по мнению Савиньяка, неспроста. Дикон обреченно вздохнул и принялся разглядывать окрестности, благо впереди блеснула вода – отряд Проэмперадора достиг Данара. Дорога подошла вплотную к крутому рыжему берегу, Понси шумно вздохнул, какое-то время ехал молча, а потом отчетливо произнес:

– В конце концов, моя жизнь никому не нужна, а меньше всех – мне. Я исчезну, и обо мне все позабудут. На дне реки – покой, там...

Договорить порученец не успел. Руки в черных перчатках вырвали страдальца из седла и швырнули в воду. Ричард, в ужасе обернувшись, столкнулся глазами с безмятежным синим взором.

– Спокойно, юноша. Сейчас оно всплывет и будет звать на помощь.

Алва вытащил золотой и бросил худощавому кэналлийцу.

– Тапо, ты – отменный пловец. Вытащи этого господина, но не раньше чем он об этом попросит.

– Рокэ! – подоспевший Савиньяк давился от смеха. – Ну и негодяй же ты!

– Не спорю. Гляньте-ка! Я так и думал, что на дне реки ему не понравится.

И в самом деле, Жиль Понси отчаянно колотил руками по воде шагах в двадцати от берега. Брызги летели во все стороны, блестя на ярком осеннем солнце, вскоре донесся и жалобный, захлебывающийся вопль. Уже сбросивший сапоги и мундир Тапо ласточкой кинулся с берега и быстро поплыл к утопающему.

– Запомните, юноша, – Рокэ поправил крагу. – Настоящее отчаяние не ходит под руку с болтовней. Тот, кто не хочет жить, умирает молча.

– Изверг! – покачал головой Эмиль. – Зима ж на носу!

– Да, об этом я как-то не подумал... Впрочем, льда еще нет, да и солнышко светит. Ничего с этим девственником не станется, а с Тапо тем более. Хлебнет касеры, и порядок!

Дикон, открыв рот, наблюдал, как кэналлиец ухватил несчастного порученца за шиворот и потащил добычу к берегу, где собрались десятка два корчившихся от хохота гвардейцев с веревками, сухими плащами и фляжками. Вояки от выходки Ворона явно были в восторге.

Несостоявшегося утопленника извлекли первым. Понси чихал, отплевывался и дрожал. В мокром виде он был еще нелепее, чем всегда. Рокэ послал Моро вперед.

– Корнет Понси, смирно!

Жиль Понси чихнул и уставился на маршала скорее испуганно, чем неодобрительно.

– Если я еще раз услышу разговоры о самоубийстве, вы отправитесь в ближайший приют для умалишенных. Вы меня поняли?

Понси уныло кивнул.

– Дайте ему касеры, – распорядился маршал, бросая Тапо еще пару монет. – Мы ночуем в Фрамбуа, так что поторопитесь!

2

Фрамбуа был славным городком в шести хорнах от Оллари. Маленький, уютный, он чем-то напомнил Дику Надор, хотя здесь не было ни старого замка на горе, ни вековых елей вдоль дороги, да и жили во Фрамбуа побогаче, чем на севере.

Кавалькада Проэмперадора строевой рысью въехала на главную улицу, по сути, являющуюся столичным трактом, по обе стороны которого настроили домов. Городок жил за счет путешествующих в столицу и из столицы, а потому гостиниц и харчевен здесь хватало. Ричард с любопытством разглядывал вывески: «Ощипанный павлин», «Четыре охотника», «Зеленая карета», «Любезный кабан», «Талигойская звезда»... Юноше понравилась картина, с которой мечтательно и нежно улыбалась худенькая большеглазая девушка, чем-то похожая на Катари. Странная вывеска для придорожного трактира. Проэмперадор поймал взгляд оруженосца и с усмешкой направил коня к распахнутым воротам.

Румяный трактирщик, как и все жители Фрамбуа вышедший поглазеть на проезжающих, не веря своему счастью, ринулся навстречу.

– Любезный, – поинтересовался Рокэ Алва, – вы в состоянии приютить до утра ораву военных?

– Монсеньор, – хозяин «Талигойской звезды» задыхался, – я... У меня восемь хороших комнат... Очень хороших, но, Монсеньор... Понравится ли вам?

– Моему оруженосцу приглянулась вывеска, – сообщил Рокэ, спрыгивая с коня, – а мы не так уж и прихотливы. Тех, кому не хватит места у вас, отправьте к соседям. К тем, за кого можете поручиться. Как вас звать?

– Эркюль... Эркюль Гассинэ.

– Обычно вас зовут папаша Эркюль?

– Монсеньор... – в глазах трактирщика трепетало обожание.

– Папаша Эркюль, – Алва протянул трактирщику золотой и мимоходом обнял стоявшую у входа хорошенькую девушку в белом переднике, – согрейте-ка нам с генералом Савиньяком вина и принесите чего-нибудь поесть. Ричард, устройте лошадей и присоединяйтесь.

Двое усатых дядек с готовностью кинулись к Моро, тот недвусмысленно оскалился, и конюхи отступили. Дик, как всегда с опаской, взял мориска под уздцы – от этого змея можно было ожидать всего, но на сей раз жеребец повел себя прилично.

Убедившись, что и с ним, и с Соной все в порядке, Ричард отправился на поиски эра и обнаружил его в обществе Эмиля и жареного ягненка. Рокэ был весел, пожалуй, таким веселым Дикон его еще не видел. Алва бывал злым, сосредоточенным, задумчивым, дерзким, ироничным, но сегодня он радовался жизни, словно унар в отпуске. Веселье оказалось заразным – через пять минут Дик с Эмилем вовсю хохотали над рассказами Алвы о его сражениях с Арамоной, «учившим» унара Рокэ обращаться со шпагой. Эмилю тоже было что порассказать о пучеглазом капитане, но Ричард повестью о Сузе-Музе заткнул своих именитых сотрапезников за пояс. Юноша даже вышел из-за стола, чтобы показать, как «плясал» Арамона, увидев подвешенные на крюке панталоны. На очереди были монахи с зелеными свечами, и тут на улице раздался шум, словно прибыл еще какой-то отряд.

Алва, сидевший ближе всех к окну, поднял занавеску и поморщился:

– Из Оллари. Надо полагать, торжественная встреча. Только Ариго нам здесь и не хватало.

Это действительно был брат ее величества. Рядом с бывшим маршалом Юга гарцевали Лионель Савиньяк и Фридрих Манрик, чуть поодаль сдерживал коня Килеан-ур-Ломбах, а за ним виднелись разряженные гвардейцы. Проэмперадор Варасты плеснул себе вина и залпом выпил, помянув закатных тварей.

Заскрипели ступеньки, и на пороге возник Ги Ариго.

– Талиг счастлив приветствовать своих героев, – на губах брата Катари играла любезная улыбка. – Надеюсь, дорога не показалась вам слишком утомительной?

– Все было так хорошо, – в голосе Рокэ звучала не свойственная ему тоска, – и тут появились вы!

3

Когда на Алву обрушились известия об ожидавших его почестях, Дик стоял за плечом своего эра и не видел его лица, зато он видел Ги Ариго, Людвига Килеана-ур-Ломбаха, Лионеля Савиньяка. Они радовались победе, сомнений в этом не было никаких! Значит, все правильно, главное – это Талигойя; те, кто ее любит, должны забыть личные ссоры ради отечества. И забудут!

Героев Саграннской кампании ждали торжественный прием и недельные празднества. Подобного в Оллари не случалось со времен Двадцатилетней войны, и Дику захотелось немедленно увидеть канцильера, рассказать ему про штурм Барсовых Врат и Дарамскую битву, подтащить за руку к Рокэ, налить обоим вина... Они должны выпить за Талигойю и ее величество и помириться! А потом маршал помирится с Килеаном и братьями Катари, все вместе они поставят на место Квентина Дорака и добьются прощения для Робера Эпинэ и других бежавших в Агарис, а без Раканов и вправду можно обойтись. Пусть король глуп и уродлив, зато нет дворянина, который не почел бы счастьем умереть за королеву!

Ги Ариго закончил свою речь и замолчал, ожидая ответного слова.

– Я благодарен его величеству, – в голосе Рокэ Алвы не было обычной иронии, – за оказанную мне честь, но я ее заслуживаю не больше, чем другие офицеры и солдаты вверенной мне армии.

– О, разумеется, не будет забыт ни один из ваших людей. Или вы хотите кого-то отметить особо?

– Отличились все, но есть те, без которых наши успехи были бы невозможны. Это его преосвященство епископ Бонифаций, а также присутствующий здесь генерал от кавалерии Эмиль Савиньяк, сопровождающий бакрийское посольство генерал Жан Шеманталь, который прибудет в Олларию примерно через неделю, оставшиеся в Тронко генерал от артиллерии Курт Вейзель, генерал от кавалерии Хорхе Дьегаррон и полковники Орасио Бадилю и Клаус Коннер. Я готов представить сведения об их заслугах.

– Я не сомневаюсь, что его величество...

Когда Рокэ принялся перечислять заслуги своих офицеров, у юноши замерло сердце. Нет, Ричард прекрасно понимал, что ничего выдающегося не совершил, но как же хотелось, чтобы эр назвал и его. Пусть все, и в первую очередь Килеан-ур-Ломбах, поймут: сын Эгмонта может не только играть в кости, но и воевать...

– Отдельно я должен отметить герцога Окделла, сбившего из пушки вражеский штандарт. Насколько мне известно, за подобные заслуги во время Двадцатилетней войны представляли к ордену Талигойской Розы.

Святой Алан, как же так?! Ведь он все делал по подсказке Рокэ, и все равно эру пришлось поправлять прицел. Да, они с маршалом были вместе – метались среди артиллерийских запряжек, последними отступали к каре, встречали атаку бириссцев, но это совсем другое!

– Их величества будут счастливы узнать о подвиге Ричарда Окделла, – глаза Ги Ариго – глаза Катари – смотрели на Дика с явным одобрением.

Ну почему, почему, почему Эгмонт Окделл и Рокэ Алва не оказались рядом в сражении против врагов Талига, тогда все пошло бы по-другому!

Нет, Ричард ничего не забыл, но ненавидеть Ворона в этот вечер он не мог. Закатные твари, он уже давно не мог его ненавидеть. Когда же он перестал думать о Рокэ как о враге? На Дарамском поле или раньше? Одно Дикон знал точно – после расстрела Оскара он своего эра ненавидел, а когда тот стоял над мертвыми птицами, отдал бы все на свете, чтобы гибель ворона не была ни приметой, ни знамением.

А встреча продолжалась... Папаша Эркюль сбился с ног, но его лицо сияло. Без сомнения, этот день стал лучшим в его жизни, и не только в его. Южная армия уходила на войну с бириссцами, но разбила не одного врага, а трех! И в сравнении с победой над старой враждой победа над «барсами» и Кагетой была не столь уж и важна.

4

– Я поднимаю этот кубок за его величество Фердинанда, ее величество Катарину и за королевство Талиг! – провозгласил Рокэ Алва, завершая прием. Было еще не поздно, но назавтра их всех ждала ранняя дорога и торжественные церемонии. Гости без лишних слов разошлись по трактирам Фрамбуа, которые хозяева и прибывшие из Оллари слуги постарались превратить в жилища, достойные знатнейших вельмож королевства. Последними откланялись Эмиль с Лионелем, задержавшимся, чтобы рассказать, как читали донесение Проэмперадора Варасты. Ворон проводил близнецов взглядом и негромко произнес:

– Вот и всё.

Ричард не понял, говорит эр о вечере или о чем-то другом. Рокэ поймал взгляд оруженосца и вновь, как на Дарамском поле, растрепал юноше волосы, от чего у Дика защемило в носу. Наверное, потому, что разливавший вино юноша ничего не успел съесть, а вот выпить несколько бокалов ему пришлось.

Появился папаша Эркюль с подсвечником и доложил, что спальни приготовлены. Лестница уютно поскрипывала под ногами, в доме пахло дымком и яблоками. Трактирщик распахнул двери:

– Это лучшая комната, Монсеньор. Молодой господин будет спать в комнате справа.

– Спасибо, любезный. Принесите ужин для молодого господина, а мне – вина и можете быть свободны.

– Если я понадоблюсь, только позвоните...

– Разумеется.

Алва бросил мундир на стул:

– Жарко... Садись, Дикон, в ногах правды нет. Впрочем, в чем она есть, никто не знает.

Ричард с готовностью рухнул в кресло. Голова немного кружилась, а радость отчего-то уступила место грусти.

Папаша Эркюль притащил гору холодного мяса, сыр, хлеб и два кувшина кэналлийского, подхватил очередной талл и ушел, с обожанием глядя на маршала. Рокэ усмехнулся, плеснул себе красного, но пить не стал, а присоединился к жевавшему оленину Дику. Они ужинали молча, потом так же молча выпили. Вино Дику понравилось, хотя вряд ли оно удовлетворяло вкусам властителя Кэналлоа.

– Эр Рокэ...

– Да?

– Эр Рокэ, а почему вы сказали, что я сбил эту штуку?

– Потому что ты ее сбил.

– Не я, а вы! – Выпивка придала Ричарду упрямства. – Это неправильно!

– Все правильно, Дикон, – очень серьезно сказал Алва. – Дело не в этом дурацком шаре, никак не могу вспомнить, как он называется, а в том, что ты именно тогда стал воином. Тут ошибиться невозможно, так что награду ты заслужил.

– Но... – начал Дик и запнулся.

– У тебя еще будут сражения, за которые тебе никто не скажет спасибо, – Алва улыбнулся, но как-то невесело. – Тогда ты вспомнишь Дараму и свою первую награду. И станет чуточку легче.

– Я... я вас не подведу.

– Не думаю, что наши кони долго будут идти рядом, Ричард Окделл.

Ворон потянулся за кувшином.

– Тебе понравилась вывеска папаши Эркюля?

Вывеска? Ричард не сразу вспомнил, что на ней было. Ах да, девушка в окне.

– Очень понравилась...

– Фрамбуа – один из двенадцати городов, оспаривающих право на святую Октавию. Я имею в виду олларрианскую святую и мою прапрапрабабку. Эсператисты считают ее шлюхой и винят во всех смертных грехах, однако двое мужчин, превративших Талигойю в Талиг, на нее и в самом деле молились. Странно, что трактирный мазила нарисовал ее такой, какой она была в ранней юности. Вряд ли он видел портрет, но как-то догадался...

Значит, это Октавия! Жена Франциска Первого Оллара, умершая в родах и причисленная по приказу короля к лику святых. Эсператистскую церковь поразило подобное святотатство, но узурпатору до Агариса не было дела.

Ричард припомнил нежное девичье лицо, огромные, широко распахнутые глаза, переброшенную через плечо косу. Олларианцы не отрицали, что, прежде чем стать королевой, Октавия была герцогиней Алва, но и не вспоминали об этом. В житии не было лжи, и все же при чтении его складывалось впечатление, что Франциск женился не на молодой вдове с ребенком, а на непорочной деве.

От матушки и надорского священника Ричард знал, как вышло на самом деле: Рамиро Алва был помолвлен с племянницей маршала Придда, но встретил в трактире безродную блудницу, которая его околдовала. Будущий предатель нарушил слово чести и женился на трактирной девке. Именно Октавия толкнула Рамиро на предательство, а когда изменник пал от руки Алана Святого, поймала в свои сети марагонца и взошла на трон.

Оллар обожал жену, а ее сына от первого брака растил как своего. Единственный ребенок узурпатора вырос слабым и болезненным, и после смерти Франциска власть в стране захватил его пасынок Рамиро Алва-младший. Жестокий и коварный, именно он окончательно сломал Людей Чести...

– Я... – язык Дика немного заплетался, – я не думал, что Октавия была такой...

– На иконах она старше.

– Нет... Вы не понимаете. Я думал, она походит... на баронессу, а она как Катари...

Ричард осекся. Он доверял своему эру, но о тайной встрече с королевой не должен знать никто.

– ...как ее величество.

– Ну разумеется! Тебе расписали Октавию как куртизанку... Мой тебе совет, Дикон, не считай опущенные глаза и срывающийся голосок признаком добродетели. Чем наглей и подлей шлюха, тем больше она походит на праведницу.

Герцог уже допил свое вино и молча вертел в руках стакан из резного стекла. Дик смотрел на своего эра, ему мучительно хотелось поговорить о Катарине Ариго, но он не решался.

Рокэ со стуком поставил стакан на стол:

– Октавия, Дикон, и впрямь была тихой девочкой у окошка, в которую влюбился проезжавший мимо рыцарь. Бывает и такое. Повелитель Ветров по любви женился на безродной сироте. Возможно, это был единственный мудрый поступок в его жизни, а возможно, и нет. Этого нам никогда не узнать. Никогда...

Глава 3 Талиг. Кошоне

398 год К.С. 10-й день Осенних Молний

1

У Селины пропала новая лента – синяя, вышитая золотом. Дочка никого не обвиняла, она вообще ничего не сказала, просто надела в церковь прошлогоднее розовое платье. Вытащить из девчонки правду удалось не сразу, и Луиза Арамона не сомневалась, что та молчит, чтобы не выдать сестру. Ленту, без сомнения, стащила Люцилла. Младшая вообще была нечиста на руку – видимо, в отца, от которого получила круглую мордашку с глазками-пуговками, а вот Сэль удалась в бабушку, уродившуюся достаточно красивой, чтобы из дочки тесемочника подняться до любовницы графа Креденни, и достаточно ловкой, чтобы удерживать при себе богатого вельможу сорок с лишком лет. Правда, ловкости за своей старшенькой Луиза не замечала.

Капитанша вздохнула – душой она себя не считала, но внешностью ее Создатель обидел. Спасибо, наградивший дочь лошадиной физиономией папенька озаботился купить ей мужа, пусть и дрянного. Они с Арнольдом терпеть друг друга не могли, но прижили пятерых детей и немалое состояние, а теперь супруг пропал, да еще как-то странно. Его искали, однако капитан Арамона будто сквозь землю провалился. В глубине души Луиза полагала, что так оно и есть, – отпечатки подковы без единого гвоздя ни с того ни с сего не появляются.

Как бы там ни было, жизнь в Кошоне стала невыносимой – сплетни, слухи, лицемерное сочувствие соседок и, самое главное, дом. Дом, которого Луиза боялась как огня и который никто не желал покупать даже за полцены. Решение все бросить и уехать, принятое капитаншей у пустой, холодной кровати, оказалось не так просто осуществить. Особенно после того, как она сгоряча отдала мужнины сбережения церкви.

Луиза написала матери. Та ответила, что примет дочь и внуков, но переехать в Олларию означало перестать быть себе хозяйкой. Остаться в Кошоне? Трястись по ночам от страха? Видеть, как красивую, милую Селину избегают бывшие подружки, а почтенные матушки взрослых сыновей, заметив семейство пропавшего капитана, переходят на другую сторону улицы? Нет, новый дом не спасет, придется бежать хотя бы ради детей. Сэль нужен хороший муж, а Герард мечтает стать гвардейцем. О будущем младших думать рано, но с паршивкой Циллой, пока не поздно, надо что-то делать.

То ли вдова, то ли брошенная жена отложила шитье. Вечерело, слуги уже ушли. Луиза платила очень хорошие деньги, однако на ночь в доме рисковали оставаться только привратник, большой любитель касеры, и кормилица Селины и Герарда, утыкавшая все стены заговоренными иголками. Луиза собралась с духом и отправилась проверять, все ли в порядке. Она обошла дом, начиная с погреба, проверила запоры на дверях и окнах – все было как обычно, но госпожу Арамона не покидал страх. По натуре бережливая, последнее время она не жалела свечей, которые горели всю ночь везде, кроме наглухо запертой мужниной спальни. Луиза понимала, что про это, как и про обмотанные разноцветными нитками иголки, знает весь горо-

док, но спать в темноте женщина не могла. Раньше суеверие Денизы бесило, теперь капитанша позволяла кормилице делать все, что та считала нужным. Не то чтобы Луиза уверовала в заговоренные шелковинки и рябиновые ветки, но хуже от них точно не станет.

В кухне и кладовых все было спокойно, даже слишком. Прежде в доме держали пару котов, но они исчезли одновременно с Арнольдом, а новые не приживались. Самые жалкие, подобранные на помойке котята орала, пока им не отворяли двери, после чего пулей вылетали из сытного и теплого дома.

Нет, так дальше продолжаться не может! Конечно, нор у маменьки тяжелый, из пятерых внуков она любит разве что двоих старших, а Циллу чуть ли не ненавидит, однако в Оллари не будет хотя бы сгнившей конюшни и опасных соседских взглядов. Луиза провела рукой по чисто протертому столу и вышла на лестницу. Как тихо! Раньше она прилагала немало усилий, чтобы заставить свой выводок вести себя смирно, теперь предпочла бы, чтоб дети безобразничали, а не жались по углам.

В комнатах сыновей было пусто – Герард и Жюль сидели с сестрами. Луиза тихонько остановилась на пороге маленькой гостиной. На первый взгляд все хорошо – Сэль с Амалией вышивают, Цилла, надув губы, смотрит в угол, Герард чинит разорванную цепочку, а Жюль, закатив глаза, рассказывает о победе в Варасте.

– Я увижу Первого маршала, когда пойду служить в гвардию, – твердо сказал старший, оторвавшись от своей работы.

– Маменька, – пискнула Амалия, – а вы видели маршала? Он в самом деле похож на Леворукого?

– Замолчи! – Луиза сама испугалась, услышав свой голос. – Не говори ерунды! Герцог Алва очень красивый и учтивый кавалер, у него синие глаза и черные волосы.

– И он лучший в мире фехтовальщик, – степенно добавил Жюль. – Его наш папенька учил.

Да уж, учил он, горе луковое... Скорее, это Ворон его учил, вернее, проучил. Луиза видела красавца герцога всего два раза, но этого хватило, чтобы понять – в мире есть счастье, доступное лишь тем, кто его недостоин. Например, Катарине Ариго.

– Вы, без сомнения, увидите герцога Алву, поскольку мы скоро переедем к бабушке в Олларию.

– Виват! – завопил воинственный Жюль. Герард укоризненно взглянул на младшего брата, но, без сомнения, тоже был рад и счастлив. Селина очаровательно потупила глаза, Амалия расплылась в улыбке, а Цилла выпалила:

– Ненавижу бабушку! Старая жаба!

– А ты – малая! – огрызнулся Жюль.

– Замолчите оба! – прикрикнула Луиза. Цилла становится невозможной, а с такой внешностью нельзя быть вспыльчивой и тем более нельзя выказывать ненависть бабушке и графу Креденьи, от которых зависит все. Арнольд хотя бы понимал, что хвост на благодетелей поднимать не стоит!

– Маменька, – Сэль отложила вышивание, – а когда мы переедем?

– Вещи начнем собирать завтра, – приняв решение, капитанша не имела обыкновения тянуть.

– Это хорошо, – невесело улыбнулась дочь, – а то нас тут боятся.

– Не хочу ехать, – заявила Цилла, – и не поеду. Никуда. Я буду ждать папеньку...

– Дура! – взвился Жюль, не терпевший сестру.

– Зачем ты так? – Селина обернулась к сестренке. – Мы все его ждем, но он уехал.

– Потому что вы его допекли. Все!

– Зачем ты так? – повторила Сэль. – Я его не обижала.

– Врешь, гадючка! – Цилла схватила с таким трудом соединенную Герардом цепочку и изо всей силы рванула. – Вот тебе! Вот! Вот! Вот!

Это было уже слишком. Луиза от души залепила визжащей дочери оплеуху и выволокла из комнаты:

– Ночевать будешь в синей спальне. Одна!

– Дура! – пискнула маленькая дрянь. – Кривоногая дура! Всё из-за тебя!

Луиза отвесила дочери еще одну пощечину – слов у нее не нашлось, а показывать слезы было не в правилах капитанши. Но если Цилла станет так вести себя при маменьке...

Женщина впихнула ревушую девчонку в комнату, предназначенную для гостей, и дважды повернула в замке ключ. Цилла заслужила наказание – за ленту, ссору с Селиной, порванную цепочку и гадкие слова про бабушку и мать, но Луиза старалась быть справедливой и, вернувшись, хорошенько отчитала Жюля. Тот угрюмо отмалчивался, было видно, что сынок считает себя кругом правым, и вообще-то так оно и было – в Циллу после исчезновения Арнольда вселился если не Леворукий, то самая пакостливая из его кошек. А то ли еще будет, когда девчонка осознает свое уродство! Луиза помнила, как просидела всю ночь перед зеркалом, с ужасом понимая, что это – ее лицо и ей с ним жить. К счастью, лошадиная физиономия хотя бы частично искупалась хорошими зубами и в самом деле чудесными волосами, а вот у бедняжки Люциллы на голове росли какие-то серые перышки.

Расчувствовавшись, капитанша едва не помчалась к дочке, но вспомнила, что нужно быть твердой, и вернулась в спальню. Маменька не потерпит злобных выходов, особенно по отношению к своей особе. Если Цилла не может изменить свой нрав, пусть хотя бы боится наказания.

Чтобы отвлечься, Луиза принялась разбирать вещи. Как их, оказывается, много...

Женщина перетряхивала сундук за сундуком, вытаскивая мелочи, о которых давным-давно забыла. Когда часы пробили полночь, она сидела на полу в окружении старых девических безделушек, самозабвенно нанизывая рассыпавшиеся много лет назад пестрые бусы.

2

Кто-то изо всех сил колотил в дверь молотком. Не вор, вору не стучат. Может, известие от матери или господина графа? Луиза, хотя и была осведомлена о своем благородном происхождении, с детства привыкла называть отца «господин граф».

Женщина отложила недонизанные бусы, накинула расписную шаль и вышла из спальни. Ночной гость барабанил как сумасшедший. Пьян? Куда только смотрит привратник?! Наглецу платят не за то, что он пьет касеру! Луиза Арамона кипела, у нее чесались руки распахнуть дверь и высказать придурку все, что она о нем думает, но в прихожей стояла очень бледная Селина. Услышав шаги, она как-то странно всплеснула руками и бросилась матери на шею, ее била дрожь, а глаза расширились от ужаса.

– Кто там?

Луиза, стараясь держаться спокойно, обвела глазами прихожую в поисках оружия. Где-то в доме были пистолеты, а в кухне есть топор и разделочные ножи.

– П-п-п-п-п... – с посиневших губ срывались непонятные, пугающие звуки. Отчаявшись что-то понять, капитанша силой усадила дочь на покрытый старым гобеленом сундук. Распахнулась дверь, появился Герард. Слава Создателю, парень озаботился прихватить топорик.

– Что такое? – голос у старшего все еще ломался, иногда он говорил чуть ли не басом, иногда визжал, как поросенок. Из-за спины брата выглядывал растрепанный Жюль.

– Сейчас посмотрим.

Луиза раздвинула губы в улыбке, порываясь отойти от Сэль, но та вцепилась в мать мертвой хваткой:

– Там пап-п-пенька... пап-пенька!

Женщина почувствовала, что у нее подкашиваются ноги, но нашла в себе силы сделать три шага и глянуть в зарешеченное дверное окошечко. Капитан Арнольд Арамона собственной персоной стоял на крыльце родимого дома. Луиза видела круглое, обрюзгшее лицо, выпученные глаза, надвинутую на самые брови шляпу.

Супруг тоже узрел дражайшую половину и прорычал:

– А ну, отворяй! Распустилась тут!

Этот скот свинячий проболтался невесть сколько времени под юбкой у какой-то дряни, потерял место, выставил семью на посмешище, а теперь чего-то хочет! На смену ужасу пришли ярость, обида и сожаление об отданных священнику золотых. Луиза уперла руки в боки и выпалила:

– Убирайся откуда пришел! Для нас ты – покойник, нечего тебе в доме делать! Ноги твоей здесь не будет! Пшел на кладбище, хряк поганый!

– Лу... – Арамона сменил гнев на заискивание. Такое с ним бывало и раньше. – Ну что ж ты так... Я больше не буду... Ну давай жить как люди... Пусти, а?

Покорность провинившегося лишь подлила масла в огонь. Луиза очень долго молчала, зато теперь... Разъяренная женщина, к полному восторгу Жюля, выплеснула на голову блудного мужа все, что о нем думала последние девятнадцать лет. Арамона лишь переминался с ноги на ногу и бубнил, чтобы его простили и пустили.

– Не буду... Брошу пить... Ты у меня одна... Я понял... Там у меня ничего не вышло... У нас дети... Дорогая... Отопри...

Гнев Луизы понемногу иссякал. В конце концов, этот урод и впрямь был ее мужем и отцом ее детей. Если пустить, соседи, конечно, позубоскалят, зато перестанут глядеть на них как на прокаженных, можно будет остаться в Кошоне, а Цилла и впрямь любит старого поганца. И вообще повинную голову меч не сечет.

– Всё! – талдычил свое раскаявшийся грешник. – Точно говорю... Всё! Это в последний раз... Хочу домой... Отопри, Лу! Куда я пойду?

– И впрямь, кому ты нужен, – согласилась Луиза, поворачивая ключ и распахивая дверь. Почти прощенный супруг переминался с ноги на ногу, но в дом не шел.

– Всё, – изрек он наконец. – Точно... Там отрезано. Пусти, а?

– Да кто ж тебя не пускает?! – рявкнула жена. – Встал на пороге, ровно обормот какой...

– Пусти, – тянул свое Арнольд, – домой хочу... Ну... Того... Сняла бы ты это... Мешает... Устал я... Холодно...

– Так чего ты, причеши тебя хорек, без плаща шляешься? – спросила Луиза.

Почему Арнольд не заходит? И какой он бледный! Да он же совсем замерз...

– Мама, – шепот Селины был страшней любого крика, – мама, у папеньки нет тени!

Создатель, она права! Ноги Луизы приросли к полу, однако Герард не сплоховал. Отпихнув мать с дороги, он бросился затворять дверь, но не успел. Арамона вцепился в створку, раздался треск и грохот, толстые доски переломились, как солома. Капитан рванулся вперед, будто бык, но что-то его остановило – и без того выпуклые глаза вовсе вылезли из орбит, мышцы на шее вздулись, но обычно красное лицо осталось творожисто-бледным. По Арнольдовой роже можно было подумать, что он удерживает гору, хотя между ним и обомлевшими домочадцами не оказалось даже пустого мешка.

– Святая Октавия... – шептала Луиза, прижимая к себе Жюля. Герард снова схватился за свой топорик, Селина молча глядела исподлобья. Арамона продвинулся на полшага и вновь замер.

– Именем Четверых! – вопль ворвавшейся кормилицы разогнал жуткую звенящую тишину. – Убирайся откуда пришел! Четыре Молнии тебе в рыло, четыре Ветра в зад, башкой тебя об четыре Скалы и четыремя Волнами сверху! А ну, сударыня, брысь!

Луиза торопливо отступила, давая дорогу Денизе. Та выскочила из прихожей и тотчас вернулась, таща четыре свечи. Арамона прорычал что-то непонятное, злое, древнее, как сама смерть. Кормилица, не глядя на рвущееся в дом чудовище, все еще похожее на исчезнувшего Арнольда, сунула по свече Луизе, Селине и Герарду и высекла огонь.

– А ну, давайте!

Женщина подняла свечу и забормотала:

– Пусть четыре Ветра развеют тучи, сколько б их ни было. Уходи!

– Пусть четыре Волны смоят зло, сколько б его ни было. – прошептала Селина, поднимая свой огонек. – Уходи!

– Пусть четыре Молнии падут четырьмя мечами на головы врагов, сколько б их ни было, – твердо произнесла Луиза. – Уходи!

Оказывается, она помнит эти слова, всегда помнила...

– Пусть четыре Скалы защитят от чужих стрел, сколько б их ни было! – выкрикнул Герард. Свеча в руке мальчика казалась кинжалом.

– Я... – Арамона торопливо отступал в ночь, – я... я не хотел. Холодно... Меня заставили... У меня ничего не вышло...

3

Потолок наклонился влево, потом вправо, потом закружился, из углов пополз туман, Луиза отчетливо почувствовала во рту привкус железа, и все куда-то пропало, а потом появился запах. Отвратительный, навязчивый. Так пахнут горелые перья. Пожар? Или кто-то палит курицу? Какая мерзость!

Женщина открыла глаза. Над ней нависала Дениза:

– Очнулись, сударыня?

– Где... где он?

– Убрался... Хорошо, я над входом рябины натыкала, да и вы его не пустили...

– Я открыла...

– Открыть-то вы открыли, но по имени не позвали, а им без зова никак не войти.

– Им?

– Им! – назидательно сказала Дениза. – Выходцам, стало быть... Одно скажу – помер он, это точно. И погано помер, потому и шляется!

– Он вернется?

– Куда ему деваться, – фыркнула кормилица. – Будет таскаться, пока своего не добьется или пока срок ему не выйдет. Четыре раза по четыре заявится, да и отстанет, ежели ему ничего не обломится.

– А уехать? В Олларию?

– Выходцу что Оллария, что Кошоне – все едино! Он за вами приходил. Выходцы они всегда так – норовят всех сродственников кровных да любовников за собой утянуть, а Лево-рукий-то и рад! Да вы вставайте, сударыня, чего на полу сидеть-то... Сегодня не придет уже... Хватит!

– Надо вызвать плотника, – сказала Луиза, с помощью Герарда поднимаясь на ноги. – Надо обязательно вызвать плотника и починить дверь.

– Мама, – прошептала Сэль, – если он придет еще раз, я умру.

– Помрешь, если его впустишь и позволишь себя поцеловать! – рявкнула Дениза. – Надо утром за осокой сходить, осока – она от выходцев хорошо помогает... Раньше-то я не знала, от чего беречься, а теперь мы его, голубчика, ущучим. Только вот чего! Как он припрется, всем надо в одной комнате собраться, запалить четыре свечи и не слушать, что бы он ни вопил. Покричит, повоет, да и уйдет. Нет у него такой власти – без спросу в дом входить!

– Все равно нужно уехать, – покачала головой Луиза, – и к исповеднику сходить.

– Толку-то, – махнула рукой Дениза. – Вот эсператисты, те в нечисти понимали, а наши...

Но похоронный молебен заказать надо, а то не по-людски как-то, все ж человек был.

– Закажем, – пообещала теперь уже точно вдова. Тошнота пока не отпустила, да и в ушах звенело, но женщине внезапно стало легче. Знать всяко лучше, чем слепо тыкаться во все стороны. Теперь ясно, что Арнольд мертв и старается утянуть с собой семью, а может, и своих дурлюбовниц. Надо предупредить эту, как ее, Жавотту. Она, конечно, еще та тварь, но не бросать же живую душу на растерзание нечисти. Откроет любовнику – и всё! А у паршивки родичи есть, сестра, племянники, эти-то уж точно ни при чем. Луиза вспомнила страшные рассказы, в которых выходцы опустошали целые деревни. В детстве она боялась, потом перестала, а все оказалось правдой.

– Дениза... – святая Октавия, как болит затылок, похоже, стукнулась об угол сундука, – поставь воды... Я хочу выпить шадди.

– И-и, сударыня, – Дениза вздохнула, она любила вздыхать, – тут шадди не обойдешься, а уж травками – тем более. Вот касера...

– Хорошо, давай касеру, это и впрямь не повредит.

– Я, мам, тоже выпью, – высунулся Герард.

– А, – махнула рукой Луиза, – пожалуй. Только Жюля отведи в спальню. Селина, тебе надо в постель.

– Сперва ты, – прошептала девушка, – мама, он... он за тобой приходил.

– Не за ней, – отрезала Дениза. – За первым, кто его по имени позовет.

– Мама, – на пороге стояла растрепанная Амалия, – мне страшно!

– Всем страшно, – буркнул Герард.

Да, всем страшно... А Цилла одна в пустой комнате! Как она могла забыть! Луиза, все еще пошатываясь, ринулась в коридор. В синей спальне было тихо – малышка спала и ничего не слышала, а то подняла бы крик. Циллу теперь ни минуты нельзя оставлять без присмотра, если кто и готов впустить Арнольда, так это младшенькая.

Луиза осторожно отперла дверь, противно скрипнули ржавые петли. Святая Октавия, она совсем забросила дом, надо завтра же смазать все двери. В лицо пахнуло затхлой сыростью, словно из погреба. Внутри было темно и тихо, слишком тихо. Луиза подняла повыше свечу и закричала.

Дочки в спальне не оказалось. Не оказалось никого. Комната будто простояла запертой не одну зиму. Синяя ткань, которой были обиты стены – именно она дала название спальне, – истлела и висела грязными, мокрыми клочьями, доски под ногами сгнили и покрылись осклизлым налетом, на влажных простынях проступали отвратительные пятна, а три банкетки словно бы обтянуло бурым мехом, на поверку оказавшимся плесенью. Луиза ухватилась за холодный дверной косяк, свеча вывалилась из подсвечника и погасла, но женщина этого не заметила. Цилла! Ее уродливая, злая, крикливая дочка, ее девочка! Где она? Что с ней? «Святая Октавия, да сделай же что-нибудь! Верни мне Циллу, она же ни в чем не виновата... Ей нет и шести, дети не могут быть виноваты!»

– Ой, сударыня!

Кто это? Дениза? Что ей надо? И где Цилла?

– Уволок он ее! – кормилица всплеснула руками. – Как есть уволок! То-то он так быстро удрал... Выходцы они хитрые. Понял, что мы его не пустим, так гад к малбй сунулся, а она окно и открой. Сам-то войти не смог, дите неразумное его папенькой зовет, а не по имени нареченному. Короче, поцеловал он ее, и она с ним ушла. Ой, сударыня, теперь вовсе худо! Вы даром что с понятием, а мать – она и есть мать. Как придет дочка под окно, как примется плакать, вас же за руки хватать придется!

– Я буду держать, Дениза, – пробормотал Герард. – Гвардейцам выходцы не страшны!

Может, гвардейцам и не страшны... Арнольд пришел и увел Циллу. Теперь ее тоже нет, есть выходец. Выходец, который будет плакать под окнами, кричать, звать мамку, жаловаться на холод и голод, но она не должна отзываться. Не должна, потому что четверо старших живы, ради них она выдержит.

– Дениза, что делать с комнатой?

– Запереть. Завтра наберу осоки и все ею заброшу, а сейчас поставим четыре свечи и пойдем, негоже гнилью этой дышать... Ох, четверо заступничков, оберегите и сохраните! Вот беда-то!

Дениза что-то шептала, плевалась, приносила и зажигала свечи, Сэль с Герардом ей помогали, а Луиза все цеплялась за подгнившее дерево и смотрела на пустую кровать. Если б она не наказала Циллу, та была бы с ней. Она ушла с отцом, потому что ненавидела всех, кроме него. Нет, всё не так! Она погибла, потому что ее мало любили...

Глава 4 Талиг. Фрамбуа Оллария

398 год К.С. 11-й день Осенних Молний

1

Ричард чуть ли не час провел у зеркала, решая, стянуть ему волосы по-варастийски, расчесать на прямой пробор, как это делает Савиньяк, или отбросить назад по примеру своего эра. Увы, темно-русая шевелюра, чтоб бы юноша с ней ни творил, никак не желала производить нужное впечатление. Еще одной неприятностью стало истрепавшееся перо на шляпе, и, разумеется, в последнее мгновение у плаща ослабла застежка. Выручил Эмиль, ссудивший молодого человека и пером, и пряжкой. Ричард был брату Арно искренне признателен, тем паче что с этой минуты все пошло как по маслу.

Довольный собой и всем миром Дикон спустился во двор «Талигойской звезды», оставалось выбрать лошадь. Рокэ сдержал свое обещание и, когда они проезжали Линарэ, купил оруженосцу белоснежного коня. Бьянко был неописуемо красив, отличался хорошей рысью и покладистостью, но Соной юноша дорожил больше. Они вместе скакали навстречу врагу, замирали от ужаса над обезумевшим потоком, блуждали по ночной степи... Сона была другом, Бьянко – всего лишь роскошным породистым жеребцом, на которого оборачиваются прохожие.

Год назад Дикон отдал бы за настоящего линарца десять лет жизни, сейчас страдания из-за невзрачности Баловника вспоминались со стыдом. Чужие насмешки для герцога Окделла больше не значили ничего, ну, или почти ничего...

Ворон лишь усмехнулся, увидев, что Ричард продолжает ездить на вороной кобыле, а Савиньяк заметил, что выбор Дика делает честь не только его сердцу, но и уму, – даже лучший линарец никогда не сравнится со средним мориском. Осмелевший оруженосец попросил эра забрать Бьянко и, если можно, оставить ему Сону.

– Она и так твоя, – махнул рукой Алва. – Девица тебя приняла, так что все в порядке, а запасной конь никому еще не мешал. У тебя, кажется, есть сестра, лучшего подарка для невесты не найдешь!

Айри будет в восторге, у нее никогда не было такой роскошной лошади, да и откуда бы! На деньги, которые Рокэ отвалил за Бьянко, Повелители Скал живут полгода. Дикон каждый день навещал белоснежного красавца, представляя, как заблестят глаза Айрис. Правда, оставалось объяснить матушке и Эйвону, откуда у него линарец. Юноша боялся, что герцогиня, узнав, как попал к ее сыну конь, запретит дочери его принять. Сказать, что жеребец – выигрыш? Матушка не одобряет азартных игр. Выдать Бьянко за военный трофей? Ричард с сомне-

нием разглядывал двух лошадей – вороную и белоснежную. Так Сона или Бьянко? Если б знать вкусы Катари...

Из дома торопливо выскочил папаша Эркюль и остановился, придерживая дверь, которая и не думала закрываться. Трактирщик с благоговением взирал на Ворона, за которым следовал раскрасневшийся Манрик.

– Герцог, – генерал-церемониймейстер говорил столь же громко и недовольно, как и Жиль Понси, – существуют неписанные законы. Победитель въезжает в столицу на белом коне. У ворот Олларики ждут люди с подходящим жеребцом...

– Хватит, Фридрих, – Рокэ небрежно взмахнул перчатками. – Мне и до писаных-то законов дела нет, а уж до неписанных! С тем, что к любой удаче присасываются десятки не имевших к ней никакого отношения двуногих, ничего не поделать, но лошадей со стороны я не потерплю.

Святой Алан, Рокэ прав! Воина украшают победы, а не вышитые плащи и разукрашенные скакуны, к тому же их величества ожидают победителей не на улице, а в Большом Тронном зале. Герцог Окделл выбрал – он въедет в столицу на Соне. В конце концов, это очень хорошая лошадь. Очень! Плохих в конюшне Ворона просто нет.

Фридрих Манрик красноречиво пожал плечами и отошел, а Рокэ, даже не взглянув в его сторону, взлетел в седло. В черном маршальском мундире, отороченном пеной алатских кружев, белом плаще с гербом Олларов и белой же шляпе с черным пером Кэналлийский Ворон был великолепен, равно как и Моро. Мориск рыл покрытую инеем землю и злобно косился на других лошадей.

– Я посоветовал бы Манрикам и другим достойным людям воздержаться от общения с Алвой хотя бы сегодня, – заметил Савиньяк, хватая своего рыжего за гриву.

Дик бросил взгляд на эра. Тот ослепительно улыбался.

– Не туда смотришь, – хмыкнул кавалерист. – Рокэ скрытен, как Леворукий, но Моро готов всех разнести по кустам, а это верный признак – черный змей чует хозяина, как никто. Хотел бы я знать, что с ним такое. Вчера был человек человеком, а сегодня не ровен час кого-нибудь убьет...

Эмиль наверняка знал, что говорит, но Ричард был слишком возбужден и доволен жизнью, чтобы думать о неприятном. Слова Савиньяка вылетели у юноши из головы, едва он занял свое законное место возле Проземператора Варасты. Рокэ дружелюбно кивнул оруженосцу, он выглядел вполне довольным, а Моро просто выказывает норы. Мориск не любит, когда рядом незнакомые кони, и всадник тут ни при чем.

Распахнулись ворота, и блистательная кавалькада двинулась радостно вопящей улицей. Заворачивая за угол, Дикон бросил прощальный взгляд на «Талигойскую звезду». Юная Октавия задумчиво смотрела вдаль, она ждала свою любовь и надеялась на счастье, а Ричард Окделл на него не надеялся, потому что был счастлив здесь и сейчас.

2

Матушка и отец Матео предостерегали от тщеславия и гордыни, но, когда Повелитель Скал конь о конь с Первым маршалом Талига вступил в Олларию, он был горд. Столица упивалась победой – горожане толпились на улицах, орали, махали руками и платками, подбрасывали в воздух шапки, шляпы и чепцы, звонили во множество украшенных синими и черно-белыми бантами колокольчиков, которым отвечали сотни церковных колоколов. Балконы и окна домов украшали трепещущие на легком ветру ленты, на воротах висели гирлянды из тугих ветвей, в которые были вплетены восковые и бумажные цветы, издали мало чем отличавшиеся от настоящих.

Короткий, заблудившийся между осенью и зимой день кончался, солнце клонилось к западу, окрашивая легкие облака нежно-розовым и сиреневым. Скоро на перекрестках зажгут костры, веселые и благодушные по случаю праздника стражники выкатят жителям славного города Оллари бочки с вином, и начнутся недельные празднества.

Кавалькада миновала город Франциска, затем Новый город, переставший быть таковым четыреста лет назад, но сохранивший название, и, наконец, Старый. Расцветенный флагами и венками из белых и пунцовых королевских гвоздик Ружский дворец остался слева, впереди замаячила Фабианова колонна. Во времена Раканов ров, в который поступала вода из Данара, отделял обиталище талигойских королей от города, где жили простые смертные, но Франциск Оллар решил, что это неправильно.

Узурпатор велел снести часть укреплений и засыпать ров; на месте занимавшего северную часть Цитадели аббатства вырос Новый дворец, а старый, кроме приречного крыла, вписанного гайифскими зодчими в новую постройку, снесли. Спустя еще двести лет разобрали обветшавшие резиденции глав Великих Домов и перестроили королевский храм, а место толстых каменных стен заняли изящные кованые решетки. От цитадели Раканов осталось лишь несколько зданий, но всякий раз, когда Сона ступала на древние четырехугольные плиты, сердце Дика начинало биться сильнее. Сколько крови и слез, побед и поражений, подвигов и предательств помнили эти камни!

Ричард Окделл еще выше поднял врученный ему по приказу генерала-церемониймейстера штандарт Проэмперадора. Сын Эгмонта Окделла отнюдь не чувствовал себя униженным – наоборот! Они выиграли войну, сражаясь под этим знаменем, а человек, которому оно принадлежало, был лучшим полководцем Талига и всех Золотых Земель.

Звонкий голос труб, гром пушек, стройные ряды гвардейцев, черно-белые ковры, устилающие пологую лестницу, двери Нового дворца, распахнувшиеся в тот момент, когда победитель миновал внутренние ворота и осадил коня. Почести пьянили не хуже старого кэналлийского. Дик спрыгнул с Соны, даже не взглянув, что случилось с его любимицей, и передал знамя подбежавшему гвардейскому офицеру. Рокэ ничего не сказал оруженосцу насчет церемонии, но Окделл решил не отставать от эра. Может, он и погрешит против этикета, зато увидит свою королеву.

Юноша думал, что они повторят путь, которым шли в день рождения ее величества, но на этот раз все было иначе. Вдоль застланной белыми коврами парадной лестницы застыли гвардейцы. Придворные не толкались на пути, а чинно стояли вдоль стен, никому и в голову не пришло заговорить с идущими. Алва и его офицеры проходили зал за залом, перед ними, словно по мановению волшебного жезла, распахивались массивные двери, а впереди сиял огнем тысяч свечей Большой Тронный. Его Дикон еще не видел – там вообще редко кто бывал.

Обычно огромное помещение стояло запертым, а все церемонии проводились в Малом и Среднем Тронных залах, но победу в Варасте сочли достойной Большого. Ричард издали заметил возвышение, где на двойном троне восседали мужчина и женщина. Король и королева! Чуть сбоку от их величеств стояло кресло кардинала, а за тронном замерли капитан личной королевской охраны и комендант Оллари в парадных мундирах, но юноша видел только Катарину.

Королева была в черной, отороченной горностаевым мехом мантии и белоснежном платье, а на шее у нее горела тревожная алая звезда. Ричард сразу же узнал подарок Рокэ. Катари надела легендарную ройю не из тцеславия – это был знак признательности победителю, признательности и... Сердце юноши сжалось, но не от ревности, а от грусти: любовь Прекрасной Дамы принадлежит Непобедимому Воину. Это закон, и это справедливо.

Все замерло. Торжественную тишину нарушало лишь потрескивание свечей и, так, по крайней мере, казалось Ричарду, стук его собственного сердца. Дик видел, как дрогнули ресницы Катарини Ариго; в своих тяжелых одеяниях она выглядела особенно хрупкой и нежной.

Такой же, как святая Октавия... Трактирный художник сумел поймать это неуловимое обреченное очарование, а придворные живописцы старательно изображают парчу и жемчуга, но не задумываются о душах тех, кого рисуют.

3

Находящиеся на верхней галерее музыканты грянули «Создатель, храни Олларов». Фердинанд вздернул голову – этот король любил царствовать, хотя и не пытался править.

– Рокэ, герцог Алва, Проэмперадор Варасты, Первый маршал Талига, подойдите к нам.

Ворон красивым упругим шагом подошел к трону и изящно преклонил колено, глядя на сюзерена снизу вверх.

– Мы, Фердинанд Второй, – Леворукий ведает, что чувствует победитель, но Фердинанд гордостью прямо-таки лучится, – награждаем Рокэ, герцога Кэналлийского и Марикьярского, орденом Святой Октавии.

Катарина Ариго вскочила, на мгновение застыла на краю возвышения, затем робко, словно опасаясь упасть, спустилась по восьми пологим ступеням, взяла с алой бархатной подушки, которую держали две юные девы, бриллиантовую звезду на синей ленте, торопливо надела на шею своему любовнику и поцеловала его в лоб.

Лицо королевы стало пунцовым, словно гвоздика. Алва поднес к губам край платья ее величества, а затем поцеловал хрупкие пальчики, сохранив полное спокойствие. Сильвестр не понял, маршал ли задержал руку Катарини во время поцелуя или же королева помедлила, отнимая ее. Зато потом страдальца за отечество не мешкала, грациозно бросившись к блаженно улыбающемуся супругу.

Музыканты сыграли «Талигойскую звезду», во дворе выстрелили из пушек. Орден Святой Октавии – последний из пяти высших талигойских орденов, которого еще не было у Ворона. Награда королев и память о королеве, чья кровь течет как в жилах Олларов, так и в жилах Алва. Потомки одной и той же женщины, как же они не похожи! Фердинанд хотел учредить новый орден, достойный подвигов Первого маршала, но его высокопреосвященство счел, что лучше повременить – Кагета еще не Гайифа и не Дриксен, тем более что Алву ждет еще одна награда.

Вновь поднявшийся Фердинанд провозгласил, что Проэмперадор Варасты становится герцогом Варастийским и Саграннским. Титул ничего не менял, Рокэ Алва и без него – единственный человек в Талиге, которого варастийцы и новоявленные горные союзники не посмеют ослушаться. Мало того, кэналлиец был полноправным хозяином спасенной им провинции не только по праву меча, но и по праву крови. Сейчас мало кто помнит, что до принятия эсператизма Вараста принадлежала Борраскам, затем давшие провинции свое имя герцоги вымерли от морового поветрия, а их земли были заброшены и прокляты.

Тогдашний Эсперадор рассудил правильно – зараза может ждать своего часа веками, а что лучше сдержит верующих, чем страх перед вечным проклятьем? Причина давно забыта, но старый запрет живет, становясь чем-то бóльшим, чем любой закон, подписанный любым властителем. Вернул опустевшие земли к жизни Франциск. Срывая древние печати, бастард всерьез рисковал – пронесло, зараза не проснулась...

Музыканты сыграли новый марш, под названием «Триумф Рокэ Алвы». Маэстро Алесандри по праву слыл отменным музыкантом, а в его бюро всегда лежало несколько гимнов, реквиемов и каприччо, которым не хватало лишь названий. Когда было нужно, Алесандри пускал запасы в ход, клянясь, что создал их в одну ночь под воздействием потери, победы или очарования какой-нибудь красавицы. Это было удобно – понятливые музыканты укрепляют трон. Так же как художники, драматурги, поэты...

Кардинал начал осторожно разминать затекшие суставы, чтобы, поднимаясь, не произвести впечатления старой развалины. Сейчас Алва произнесет несколько предписанных церемониалом фраз и попросит награды для своих сподвижников, а его величество пообещает не забыть никого и ничего. И не забудет – указы готовы. Остается их подписать, что и будет сделано утром в присутствии иноземных послов. Герои Варасты станут героями завтрашнего дня, потом придется встречать бакрийское и кагетское посольства, но на сегодня, хвала Леворукому, всё! Конечно, не помешало бы обсудить с Рокэ подробности его походов, но это ждет.

Кардинал почувствовал, что смертельно устал, а ведь он не трясся полдня в седле, как Алва и Савиньяк. Рокэ – железный, но, надо полагать, даже он вряд ли этой ночью порадует королеву. А это еще что такое?! Фердинанд, вместо того чтобы величавым жестом отпустить присутствующих, встал сам. Король явно что-то придумал, чем и гордился. В последнее время он слишком часто что-то придумывает!

– Рокэ из Кэналлоа, – Фердинанд отчего-то пошел не вперед, а назад и втиснулся между собственным тронном и стеной, – мы наградили тебя как услужившего нам талигойца. Мы наградили тебя как Проэмперадора Варасты, но Первый маршал Талига еще не получил свою награду.

Наш великий предок Франциск в память о крови, пролитой за него Первым маршалом Талига Рамиро Алва, учредил ритуал вступления преемников Рамиро в должность. Пять лет назад ты перед лицом Создателя кровью поклялся быть щитом Талига и отдать жизнь за жизнь своего короля. Ты верен клятве, как были верны ей твои великие предки. Увы, в Талиге нет воинского ордена, достойного твоей доблести и твоей верности, но мы, Фердинанд Второй Оллар, даруем тебе и в твоём лице всему роду Алва право носить меч талигойских королей и назначаем тебя его пожизненным хранителем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.